

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

43

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Д. КОРОЛЮК (отв. ред.), М. А. БИРМАН (отв. секр.),
Г. К. ВЕНЕДИКТОВ, В. М. ЗАЙЦЕВ, В. П. ЗЛЫДНЕВ,
В. М. ПЛЛИЧ-СВИТЫЧ, А. Х. КЛЕВАНСКИЙ,
И. И. КОСТЮШКО, А. П. СОЛОВЬЕВА

Г. К. Венедиктов

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

I. В последние годы заметно возрос интерес к истории современного болгарского литературного языка. Свидетельством этому является целый ряд новых работ, посвященных различным сторонам данной проблемы. Возросший интерес к истории болгарского литературного языка связан, несомненно, с тем, что проблемы славянских литературных языков вообще и их истории в частности занимают одно из главных мест в современном славянском языкознании. Это наглядно подтвердила и тематика последних международных съездов в Москве (1958 г.) и Софии (1963 г.). Поэтому в рамках усилившегося интереса к этой проблеме в общеславянском масштабе оказалось вполне естественным и назревшим обращение к истории болгарского литературного языка, характеризующейся своеобразными особенностями сравнительно с историей других литературных языков славянских народов. Из более частных обстоятельств, способствовавших усилению интереса к истории болгарского литературного языка, следует указать на 200-летие «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского, торжественно отмеченное в 1962 г. Эта юбилейная дата послужила дополнительным стимулом к исследованию преимущественно языка самого Паисия, с именем которого многие ученые связывают важный этап в истории современного литературного языка.

Из работ последнего времени, специально посвященных истории литературного языка, надо прежде всего отметить серию статей Л. Андрейчина, в которых рассматриваются такие важные вопросы формирования современного болгарского литературного языка, как вопрос о связи возникновения и развития литературного языка с историческими условиями Возрождения Болгарии, вопрос о начале современного болгарского литературного языка, о соотношении книжных и народных элементов и о роли церковнославянского и русского языков в процессе формирования современного литературного языка и др. Некоторым общим вопросам истории болгарского литературного языка посвящены работы С. Б. Бернштейна, Л. Тодорова, С. Хержмана и др. Важное место в кругу работ последних лет занимает серия статей, посвященных анализу языка «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского (Л. Андрейчин, Е. Георгиева, Л. Тодоров, В. Попова, А. Кирянов, Ив. Снегаров, Ал. Милев).

Несмотря на появление новых работ, целый ряд важнейших вопросов истории болгарского литературного языка остается еще не изученным, по многим вопросам существуют разные точки зрения. Сделанное представляет собой по существу лишь первые шаги, первые подступы к созданию обширной истории современного болгарского литературного языка.

Не случайно поэтому от задуманной некоторое время назад Институтом болгарского языка Болгарской академии наук работы по созданию такой истории пришлось почти сразу же отказаться, так как такая работа была (и орается пока и теперь) еще преждевременной «ввиду недостаточной разработки множества конкретных, теоретических и методологических вопросов»¹. Предстоит еще значительная подготовительная работа по накоплению конкретного фактического материала и по решению ряда важных вопросов принципиального характера.

К числу последних относится и вопрос о начале истории современного болгарского литературного языка. Важность принципиального решения этого вопроса очевидна и подчеркивается всеми историками болгарского литературного языка². Определение ранней хронологической границы современного литературного языка важно как в историко-культурном отношении, так и в собственно лингвистическом отношении. В чисто языковедческом плане от того или иного решения этого вопроса зависит периодизация истории литературного языка, в значительной степени предопределяется в сущности и само описание изменений, происходивших в литературном языке.

Несмотря на очевидную важность решения вопроса о начальном моменте в развитии современного литературного языка, вопрос этот — сложный и трудный — еще не решен и по нему в настоящее время, как и раньше, высказываются разные точки зрения. Ниже мы рассмотрим две из существующих точек зрения, связывающие начало современного болгарского литературного языка с именами Паисия Хилендарского и Софония Врачанского.

II. 1. В последнее время становится популярной точка зрения о Паисии Хилендарском как об основоположнике современного болгарского литературного языка. Л. Андрейчин в статье «Езикът на Паисиевата „История славеноболгарска“ и началото на новобългарския книжовен език» пишет: «С народной основой своего языка и со своим методом расширения и обогащения этой основы при использовании наследства нашей древней староболгарско-церковнославянской традиции Паисий с полным основанием может считаться родоначальником (именно родоначальником, а не полным создателем) нашего современного литературного языка»³. Такова же точка зрения и С. Б. Бернштейна: «Не может быть никакого сомнения в том, что изучение истории

¹ Л. Андрейчин. Някои въпроси около възникването и изграждането на българския книжовен език във връзка с историческите условия на нашето възраждане. «Български език», 1955, кн. 4, стр. 310.

² Так, например, Е. Георгиева подчеркивает: «Уточнение времени возникновения болгарского литературного языка — важная задача нашего языкознания. С разрешением этого вопроса, с определением основных моментов развития нашего литературного языка, с уяснением особенностей этого развития будет заполнен большой пробел в болгарской языковедческой науке» («Синтаксисът в Славянобългарска история от Паисий»). — «Известия на Института за български език», IX, 1962, стр. 47).

³ См.: «Български език», 1962, кн. 6, стр. 489—490. См. также: Л. Андрейчин. На езиков пост. София, 1961, стр. 31—32. — Несколько ранее это положение Л. Андрейчин высказывал менее категорично, говоря, что начало современного литературного языка следует искать «не далее истории Паисия» («Някои въпроси около възникването и изграждането на българския книжовен език. . .», стр. 312). Ср. также его статью «Старобългарско градиво в съвременния български книжовен език», где указывается, с одной стороны, что «новобългарский литературный язык зарождается во второй половине XVIII в. и формируется в XIX в. на основе современного живого народного языка» («Български език», 1963, кн. 3, стр. 199), а с другой стороны, что «новобългарский литературный язык возник едва в XIX в. на основе современной народной речи» (там же, стр. 198). Последнюю фразу с глаголом *возник* (*е възникнал*) следует, очевидно, понимать в том смысле, что в XIX в. болгарский литературный язык окончательно сформировался на базе народного языка.

болгарского литературного языка следует начинать с середины XVIII в. Если это изучение связывать с деятельностью определенного лица, то таким должен быть Паисий Хилендарский⁴. С именем Паисия связывает начало современного литературного языка и Е. Георгиева⁵.

Решение вопроса о том, является ли Паисий Хилендарский родоначальником современного болгарского литературного языка или не является, зависит прежде всего от того, как рассматривать сам язык «Истории славяноболгарской», а также и то влияние, какое он оказал в целом на формирование болгарского литературного языка в том его виде, в каком он окончательно сложился к 70—80-м годам XIX в.

Что касается внешних, внеязыковых факторов, то они, как известно, играют важную роль в формировании литературных языков. Ими, в частности, в значительной степени определяется, какой из опытов создания литературного языка утверждается в качестве основы дальнейшего развития современного литературного языка, а какой (какие) из опытов с самого начала или с течением времени становится достоянием истории борьбы за формирование литературного языка. Однако не следует и преувеличивать значения внешних факторов, особенно там, где внутренние, собственно языковые данные приходят в явное противоречие с тем, что, казалось бы, должно вытекать из соответствующих внеязыковых, общественно-исторических и культурных фактов. Это, на наш взгляд, в полной мере относится и к рассматриваемому в настоящей статье вопросу.

Общеизвестно огромное значение, которое имеет «История славяноболгарская» Паисия в деле национального возрождения болгар. Общеизвестно также, что творение Паисия обусловлено определенными общественно-историческими условиями, в которых оказалась Болгария к середине XVIII в., находясь под политическим и духовным игом. Хорошо известно также, что Паисий явился выразителем назревших духовных потребностей болгарского народа в ту эпоху. Одним словом, появление «Истории славяноболгарской» Паисия — это событие величайшей важности в общественной и культурной истории болгарского народа. Но из этого еще не следует, что оно явилось и началом развития современного литературного языка, ибо язык «Истории славяноболгарской», хотя и содержит много элементов народного языка того времени, отнюдь не порывает со старой, церковнославянской традицией и, следовательно, не является той основой, на которой формировался современный болгарский литературный язык. Точно также из того, что «История» Паисия открывает первую страницу в истории новой болгарской литературы, не следует обязательно, что именно с этим произведением надо связывать начальный момент и истории нового, современного литературного языка. В принципе ведь новое по жанру, по своим идеям произведение может быть написано и на старом (в данном случае церковнославянском) языке, как и наоборот, произведение со старой тематикой и идеями (в том числе и религиозное) может быть написано, как известно, и на современном литературном языке. Поэтому, сколь бы ни было велико значение внеязыковых обстоятельств, связанных с появлением «Истории славяноболгарской» Паисия, первостепенная роль в решении вопроса о ее месте и значении в истории современного литературного языка должна быть отведена

⁴ С. Б. Бернштейн. К изучению истории болгарского литературного языка. «Вопросы теории и истории языка». Л., 1963, стр. 37.

⁵ Е. Георгиева. Наблюдения върху езика на Паисиевата Славяноболгарска история. «Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762—1962)». София, 1962, стр. 346, 375; О н а ж е. Синтаксисът в Славяноболгарска история от Паисий, стр. 49, 131—132.

внутренним, собственно языковым данным, т. е. самому языку «Истории» Паисия.

2. По вопросу же о характере языка Паисия существовали и до сих пор существуют разные точки зрения, что нашло свое отражение и в юбилейном сборнике «Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762—1962)».

Многие ученые, как известно, рассматривают язык «Истории» Паисия как церковнославянский в своей основе (Б. Цонев⁶, Й. Иванов⁷, Б. Пенев⁸, Ив. Снегаров⁹, А. Кириянов¹⁰, Н. И. Толстой¹¹, Л. Тодоров¹² и др.). Другие ученые, наоборот, считают, что в основе языка Паисия лежит новоболгарский язык (Н. С. Державин¹³, Л. Андрейчин¹⁴, Е. Георгиева¹⁵ и др.).

В подтверждение обеих точек зрения¹⁶ приводятся немало конкретных примеров из «Истории» Паисия, хотя подбор их носит нередко случайный и односторонний характер, а иногда приводятся и явно ошибочные примеры. Не останавливаясь на подробном анализе этих доказательств, заметим, что, несмотря на наличие уже немалого числа специальных исследований, появившихся главным образом в последние годы, окончательного и общепринятого решения вопроса о характере языка Паисия, как известно, еще нет и что такое решение еще предстоит сделать на основе всестороннего и объективного исследования всего языкового материала «Истории славяноболгарской». По нашему мнению, такое исследование подтвердит мнение тех, кто усматривает в языке этого произведения церковнославянскую основу.

Возвращаясь же к вопросу о начале современного литературного языка, необходимо подчеркнуть, что основным аргументом в доказательстве тезиса о Паисии, как о родоначальнике современного литературного языка, служит язык Паисия, его новоболгарская, как полагают упомянутые ученые, основа. Наиболее отчетливо это положение сформулиро-

⁶ Б. Цонев. Хиляда години български език. «Летопис на Българското книжовно дружество в София», 9, 1908, стр. 130.

⁷ Й. Иванов. История славеноболгарская, собрана и нареждана Паисием перомонахом в лето 1762. София, 1914, стр. VII.

⁸ Б. Пенев. История на новата българска литература, т. II. София, 1932, стр. 286.

⁹ Ив. Снегаров. За родното място на Паисий Хилендарски. «Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762—1962)», стр. 429.

¹⁰ А. Кириянов. Народности елементи в езика на «История славяноболгарска». «Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762—1962)», стр. 380.

¹¹ Н. И. Толстой. Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков». М., 1962, стр. 17.

¹² Л. Тодоров. По някои въпроси на българския книжовен език. «Български език», 1962, кн. 5, стр. 425; О н же. Езикът на Паисий Хилендарски. «Език и литература», 1962, 6, стр. 12.

¹³ Н. С. Державин. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941, стр. 108.

¹⁴ См.: Л. Андрейчин, Н. Костов [и др.]. Български език. София, 1955, стр. 5; Л. Андрейчин. Езикът на Паисиевата «История славеноболгарска» и началото на новоболгарския книжовен език. «Български език», 1962, кн. 6, стр. 489 и др.

¹⁵ Е. Георгиева, правда, не пишет прямо, что язык «Истории» Паисия — в своей основе новоболгарский, но общий вывод, который вытекает из ее работ, сводится несомненно к этому. (См.: «Наблюдения върху езика на Паисиевата Славяноболгарска история», стр. 355, 375; «Синтаксисът в Славяноболгарска история от Паисий», стр. 136 и др.).

¹⁶ Высказываются и другие, менее определенные мнения. Так, в одном из пособий по болгарской литературе говорится, что язык «Истории» Паисия — это «не диалектный язык дамаскипов и не архаический язык средневековой болгарской литературы. Это язык времени, когда формируется нация, когда возникает национальное единство» (см.: Цв. Минков, Б. Ангелов, Ст. Божков. Българска литература. София, 1962, стр. 248).

вано у Л. Андрейчина. Он отмечает, что в «Истории славяноболгарской» мы имеем дело «с новоболгарской основой, наводненной церковнославянизмами», которые, «сколь бы много их ни было, образуют не сущность, а внешний нанос, верхний пласт языка Паисия»¹⁷. Именно благодаря народной основе своего языка, а также и способу расширения и обогащения этой основы путем использования наследства староболгарско-церковнославянской традиции, Паисий и выступает, по мнению Л. Андрейчина, как родоначальник современного литературного языка¹⁸.

3. Тут не место рассматривать подробно вопрос о том, что такое «народная основа языка» отдельного произведения. Достаточно лишь подчеркнуть, что в это понятие обязательно должно входить прежде всего то наиболее характерное, существенное, что отличает в данный отрезок времени структуру народного языка от структуры ненародного языка. И если в данном произведении отсутствуют или представлены крайне непоследовательно наиболее характерные особенности народного языка при наличии в нем множества особенностей ненародного языка (в том числе и таких, которые функционально соответствуют наиболее характерным особенностям народного языка), то, думается, нет и оснований рассматривать язык этого произведения как народный в своей основе. Никто не станет отрицать, что в «Истории» Паисия чрезвычайно много элементов новоболгарского народного языка. Но также очевидно и то, что целый ряд важнейших структурных особенностей, образующих специфику новоболгарского языка, в ней почти полностью отсутствует или представлен наряду с соответствующими, преобладающими количественно элементами церковнославянского языка. При таком характере соотношения народного и книжного элементов в «Истории славяноболгарской» трудно было бы доказать, что язык Паисия тем не менее в своей основе народный болгарский язык.

Этим же принципом, как нам кажется, необходимо руководствоваться и при решении вопроса о том, является ли данное произведение той отправной точкой, от которой началось развитие данного литературного языка.

Разумеется, с признанием церковнославянской основы «Истории» Паисия само собой должно отпасть и положение о том, что Паисий положил начало развитию современного литературного языка, основанного, как известно, на новоболгарском народном языке. Правда, в литературе можно встретиться и с иным мнением, когда церковнославянский в своей основе язык Паисия одновременно признается началом современного литературного языка¹⁹. Но такое мнение, как правильно подчеркивает Л. Тодоров, «внутренне несостоятельно и противоречиво»²⁰.

Однако если даже и согласиться с теми, кто рассматривает язык Паисия как новоболгарский в своей основе, то тезис об «Истории» Паисия как об исходной точке в развитии современного литературного языка следует все же отклонить как несостоятельный, потому что между языком «Истории» Паисия и современным литературным языком имеются очень существенные различия.

¹⁷ Л. Андрейчин. Езикът на Паисиевата «История славяноболгарская». . . , стр. 489.

¹⁸ Там же. См. также: Е. Георгиева. Наблюдения върху езика на Паисиевата Славянобългарска история, стр. 346.

¹⁹ Так, например, Цв. Минков характеризует язык Паисия как архаический, но благодаря «живым элементам в книжной речи» Паисий «кладет основу» развившегося позднее (на по-късниа) литературного языка (см.: Цв. Минков, Ст. Ангелов, Ст. Божков. Българска литература. София, 1958, стр. 288—289). В новом издании этого же пособия дается уже иная характеристика языка Паисия (см. сноску 16).

²⁰ Л. Тодоров. Езикът на Паисий Хилендарски, стр. 5.

4. Признавая, что Паисий является родоначальником современного литературного языка, надо признать и то, что язык Паисия и современный литературный язык характеризуются одними и теми же наиболее существенными чертами, которые отделяют их, с одной стороны, от языка предшествующей Паисию письменности, а с другой стороны, от других славянских языков. Говоря другими словами, следовало бы признать, что языку Паисия присущи такие же наиболее характерные особенности, какие присущи и структуре современного литературного языка. Только в этом случае, по нашему мнению, и можно было бы говорить о том, что «История» Паисия Хилендарского послужила начальным моментом возникновения современного литературного языка. Если же особенности, определяющие характер структуры современного литературного языка, не находят последовательного отражения в «Истории» Паисия, то нет и оснований рассматривать ее как начало современного литературного языка.

Характерные особенности, определяющие своеобразие грамматической структуры современного болгарского языка, в том числе и языка литературного, сравнительно со структурой других славянских языков, общеизвестны. Почти все они касаются грамматического строя, который, как известно, вообще играет ведущую роль в определении типа структуры данного языка. Наиболее существенные особенности, неизменно указываемые при характеристике современного болгарского языка, следующие ²¹:

1) отсутствие падежей и связанное с этим аналитическое выражение падежных отношений;

2) наличие членной формы;

3) отсутствие старого инфинитива на *-ти* и употребление вместо него сочетания «частица *да* + форма настоящего времени»;

4) аналитическое образование форм будущего времени глаголов совершенного и несовершенного вида — с помощью сочетания частицы *ще* и настоящего времени глаголов;

5) аналитическое образование — с помощью частиц *по-* и *най-* — степеней сравнения прилагательных и наречий.

Указывают и некоторые другие, менее существенные отличительные особенности, например: удвоение объекта при именах и местоимениях ²², сложная система глагольных времен ²³, в том числе наличие форм пересказывательного наклонения ²⁴, синтетических форм для обозначения прошедшего совершенного и несовершенного действия ²⁵ и др.

5. Перечисленные особенности характерны для всех современных говоров и для литературного языка, и именно они определяют, таким образом, специфику грамматической структуры современного болгарского языка в целом. Из упомянутых особенностей лишь некоторые выступают в «Истории» Паисия более или менее последовательно, в то время как другие особенности или почти полностью отсутствуют или представлены наряду с соответствующими формами церковнославянского языка.

²¹ См., например: К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. София, 1963, стр. 36; Ст. Стойков. Българска диалектология. София, 1962, стр. 47; Л. Андрейчин. На езиков пост. София, 1961, стр. 32—34; Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956, стр. 8—9.

²² Ст. Стойков. Указ. соч., стр. 47; Ю. С. Маслов. Указ. соч., стр. 8—9.

²³ См., например: К. Мирчев. За македонския литературен език. София, 1952, стр. 4.

²⁴ См.: Л. Андрейчин. На езиков пост., стр. 33—34; Ст. Стойков. Указ. соч., стр. 47; Ю. С. Маслов. Указ. соч., стр. 9.

²⁵ Ст. Стойков. Указ. соч., стр. 47.

Так, можно сказать, что Паисий не употребляет членных форм. В «Истории» встречается лишь один случай употребления члена *-о*: «и приишель во монастыро, що го билъ съмъ испорво съградилъ» (л. 30^б). Важно подчеркнуть, что членные формы не употребляются и в предисловии и после словии «Истории», т. е. в тех частях, в которых полностью исключается прямое влияние источников. Каковы бы ни были мотивы и причины, по которым Паисий избегал членных форм²⁶, но факт остается фактом: «История» Паисия лишена (если не считать отмеченного выше единственного случая) одной из самых характерных черт современного болгарского языка. Конечно, одно отсутствие только членных форм еще не лишало бы язык Паисия его новоболгарской народной основы (как не лишается ее, например, первое издание повести «Нещастна фамилия» В. Друмева), если бы другие характерные особенности структуры болгарского языка преобладали здесь совершенно явно.

Вопрос о падежах. Все исследователи отмечают их широкое употребление у Паисия. Их церковнославянский источник ни у кого не вызывает сомнений. Вопрос заключается в том, каково место падежей в системе выражения синтаксических отношений, во-первых, и каков характер использования падежей у Паисия, во-вторых. Относительно частоты употребительности падежей существуют разные точки зрения. Л. Андрейчин считает, что «с падежными конструкциями соперничают по количеству беспадежные»²⁷. По приближенным подсчетам Е. Георгиевой, падежные формы не употребляются более чем в одной трети предложений. В остальных предложениях они употребляются или самостоятельно или наряду с аналитическими конструкциями. Отсюда Е. Георгиева заключает, что нет оснований говорить о преобладании синтетизма над анализмом в языке Паисия²⁸. Вполне возможно, что число случаев употребления аналитических конструкций у Паисия больше, чем падежных. Для окончательного определения чисто количественного соотношения и тех и других способов выражения падежных отношений, однако, нужен подсчет на предложений, а случаев употребления падежей и предложных конструкций в целом. Но если даже и окажется, что аналитические конструкции встречаются несколько чаще (едва ли намного чаще) падежных форм, то и в этом случае разительное отличие языка Паисия от современного языка в данном отношении очевидно, так же как оно очевидно и в случае с членными формами.

Широкое употребление инфинитива на *-ти* — также общепризнанная особенность языка «Истории» Паисия. По подсчетам Л. Андрейчина, инфинитив на *-ти* встречается более чем в два раза чаще новоболгарских конструкций «*да*+форма настоящего времени»²⁹. Таким образом, *да*-конструкция — одна из наиболее существенных особенностей современного языка — у Паисия не только не являются единственной формой выражения инфинитивного значения, но даже и не преобладающей.

²⁶ Ср., например, мнения по этому вопросу у Л. Андрейчина («Езикът на Паисиевата „История славенболгарская“. . .», стр. 486) и Е. Георгиевой («Наблюдения върху езика на Паисиевата Славянобългарска история», стр. 360).

²⁷ Л. Андрейчин. Езикът на Паисиевата «История славенболгарская». . ., стр. 485—486.

²⁸ Е. Георгиева. Наблюдения върху езика на Паисиевата Славянобългарска история, стр. 368—369; Она же. Синтаксисът в Славянобългарска история от Паисий, стр. 67—77.

²⁹ Л. Андрейчин. Езикът на Паисиевата «История славенболгарская». . ., стр. 487. Другие авторы указывают иное соотношение этих форм. По мнению А. Кирянова, Паисий «предпочитает *да*-личные формы» (указ. соч., стр. 386), а Е. Георгиева указывает, что «количество инфинитивных форм чувствительно, а в отдельных местах оно преобладает» («Синтаксисът в Славянобългарска история от Паисий», стр. 76).

Формы будущего времени в «Истории славяноболгарской» встречаются только трижды (два раза церковнославянская форма *будеть* и один раз новоболгарская форма *ще са предлагали*) и, таким образом, не показательны для решения рассматриваемого здесь вопроса.

Из характерных особенностей современного болгарского языка лишь образование степеней сравнения прилагательных и наречий и формы пересказывательного наклонения обнаруживают явное превосходство народной, новоболгарской стихии. Прилагательные сравнительной и превосходной степени с частицами *по-* и *най-* встречаются примерно в три раза чаще форм типа *пнжайши*. Что касается пересказывательного наклонения, то оно регулярно употребляется Паисием при изложении исторических событий. Однако эти особенности по своей значимости и весомости в общей системе болгарского языка уступают место таким особенностям, как отсутствие падежей, наличие членных форм и др.

Кроме упомянутых выше, имеется и много других, более или менее важных новоболгарских особенностей, уже описанных в трудах языковедов и характеризующих фонетику, грамматику, лексику «Истории славяноболгарской».

Не останавливаясь на них подробно, подчеркиваем только, что и фонетические, и лексические, как и прочие, не рассмотренные выше грамматические особенности, — все они свидетельствуют о сложном соотношении большого числа элементов церковнославянского и новоболгарского (народного) языка в «Истории славяноболгарской» Паисия.

К сказанному следует еще добавить то, что «История славяноболгарская» характеризуется отсутствием не только строгих, но даже весьма умеренных норм. Параллельное употребление форм новоболгарского и церковнославянского языков (часто в одном и том же предложении) без какой-либо смысловой или стилистической дифференциации — типичная черта языка Паисия. Ср., например, употребление падежных форм и аналитических предложных конструкций, употребление инфинитива на *-ти* и конструкций «*да* + личная форма глагола» и др. Отсутствие нормативности характерно не только для грамматики, но также и для орфографии «Истории», хотя церковнославянская основа правописания и не вызывает здесь сомнений³⁰.

6. Суммируя сказанное выше о языке Паисия, мы должны отметить, что этот язык характеризуется, во-первых, наличием значительного числа элементов (в том числе и весьма существенных — падежи, инфинитив на *-ти* и др.) церковнославянского языка³¹, во-вторых, отсутствием или довольно непоследовательным отражением народных новоболгарских элементов, в их числе и таких существенных, как членные формы, аналитическое склонение, конструкции «*да* + глагол» вместо инфинитива на *-ти* и др., в-третьих, отсутствием строгой нормативности в грамматике и правописании. Думается, что при таком состоянии языка «Истории славяноболгарской» Паисия (даже и не решая, может быть, вопроса о характере этого языка) у нас нет внутренних, собственно языковых данных самой «Истории» для того, чтобы рассматривать это произведение как начальный момент, а Паисия как родоначальника современного болгарского литературного языка.

Это станет еще более очевидным, если сравнить язык «Истории славяноболгарской» с тем языком, какой представлен в новоболгарских памятниках XVII—XVIII вв. (дамаскинах и др.), и с современным ли-

³⁰ См., например: А. К и р я н о в. Указ. соч., стр. 381.

³¹ Об отдельных элементах русского, сербского, турецкого и других языков здесь можно не говорить, так как в целом они занимают незначительное место, хотя для определения основы языка Паисия они имеют немаловажное значение.

тературным языком. Уже при самом беглом сравнении любого более или менее значительного отрывка из «Истории» Паисия, как и всей «Истории» в целом, и языка новоболгарских памятников XVIII и даже XVII вв. с современным литературным языком оказывается, что язык Паисия гораздо дальше от современного литературного, чем язык дамаскинов и других памятников новоболгарской письменности времен Паисия и до него. Во всяком случае, наиболее существенные и характерные особенности новоболгарского языка, присущие и современному литературному языку, в дамаскинах и других памятниках выступают гораздо последовательнее и выразительнее, чем у Паисия. Это настолько очевидно, что иногда близость языка новоболгарской письменности XVII—XVIII вв. и современного языка даже преувеличивается³². Не учитывать этого обстоятельства при решении вопроса о Паисии как о родоначальнике современного литературного языка было бы неверно. «Историю» Паисия нельзя рассматривать даже как начальный момент широкого использования элементов народного языка в литературных произведениях, так как еще до Паисия богатая коллекция новоболгарских памятников написана на языке, народная основа которого ни у кого не вызывает сомнений.

7. Положение о Паисии как о родоначальнике современного литературного языка несомненно предполагает, что Паисий заложил основы³³, которые в ходе дальнейшего развития литературного языка утвердились, а сам литературный язык только расширил сферу своего приложения и обогатился новой лексикой, некоторыми новыми формами и под. В противном случае, очевидно, рассуждения о Паисии как о родоначальнике современного литературного языка не имели бы, строго говоря, под собой надежной почвы. Между тем современное состояние литературного языка бесспорно свидетельствует о том, что Паисий не заложил его основ. Это видно из того, что, как уже отмечалось выше, в современном литературном языке полностью отсутствует наиболее характерная и существенная черта языка Паисия — смешение элементов народного и церковнославянского, а точнее говоря, его церковнославянская основа. Церковнославянские элементы, столь широко выступающие в «Истории славяноболгарской», почти не представлены в грамматическом строе современного литературного языка. Влияние церковнославянского языка вообще сказалось главным образом в обогащении лексики³⁴. Что касается грамматического строя, то здесь оно выразилось по сути дела только в утверждении действительных причастий настоящего времени на *-щ*, типа *живещ*, а также, возможно, и форм условного наклонения типа *бих чел*³⁵. Нужно, впрочем, отметить, что утверждение причастий на *-щ* произошло все же прежде всего под прямым влиянием русского языка³⁶.

³² В этом отношении характерно, например, мнение «Краткой болгарской энциклопедии», согласно которой язык дамаскинов и других сборников смешанного содержания XVII—XVIII вв. «почти не отличается от современного болгарского (следовательно, и современного литературного. — Г. В.) языка» («Кратка българска енциклопедия». София, 1963, стр. 417). Единственное различие, отмечаемое здесь, касается лишь степени оформления пересказывательного наклонения.

³³ Ср. и приведенное выше мнение Л. Андрейчина, который пишет, что Паисий является именно родоначальником, но «не полным создателем» современного литературного языка. Е. Георгиева также отмечает, что значение Паисия состоит не в «целостном построении литературного языка», а в «постановке основ его развития» («Синтаксисът в Славянобългарска история от Паисий», стр. 132).

³⁴ Л. Андрейчин. Старобългарско градиво в съвременния български книжовен език, стр. 200.

³⁵ Там же, стр. 201.

³⁶ См.: Л. Андрейчин. Ролята на руския език в развитието на съвременния български книжовен език. «Български език», 1952, кн. 3—4, стр. 180.

В этой связи возникают два вопроса. Один из них заключается в том, правомерно ли вообще подобным образом сравнивать начальный этап развития литературного языка с его состоянием на другом этапе, в данном случае — язык Паисия, который якобы знаменует начало современного литературного языка, с литературным языком, скажем, конца XIX в., когда этот язык уже окончательно сформировался. Ответ на этот вопрос может быть один: такое сравнение вполне правомерно. Иначе вообще невозможно было бы проследить развитие современного литературного языка.

Второй вопрос более сложен, он сводится к следующему: не является ли отсутствие в современном литературном языке церковнославянизмов, столь характерных для языка Паисия, следствием дальнейшего закономерного развития последнего на базе тех народных элементов, которые также в нем выступают? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Нельзя думать, что с полной утратой важнейших структурных особенностей церковнославянского языка, пронизывающих всю «Историю славяноболгарскую» и составляющих характерную черту ее языка, последний в итоге остается в своей основе таким же языком, который известен как современный литературный язык. Такую метаморфозу в пределах одного и того же современного литературного языка трудно себе представить. Она и невозможна, потому что язык Паисия и современный литературный — это не один и тот же язык на разных этапах его развития, а отдельные языки с различными, характерными для них, структурами.

8. Не считая Паисия Хилендарского родоначальником современного литературного языка, мы, естественно, ни в коей мере не отрицаем того влияния, которое он оказал на развитие этого языка, а тем более не умаляем огромного культурного и исторического значения Паисия в истории болгарского народа. Однако влияние Паисия на формирование современного болгарского литературного языка имело скорее косвенный, чем непосредственный характер. Оно сказалось в том, что, подняв свой мощный патриотический голос в защиту национальных прав и интересов болгарского народа, Паисий первый сознательно выступил в защиту «простого», т. е. народного, болгарского языка, и возбудил к нему, как фактору национального самосознания, большой интерес у болгар. Именно на эту сторону деятельности справедливо и тонко обращает внимание П. Динеков. Он пишет: «Заслуга Паисия состоит в том, что он смог уловить и отразить это важное явление на заре нашего национального возрождения — постановку вопроса о языке в эпоху, когда начинается формирование болгарской нации. И в данном случае он не только отразил существовавшую в действительности тенденцию к сохранению языка, к выдвиганию его как знамени национального движения, как защитника народности, но своим пламенным призывом к патриотическому отношению к языку, к превращению языка в орудие национальной борьбы он дал сильный толчок этому процессу. Такая постановка вопроса о языке явилась впервые в болгарской литературе»³⁷. В этом же вслед за П. Динековым видит значение Паисия в развитии литературного языка и Л. Тодоров³⁸.

Что касается непосредственного воздействия «Истории славяноболгарской» на формирование основ современного литературного языка, то оно было незначительным и свелось, по-видимому, к усилению церковнославянского и русского влияния (преимущественно в лексике). В целом же, говоря о значении «Истории славяноболгарской» для развития современного литературного языка, мы думаем, что не лишена оснований та оценка,

³⁷ П. Динеков. Възрожденски писатели. София, 1962, стр. 39.

³⁸ Л. Тодоров. Езикът на Паисий Хилендарски, стр. 13.

которую дал этому произведению Б. Цонев еще в начале века. Он писал тогда: «Сколь бы мы ни прославляли Паисия как народного будителя, сколь бы мы ни ценили его как основателя проникнутой национальным сознанием литературы, мы не должны забывать, что для истории болгарского литературного языка „Царственник“ Паисия представляет собой если не движение назад (назадъ), то наверняка движение в сторону, вступление на кривой путь, для выхода из которого потребовалась длительная борьба, пока народный язык, так хорошо использованный в дамаскинской письменности, не получил вновь свое право. Народный наш язык вышел в конце концов победителем, но нужно было истечь почти целому столетию, прежде чем все наши писатели убедились в том, что болгарам не следует писать так, как начал писать Паисий»³⁹. В своей оценке Б. Цонев исходит, как это видно и из приведенной цитаты, из неверного положения о том, что начало современного литературного языка восходит к языку дамаскинов. Тем не менее Б. Цонев, как нам кажется, в общих чертах правильно определяет значение самого языка «Истории славяноболгарской» в формировании современного литературного языка в XIX в. Имея это в виду, мы можем только присоединиться к мнению С. Б. Бернштейна, подчеркивающего, что понять историю болгарского литературного языка первой половины XIX в. действительно невозможно, «если пройти мимо литературной и языковой деятельности»⁴⁰ Паисия Хилендарского и других деятелей болгарского Возрождения XVIII—начала XIX в. Однако в языковой деятельности Паисия не следует искать истоков и основ современного литературного языка.

III. 1. По мнению Л. Тодорова, начальный момент возникновения современного литературного языка — первые годы XIX в., точнее — год написания Софронием Врачанским известного «Жития и страданий грешного Софрония»⁴¹. Именно в этом произведении, как считает Л. Тодоров, «соотношение между церковнославянским и новоболгарским элементом изменяется в пользу народной речи и с тех пор она неизменно берет верх в литературном языке, постепенно вытесняя старые нормы из одной или другой области языка»⁴². Это обстоятельство «дает достаточно оснований считать именно „Житие“... конкретным началом современного литературного языка»⁴³. Свой тезис о «Житии» Софрония Врачанского, как о начальном моменте современного литературного языка, Л. Тодоров основывает только на данных языка «Жития», считая, что уже один «беглый взгляд на язык „Жития“ убедил бы нас»⁴⁴ в этом тезисе.

Конкретно новоболгарская основа языка «Жития» Софрония проявляется, согласно Л. Тодорову, в следующем: «1) в грамматически новоболгарском его виде, выраженном в широком употреблении аналитических форм, в очищении языка от старых инфинитивов (у Паисия они очень часты), в употреблении членов (хотя во многих случаях они и

³⁹ Б. Цонев. Хиляда години български език, стр. 130—131.

⁴⁰ С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 37.

⁴¹ Л. Тодоров («Езикът на Паисий Хилендарски», стр. 14) указывает 1804 г. как год написания «Жития». В обширной литературе о Софронии существуют разные точки зрения на этот счет. До последнего времени считалось, что Софроний написал «Житие» в Бухаресте между 1803 и 1806 гг. В книге «Софроний Врачанский» (София, 1963) В. Сл. Киселков доказывает, что «Житие» было написано не ранее середины 1811 г. и не позднее середины 1813 г., вероятнее всего — в 1812 г. (стр. 208—210) и не в Бухаресте, а в монастыре вне Бухареста, в котором Софроний провел свои последние годы (стр. 206—207).

⁴² Л. Тодоров. По някои въпроси на българския книжовен език, стр. 426.

⁴³ Л. Тодоров. Езикът на Паисий Хилендарски, стр. 14.

⁴⁴ Там же.

избегаются), в правильном употреблении изъявительных и пересказывательных глагольных форм в рассказе; 2) в народном облике языка, обусловленного изобилием разговорной и простонародной лексики и фразеологии, и народных слов в переносном значении; 3) в народном порядке слов и построении фразы»⁴⁵. Несомненно, что эти особенности характерны для языка «Жития» Софрония, что в целом «Житие» написано на выразительном новоболгарском языке и что элементы церковнославянского языка занимают в нем незначительное место. Однако всего этого еще недостаточно для того, чтобы согласиться с тезисом Л. Тодорова.

2. Если иметь в виду только характер языка «Жития» Софрония и если даже отвлечься от его конкретного влияния на развитие болгарского литературного языка в первой половине XIX в., то и в таком случае считать это произведение началом современного литературного языка, по нашему мнению, нет достаточных оснований. Дело в том, что превосходство элементов живой народной речи над элементами церковнославянского языка известно памятникам еще задолго до «Жития» Софрония. Его демонстрируют многие памятники новоболгарской письменности, прежде всего дамаскины, о которых и Л. Тодоров пишет, что их язык «в значительной степени сузил функции церковнославянского литературного языка, ввел в литературную практику живую народную речь и оказал благотворное воздействие на формирование современного литературного языка в его начальной фазе»⁴⁶. В этих памятниках выступают те же особенности языка, которыми, согласно Л. Тодорову, характеризуется и язык «Жития», причем некоторые из них, может быть, даже более последовательно, чем у Софрония. Иными словами, еще задолго до «Жития» Софрония в этих и других памятниках XVIII в. (и даже XVII в.) налицо бесспорное преобладание живого разговорного языка над языком церковнославянским. Более того, при внимательном их сравнении можно заметить, что «Житие» Софрония содержит в целом больше книжных, церковнославянских особенностей, не характерных для народной речи того времени и не представленных в современном болгарском литературном языке, чем некоторые из памятников XVIII в., написанных на народном языке.

Из всего сказанного можно, во-первых, заключить, что утверждение Л. Тодорова о том, будто лишь в «Житии» Софрония соотношение между церковнославянским и новоболгарским элементами изменяется в пользу народной речи, не соответствует действительности. Во-вторых, из этого следует, что основывать тезис о «Житии» Софрония, как о начальном моменте в развитии современного болгарского литературного языка, на ярко выраженном народном характере языка «Жития» не правомерно. Таким образом, учитывая опыт новоболгарской письменности, предшествующей «Житию» Софрония, мы должны признать, что собственно языковые особенности «Жития» еще не свидетельствуют о том, будто только с этим произведением следует связывать перелом в соотношении церковнославянских и народных элементов в пользу последних и их утверждение в последующем развитии литературного языка.

3. Рассмотрим теперь вопрос о том, какую роль сыграло и могло ли сыграть «Житие» Софрония в реальном процессе формирования современного литературного языка. Какое влияние оно в действительности оказало на последующее развитие литературного языка? Без этого любые рассуждения о месте «Жития» Софрония (как и других произведений,

⁴⁵ Л. Тодоров. По някой въпроси на българския книжовен език, стр. 427.

⁴⁶ Там же, стр. 422 (разрядка наша. — Г. В.); О н же. Езикът на Паисий Хилендарски, стр. 6.

написанных на таком же в своей основе языке) в истории литературного языка не выйдут из области декларативных положений. Л. Тодоров не останавливается на этом вопросе, считая, как уже отмечалось выше, что для доказательства его тезиса о месте «Жития» Софрония в истории литературного языка достаточно лишь «беглого взгляда» на его язык. Он, правда, указывает, что после «Жития» Софрония народная речь берет неизменно верх в литературном языке и постепенно вытесняет старые нормы (см. здесь стр. 13), однако он не говорит, какая роль принадлежит в этом произведению Софрония. Поэтому можно лишь предположить, что Л. Тодоров, выдвигая свое положение о начальном моменте в развитии литературного языка, подразумевает и непосредственное влияние «Жития» Софрония на ход развития литературного языка. В противном случае пришлось бы допустить, что он на самом деле исходит только из языковых особенностей самого «Жития» и не придает никакого значения влиянию, которое должно было оказать это произведение на последующее развитие литературного языка, если языковые особенности «Жития» действительно явились переломным моментом в языке новоболгарской письменности и легли в основу современного литературного языка. Исходить же только из характера языка «Жития», отвлекаясь от того, что такой же по существу язык представлен в произведениях и до «Жития», и от того, каково было конкретное влияние «Жития» на развитие литературного языка в последующие годы, на наш взгляд, совершенно неверно.

В случае же с «Житием» Софрония дело обстоит так, что оно не сыграло никакой роли и не оказало никакого конкретного влияния на развитие современного литературного языка. Причина этого проста. Она состоит в том, что это произведение стало известным лишь в 1861 г., когда Г. Раковский сообщил о нем и напечатал его текст в своей газете «Дунавски лебед». Это было время, когда основная борьба вокруг вопроса о характере и путях развития литературного языка была уже позади, когда окончательная победа народной основы в литературном языке уже была для всех очевидной, а попытки создания литературного языка на иной основе (как, например, язык произведений Г. Раковского) в целом не находили поддержки и были обречены на неудачу. В таких условиях, когда «Житие» было напечатано и стало доступно широкому кругу читателей, оно не могло уже оказать какого-либо существенного воздействия на дальнейшее развитие литературного языка. Тем более у нас нет абсолютно никаких оснований предполагать реальное воздействие автобиографического произведения Софрония на формирование болгарского литературного языка в первые десятилетия XIX в. А без установления такого воздействия всякие суждения о «Житии» Софрония как о начальном моменте в развитии современного болгарского литературного языка не имеют под собой реальной почвы. Утверждение разговорного, народного языка в качестве основы современного литературного языка произошло без какого бы то ни было влияния этого произведения.

Из сказанного, таким образом, следует, что связывать начальный момент развития современного болгарского литературного языка с «Житием и страданиями грешного Софрония» нет никаких оснований.

Это произведение в истории болгарского языка, по нашему мнению, можно охарактеризовать как один из первых в начале XIX в. опытов создания оригинального по замыслу произведения нерелигиозного содержания на народном в своей основе языке. Но этот опыт — несомненно, очень удачный и важный — не привел к созданию традиции, оставался неизвестным в течение целого полувека и не сыграл никакой роли в формировании основ современного литературного языка.

* * *

Итак, начало современного болгарского литературного языка не следует возводить ни к языку «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского, ни к языку «Жития и страданий» Софония Врачанского. Мы не рассматривали здесь точки зрения Б. Цонева на язык дамаскинов как на начало современного литературного языка. В настоящее время это мнение Б. Цонева никто не разделяет, хотя, надо сказать, роль и место новоболгарской письменности XVII—XVIII вв. еще серьезно никем не исследованы, а сам язык этой письменности по-разному интерпретируется разными авторами.

В заключение отметим, что, по нашему мнению, история собственно современного болгарского литературного языка начинается в 20-е годы XIX в. Здесь нет возможности обстоятельнее рассмотреть это положение. Заметим лишь, что это положение не новое в литературе. Отнесение начального момента на 20-е годы прошлого века, как нам кажется, соответствует реальному процессу истории современного литературного языка.

Н. И. Толстой

СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ
МАКЕДОНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

(Переводы «Любушиного суда» из «Краледворской рукописи»
на македонский язык в XIX в.)

В «Памятниках и образцах народного языка и словесности» (см.: «Прибавления к Известиям имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности», изд. 2) И. И. Срезневский опубликовал в 1852 г. два перевода «на болгарское наречие» «древней чешской песни о суде Любуши» совместно с «подлинником» в чтении Шафарика и приложением старославянского чтения А. Х. Востокова, ранее помещенного в «Собрании словенских памятников, находящихся вне России» (СПб., 1827). Первый из переводов, принадлежащий перу К. Дмитриева-Петковича, сделан на македонский язык и является одним из ранних опытов создания македонского литературно-поэтического языка на чисто пародной основе; второй перевод, принадлежащий неизвестному автору (или неизвестным авторам), достаточно последовательно отражает черты болгарского языка.

Различия в языке двух переводов явственно ощущал их издатель И. И. Срезневский, высказавший в своих «Замечаниях редактора к болгарскому переводу песни о суде Любуши» (кол. 23), помимо прочих, следующие соображения: «Переводы ее (песни о суде Любуши. — Н. Т.) на наречия славянские народные полезны между прочим и потому, что они могут служить пособием для наглядного сравнения наречий, сравнения тем более любопытного, что из них можно видеть, какими средствами может пользоваться тот и другой славянин нашего времени для передачи голоса поэзии славянской, звучавшего за тысячу лет. Опыт перевода этой песни о суде Любуши на наречие болгарское был представлен на предыдущем листе именно с этой целью и, вероятно, занял хоть некоторых из любознательных читателей как образчик наречия, до сих пор еще очень мало исследованного и известного. Впрочем, этим одним опытом нельзя было ограничиться: оттенок болгарского наречия, на котором г. Дмитриев-Петкович передал древнюю чешскую поэму, заметно отличен от многих других, сохранивших более чистый болгарский тип. Оттенок этот, господствуя в некоторых краях Македонии, в соседстве с сербами, отражает на себе влияние наречия сербского, как это видно из употребления звука *h* вместо *шт* и *h* вместо *жд*. Нельзя было не желать сообщить рядом с ним и еще один опыт перевода — на какой-нибудь из говоров, господствующих в собственно Болгарии. Возможность представилась. Я воспользовался готовностью нескольких природных болгар (из Болгарии) принять участие в переводе — и перевод издается».

Райко Ксенофонт Жинзифов опубликовал одиннадцать лет спустя, в 1863 г., свой перевод песни о суде Любуши (рядом с другими

переводами из «Краледворской рукописи») в сборнике «Новобългарска сбирка» (М., 1863).

Таким образом, в начале второй половины XIX в. было два перевода песни о суде Любуши на македонский язык и один перевод на болгарский. Эти переводы представляют несомненный интерес, так как достаточно ярко демонстрируют основные фонетические, морфологические и лексические различия между македонским и болгарским литературными языками середины XIX в., с одной стороны, и относительную неустойчивость норм для македонского и болгарского литературного языков той поры, — с другой. Наконец, конкуренцию между литературной обработкой македонских наречий и литературной обработкой восточноболгарских наречий (наряду с обработкой западноболгарских наречий) можно рассматривать не только порознь, но и совместно, представив ее в рамках одного процесса борьбы за один литературный язык Болгарии и Македонии. В середине XIX в. было еще немало компромиссных решений, опытов и попыток синтезировать черты болгарских и македонских диалектов или утвердить в качестве диалектной основы литературного языка восточноболгарские, западноболгарские или македонские говоры. Процесс этот усложнялся также тем обстоятельством, что церковнославянский язык поздней поры продолжал оказывать заметное влияние на опыты нормализации нового литературного языка (что отражалось хотя бы в попытке избегать членные формы и т. п.), а стремление к эмансипации от влияния церковнославянских норм проявлялось с различной степенью интенсивности и корректности.

Издания, в которых опубликованы интересующие нас переводы «Любушиного суда», являются библиографическими редкостями и недоступны широкому читателю, поэтому приводим тексты переводов с сохранением их оригинальной орфографии:

Перевод К. Дмитриева-
Петковича

Анонимный болгарский
перевод

Въ своя куѣна секи татко глава.

Секи башта ъ глава в свои
челад.

Мажи оратъ, жени руби праватъ.
Акол' умре глава домаѣнска,
тога найдно деца стока владатъ,
5. избирать си владика изъ рода,
кой за користь на собори ходи,
Ходи съ кмети, лехи и владикп.

Мъжи орат, жени руби прават.
Ако л' умре глава челадинска,
тога найдно дѣца имот владат,
избират си от род-ат владика,
кои на собори за печала ходи,
ходи с кмети, лѣси и владикп.

Встаха кмети, леси и владикп,
и по законъ правда пофалиха.

Стаха кмети, лѣси и владикп,
и по законъ правда пофалиха.

10. Ай Вълтаво, защо матишь вода?
Защо матишь вода сребропена?
Зар'те люта разборави буря,
истуравши облакъ з'горе пеба,
навадивши върхи горъ зеленыхъ,

Ай Вълтаво, зашто вода мътин?
Зашто мътин вода сребропѣна?
Зар'та люта въздигнала буря,
де изврже облак от небѣ-то,
де наръси зелени планини,

15. исплакнавши златопесчна земля?
Како быхъ азъ вода не ма-
тила,
кога се караятъ родни братья,
родни братья за таткова стока.

та испланка златопѣсчна гнила?
Чи как да не штá вода да
мъти,
Когá-то си карат родни братья,
родни братья за баштин имот?

20. Караятъ се злобно меѓу себе
люти Хрудошъ на Отава крива,
на Отава крива златоносна.

Стяглавъ храбри на Радбуза
ладна,

оба брата, оба Кленовича,

изъ родъ стари на Тетва Попела,

25. кой премина съсъ Чекови пълки
въ тия плодни земи презъ три
реки.

Долетеше мирна ластовица,

долетеше изъ Отава крива,

седна на прозорче отворено

30. въ Любушини таткови дворове,
двори златни на Вишеградъ
свети,

жалуе и горко извикуе.

Кога дочу ихна родна сестра,

родна сестра въ Любушини двори,

35. викна кнежна внатре Вишеграда
на собранье да поставатъ правда,

да поканатъ нейзини два брата,

и по законъ да ги судатъ право.

Кнежна каже де се прататъ
люди

40. по Светославъ отъ Любица бела,
тамо кде са хубави дабрави,

по Лютоборъ з' Доброславска
тумба,

тамо кде Орлица въ Лаба тече,

по Ратиборъ отъ горъ Кърконоши,

45. тамъ кде Трутъ погуби люта ламя,
по Радованъ отъ Камена моста,

по Ярожиръ отъ водисти гори,

по Стрезиборъ отъ Сазава ладна,

по Самородъ отъ Мжа сребро-
носна,

50. по вси кмети, лехи и владики,
и по Хрудоша и Стяглава брата

поскарани за таткова стока.

Ког' се сбраха леси и вла-
дици

средъ Вишеградъ...

55. секи влезе споредъ стари родъ
свой;

влезе кнежна свѣтло облечена,
стапи на столъ татвовъ въ со-
боръ славни.

... две разумни моми,

научени на судебни дела:

60. една държи щипи правдодатни,
друга държи ножъ, що кривда

кара;

напреди имъ пламень правдо-
вестенъ,

карат ми сязлобно помежду си —

люти Хрудош на крива Отава,
на Отава крива златоносна,

Стяглав храбри на Радбуза
хладна,

двама брата, двама Кленовича

от род стари на Тетва Попелов,

кой-то дойде сос Чешски дружини
в тия плодни земи през три
рѣки.

Долетѣша ластовица мирна,

долетѣше от крива Отава,

сѣдна на отворени прозорецъ,

на Любушин баштин злат двор,

злат двор баштин свети Више-
градъ,

та плачит си и горко извикува.

Кога чула тѣхна сестра родна,

родна сестра у Любушин двор,

проси кнежна — вътрѣ Вишеградъ

на разлука да постави правда,

да повикни нейни двама брата,
и по законъ да ги ту разсъдат.

Кнежна каже да си пратат
хора —

по Светослав отъ бѣла Любица,

тамо кде са гори-тѣ зелени,

по Лютобор от тумба Добро-
славска,

тамо кде си влива Орлица в Лаба,

по Ратибор от планини Влѣтски,

тамо кде Трут погуби люта ламя,

по Радован отъ Камена моста,

по Ярожир от водни планини,

по Стрезибор от студиена Сазава,

по Самород от Мжа сребропосна,

по вси кмети, лѣси и владики,

и по Хрудош и по Стяглав брата,

поскарани за имот си баштин.

Как си сбраха лѣси и вла-
дици

в Вишеградъ...

секи влезе според род-ат си;

влезе кнежна свѣтло пременѣна,

стъпи на стол баштин у сбор
славни.

... двѣ-тѣ хитри моми,

научени право съд да съдат:

една държи дѣскѣ правдодатни,

друга държи ножъ, што кривда
кара;

напреди имъ пламак правдо-
стенъ,

- под нихъ стои светосудна вода.
 Поче кнежна отъ татковъ си
 престолъ:
65. Мои кмети, леси и владици!
 Съсь братья ми разрешете правда,
 кои-то се караятъ за таткова,
 за таткова стока меѳу себе.
 Споредъ законъ на богове вечпи
 да л' обоица да я владѳтъ,
 или да разделатъ въ равна мера.
70. Мои кмети, леси и владици!
 Разберете мои проговори,
 да л' ѳе биде по вашъ прави
 разумъ:
75. не ѳе л' биде по вашъ прави
 разумъ,
 уредба имъ нова поставете,
 да ѳомири раскарапи братья».
 Кланяха се леси и владици,
 и почеха да говорятъ тихо,
 да говорятъ тихо меѳу себе,
 и да фалатъ нейни проговори.
 Ста Лютоборъ з' Доброслав-
 ска тумба,
 поче такво слово да говори:
 Славна кнежно на татковъ ти
 престолъ!
85. Проговори твои размислихме.
 Сбери гласи по свой-си народъ.
- И собраха гласи моми судни.
 Сбираха ги у свещени чаши,
 и дадоха на лехи да обявватъ.
90. Ста Радованъ отъ Камена
 моста,
 поче брой на гласи да пре-
 гледва.
 и веѳина въ народъ да обяви,
 въ народъ, що ѳе за судъ въ со-
 боръ стапилъ:
 Оба родни брата Кленовича,
 изъ родъ стари на Тетва Попела,
 кои премина съсь Чехови пълки
 въ тия плодни земи презъ три
 реки!
- Смирете се така за иманье:
 владайте го обоица ведно.
100. Стана Хрудошъ отъ Отава
 крива.
 Жълчка му се разли по утроба,
 отъ лютина снага се тресеше:
 Махна съ рака, како лютъ биѳъ
 ревна:
 Горки пилци, що ги змиа найде,
 105. горки мажи, шо ги жена влада!

- при тѳхъ стои водá святосъдна,
 Поче кнежна от престолъ си
 баштин:
- Мои кмети, лѳси и владици!
 На братя ми разсъдѳте правда,
 де то ми са карат за имотъ,
 за имотъ ми баштин помеждѳ си.
 Според законъ на бóгове вѳчни,
 да ли штат двама да владѳтат,
 или да раздѳлатъ в равна мѳра.
 Мои кмети, лѳси и владици!
 Разсъдѳте тук мои-те думи,
 ако бѳде по ваш разумъ;
- ако ли не бѳде по ваш разумъ,
 Сторѳете имъ нова уредба,
 да помри поскарапи братя.
 Кланяха си лѳси и владици,
 и почеха да си думат тихо,
 да си думат тихо помеждѳ си
 и да фалатъ нейни хитри думи.
 Ста Лютобор отъ тумба До-
 брославска.
 Начна так'возъ слово да говори:
 Славна кнежно на престолъ ти
 баштин!
- Размѳслихме твои хитри думи.
 Сбери глáсове от сѳчки твой
 нарóд.
 Моми съдни глáсове събраха.
 Сбираха ги в свѳштени съдѳни,
 и дадоха на лѳси да обявватъ.
 Ста Радован от Камена моста,
 начна да прегледва на глáсове
 чет,
 и болшинá въ нарóд да обяви,
 в нарóд, што за съд на сбор
 дошол:
 Двама родни брата Кленóвича,
 от родъ стари на Тетва Попелов,
 кой-то дойде сос Чешски дружини
 в тия плодни земи презъ три
 рѳки!
- Смирете са така за имотство:
 владѳйте го си двама наедно.
 Стана Хрудош от крива
 Отава,
 Жълчка му са разли по срьдцѳ-то,
 тръснеше му са от злоба снага.
 Махна с рѳка, рѳвна като лют
 бик:
 Горки пилци, што ги змиа найде!
 Горки мѳжи, што ги женá влада.

- Мажъ падъ мажи прилича да влада.
И първенцу стока да се даде.
Ста Любуша отъ татковъ си престолъ,
рече: Кмети, леси и владичи!
110. Чухте овде безчестенъе мое.
Суд'те сами споредъ законъ правда.
Веће не ћу свади да ви судимъ.
Равенъ мажъ си отъ васъ избере-
рете,
кой би владалъ у васъ съсъ железю.
115. Мома слаба да ви заповеда.
Ста Ратиборъ отъ горъ Кърконоши,
поче такво слово да говори:
Срамъ ни отъ Немечко правда да сакаме:
у насъ своя правда споредъ законъ свети,
120. Що таткове наше донесоха
Въ тия... Прилично је мѣж мѣжи да влада,
и пръвенец да имот си земе.
Ста Любуша отъ престолъ си баштин,
рече: Кмети, лѣси и владичи!
Чухте, колко тук съм похуљена.
Съдиете си според законъ правда.
Вече не штá свади да ви съда.
Равен мѣж си от вас избериете,
кой-то да ви влада сос желѣзо,
Момина рѣка не је за вас силна.
Ста Ратибор от планини Влиетски,
начна так'возъ слово да говори:
Срам ни је да зѣмам' чужда правда:
У насъ своја правда според законъ свети,
кой-то наши башти донесоха
в тия...

Перевод Райко Ксенофонта Жинзифова:

- Секој татко је глава въ свој челждъ
Мѣжи оржтъ, жени руби правжтъ,
Акъ ли умритъ глава челядинска
Тогај дѣца наедно стокж владжтъ,
5. Избирайки изъ родъ-тъ Владыцы,
Кои за печалбж въ соборъ ходжтъ,
Ходжтъ съ Кметы, съ Лесы и съ Владыцы.
Встажж Кметы, Лесы и Владыцы
И по законъ правдж похвалижж.
10. Ой, Вълтаво рѣко || Защо мжтишь водж,
Защо, рѣко, мжтишь, || Водж сребропѣннж?
Дали ми те лютый || Разборави вихоръ,
Кат' порони облакъ || Отъ широко небо,
Кат' навади главы || На-зелены горы.
15. Кат' исплакна гнилж || Гнилж златопесчнж?
Како можамъ язъ-ка || Водж да не мжтамъ,
Когá скараны сетъ || Два рогени брата
Два рогени брата || За татковскж стокж.
Скарали ся братя || Люто мегю себе:
20. Оной лютый Хрудошъ || У Отавж кривж,
У Отавж кривж || Кривж златоноснж,
Оной юпакъ Стаглавъ || у Радбузж студнж,
И двамина братя || Оба Кленовичи,
И отъ стара' рода || Попелова Тетвы,
25. Кой си бѣше дошелъ || Сосъ дружины Чешски,
Въ овы плодны земи, || Земи презъ три рѣки.
Птица си долета || Лѣстовица мирна

- Отъ Отавж кривж:
 Лёстовица седна || На широкъ прозорець,
 30. Во Любушинъ татковъ, || Татковъ престоль златень,
 Въ Вышеградъ градъ светый;
 Ядове си казвать || Тужно си наредвать.
 Кѡга зачу нея || Сестра ѝ рогена,
 Сестра ѝ рогена || Въ дворы на-Любуша
 35. Тогай выкна кнежиж || Во Вышеградъ вьжтре,
 За да си поставать || На препирня правдж
 И да ся докарать || И двамина братя
 Нихъ тамо да сждать || Како законъ давать,
 Па повелвать кнежна || Пратници да пратать,
 40. По Святославъ отъ Любицж бѣлж
 Тамо дека горы сетъ зелены
 По Лютоборъ 'з бърдо Доброславско
 Дека Лаба Орлицж си пиеть,
 По Ратиборъ отъ горы Кърконошски,
 45. Тамо дека Трутъ погуби змѣй лютый,
 По Радованъ отъ Камена моста,
 По Ярожиръ отъ бродове чисторѣчны,
 По Стрезиторъ отъ Сазавж хладнж
 По Самородъ отъ Мжж среброноснж
 50. По 'си Кметы, Лесы и Владыцы
 И по Хрудошъ и по Стаглавъ братя
 Размирены за татковскж стокж.
 Кога ся сбрахж Лесы и Владыцы
 Во Вышеградъ, (во престоль Любушинъ)
 55. 'Секой влезе какъ му бѣше редъ-ть,
 Влезе кнежна съ бѣло премѣнета ||
 56а. Променѣта съ дрехи бѣлы, чисти,
 Стапна на столъ татковъ въ славень соборъ.
 Дигнахж ся до двѣ || Паметны дѣвойки,
 Кои знахж сждны || Думы Витезовы. (?)
 60. У еднж сетъ щипы || Кои правдж давжтъ,
 А у вторж мечъ ѳе, || Кой си гонить кривдж,
 Спротиво имъ пламень || Кой показвать правдж,
 И ѳе предъ нихъ долу || Светочудна вода.
 Проговори кнежна || Отъ столъ златень татковъ:
 65. «Ой ве вие Кметы || Лесы и Владыцы!
 Ево отсждѣте || На два брата правдж.
 Кои скарахж ся || Люто мегю себе
 За татковскж стокж.
 Какъ що давать законъ || На-тѣ вѣчны Бози,
 70. Наедно некъ оба || Земи си повелжтъ,
 Иль да си раздѣлжтъ || Земи съ рамнж мѣрж.
 Ой ви вие Кметы, || Лесы и Владыцы,
 Я ми отсждѣте || Вые мой думы,
 Ако быджтъ думы || Мои по вашъ разумъ.
 75. Ако ли ми думы || Не сетъ по вашъ разумъ,
 Учинете вие || За нихъ новж сждбж,
 Коя да помирить || Размирены братя.
 Клавяхж ся Лесы и Владыцы
 И начнахж тихо да говорить
 80. (-----)
 И да хвалять нейзины думы.

- Доброславскобърдець || Лютоборъ ся дигна
И онь почна такво || Слово да говоритъ:
«Наша кнежно славна || На столъ татковъ златень!»
85. Твои, кнежно, мждры || Думы сме разбрали,
Гласове сберѣ ты || По народъ ти 'сички».
Гласове си сбрахж || Сждници дѣвойки
Кладохж ги послѣ || Въ 'садове свещенны;
Дадохж на-Лесы || Нихъ да ги обаджтъ.
90. Вста Радованъ отъ Камена моста
Брой на гласѣ да прегледатъ начна,
(92a) Да преброить, въ народъ да обадить
Колку гласа изъ нихъ сетъ отвыше
Щото народъ въ соборъ да расберить.
«Кленовичи, братя два рогѣни
95. Стара рода Тетвы Попелѣва
Кой бѣше дошелъ || Сось дружины Чешски,
Въ овы плодны земи, || земи презъ три рѣки,
Ся смирѣте и татковскж стокж
Наедно си оба владѣйте».
100. Стана Хрудошъ отъ Отавж кривж,
Жълчка му ся разли по утробж,
Тресеше ся отъ лютина снага,
Махна съ ржкж, рыкна какъ быкъ лютый;
«Горко на тѣ пилцы || Що ги змѣя квачить,
105. Горко на тѣ мжжи || Що ги жена владать!
Мжжъ да си повелятъ || Мжжа ѣ прилично,
На-първенець стока || Да ся дадить правда».
Па Любуша стана || Отъ столъ татковъ златень,
Рече: «Кметы, Лесы и Владицы
110. Чухте овде поганенѣ моѣ;
Сждте самы право спроти законъ.
Веке нейкю свады да ви сждамъ,
Барайте мжжъ равень по мегю си,
Кой бы васъ повелялъ сось желѣзо,
115. Слаба ѣ да владать дѣвоячка ржка».
Ратиборъ отъ горы Кърконошски
Начна такво слово да говоритъ:
«Срамъ ѣ за насъ въ Нѣмцы || Мы да търсимъ' правдж,
Има у насъ правда || Спроти законъ светый,
120. Кож сетъ донесли, || Дѣдови ны въ овы
(Плодны земи презъ три рѣки)»...

Сравнение трех переводов «Любушиного суда» — К. Дмитриева-Петковича, Р. К. Жинзифова на македонский и анонимного перевода на болгарский (см. далее сокращенно обозначенные названия переводов: Д.-П., Ж. и Ан.) — создает некоторое представление об опытах нормирования македонского литературного языка в начале второй половины XIX в., об их отношениях между собой и об отношении к аналогичным опытам в сфере болгарского литературного языка. С этой целью отметим наиболее характерные особенности указанных переводов в области орфографии и графики, фонетики, морфологии и лексики. Чтобы яснее определить место двух переводов «Любушиного суда» в общем процессе становления и развития македонского литературного языка, приводим ряд параллелей из других произведений и переводов Р. К. Жинзифова, а иногда и из современного македонского языка.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ

I. В переводе К. Дмитриева-Петковича используется гражданский шрифт, в котором отсутствует графема *ѣ*, графема *ѝ* используется в функции традиционного «твердого знака» в конце слова, а графема *ь* — в функции «мягкого знака» в конце слова после шипящих (*матишь* 10, 11, *ножь* 61, *Хрудошь* 100, *мажь* 106, по и *мажь* 113)¹, и, вероятно, в таких случаях, как *користь* 6, *пламень* 62, если не считать, что здесь она служит для обозначения мягкости. В середине слова знак *ѝ* употребляется перед слоговыми плавными *р* (*вѝрзи* 14, *Кѝрконоши* 44, *дѝржи* 60, *пѝрвенцу* 107) и, возможно, *л* (*Вѝлтаво* 10, *пѝлки* 25), если не считать, что здесь он обозначает нейтральный гласный, приближающийся к общеполгарскому *ѝ*. В тексте Д.-П. есть один случай, где надо полагать, такое качество гласного обозначено знаком *ѝ* — *съсь* 25, 66, хотя в параллельном болгарском тексте Ан. как раз только в этом случае зафиксирована «вокализация редуцированного» — *сос* 25. Знак *ѝ* после приставки *об-*, возможно, указывает на наличие йота в графеме *я*, которая обычно после согласных манифестирует *а* с предшествующей мягкостью (*объяватъ* 89, *объяви* 92). Для тех же целей, очевидно, служит знак *ь* перед *я* (*братья* 17, 18, 77), который в остальных случаях означает только мягкость (*собрание* 36, *иманье* 98, *безчестенье* 110) и лишь перед *л* после шипящего — нейтральный гласный или призвук — *жълчка* 101 (ср. совр. макед. лит. *жолчка*). Единичные случаи употребления графем *ы* и *и* можно, вероятно, отнести за счет механических опечаток наборщика и не считать характерной особенностью графики Д.-П.: *зеленыхъ* 14, *быхъ* 16, но *би* 114, *биде* 74, 75, *бик* 103, *Вишеградъ* 31, 35, 54; *змяя* 104, но *тия* 97, 121. Из букв кириллического (церковнославянского) алфавита употреблено только раз йотированное *е*—*ю* 93. Буква *щ* означает лигатуру *шт* (так же в тексте Ж., но иначе в Ан., где *щ* отсутствует) — *щици* 60, *що* 61, 93, 105, 120, *защо* 11, *свещени* 88. Наконец, весьма характерной особенностью графики Д.-П. является употребление сербских букв *ћ* и *ђ* для обозначения македонских *ќ* и *ѓ* (*кућа* 1, *домаћинска* 3, *веће* 112, *ћу* 74, 112, *већина* 92, *међу* 19, 68, 80); Жинзифов в таких случаях пользовался обычными графемами *к* и *г* без дополнительного графического знака для обозначения этих специфических македонских согласных (*мегю* 19, 68; *рогѣни* 17, 18, 94; *рогена* 33; *веке* 112; *нейкю* 112).

Правописание, если учесть особенности употребления *ѝ* и различные позиционно обусловленные манифестации графем *я*, *ю* (то как *а* и *у* с предшествующей мягкостью, то как *ја* и *ју*) — фонетическое, но с некоторыми непоследовательными уступками в пользу этимологического принципа при написании приставок (например, *разрешете* 66, *разделатъ* 71, *разберете* 73, *раскарани* 77, *избиратъ* 5, *изберете* 113, *истуравши* 13, *исплакнавши* 15, но: *безчестенье* 110, *сбраха* 53).

II. Анонимный перевод на болгарский язык использует тот же гражданский шрифт, но с введением графемы *ѧ* вместо *я* (*брати* 18, *раздѧлат* 71, *кѧнѧца* сѧ 78 и т. п.) и графемы *ѧ* для йотированного *е* (*ѧ* 1, 106, 115 и один случай с йотом: *ѧе* 118, *ѧдна* 60, *наѧдно* 99). Графема *ѧ* используется иногда для обозначения мягкости предшествующего согласного (*кнѧжна* 35, 39, 56, 64; *похѧлена* 110), а в некоторых случаях можно предположить иное качество гласного по срав-

¹ Примеры без указания источника взяты из соответствующих переводов «Любушиного суда». Цифра указывает на строку.

нению с *e* на месте этимологического *e*. В императиве 2 л. мн. ч. фиксируются формы *сторѣте* 76, *смирѣте* *ста* 98, *сѣдѣте* 111, *изберѣте* 113 (здесь, возможно, отражается более широкое произношение *e*, где $e < \text{ѣ}$), однако трудно объяснимо такое написание, как *стѣдѣна* 48, *пременѣна* 56, *Влѣтски* 116, *прегледѣва* 91 (обозначение некоторой степени мягкости *л*? но: *влезе* 55, 56, *зелени* 14, *долетѣше* 27, 28). Характерно отсутствие графемы *ѣ* в функции «твердого знака» (кроме случая *обѣзѣи* 92), но наличие этимологического (не всегда последовательного) написания *ѣ*, которое, вероятно, приносилось как *e* (или как *e* широкое): *ѣлмаѣ* 118, *сѣдна* 29, *сѣтло* 56. В целом правописание здесь этимологическое с некоторыми отступлениями при написании приставок: *разсѣдѣте* 73, но *испанка* 15, *сѣбири* 86, *сѣбраха* 88, *сѣбраха* 53. Звукосочетание *шт* всегда передается двумя графемами: *башта* 1, *зашто* 10 и т. д. Графема *ы* отсутствует.

III. Р. К. Жинзифов для передачи текста своего перевода «Любовного суда» пользовался несколько усложненной графикой и орфографией, русской гражданкой с графемами *ѣ*, *ы*, *і*, оснащенной также графемами *ж*, *ѣж*, *іе*. Графема *ж* манифестирует звук *a*, *ѣж* — йотированное *a*: *кож* 120, *раздѣлѣжтъ*, *повелѣжтъ* 70, а *іе* — йотированное *e*: (*іе* 1, 106, 115, 118; *гласіе* 91, *моіе* 110, *наіедно* 70, но *наіедно* 99). Графема *ѣ* употребляется лишь в функции «твердого знака» и при слоговом плавном *p* (*Кърконошски* 44). В последнем случае этимологически употребляется и знак *ь* (*първенець* 107), который фиксируется и в конце слова как «мягкий знак», согласно этимологическим правилам, в ряде случаев, вероятно, не отражая уже мягкость согласных (*челѣдь* 1, *вихорь* 12, *матішь* 10)². В сочетании с плавным *л* знак *ь* манифестировал, очевидно, гласный среднего ряда среднего подъема, типа общеполгарского *ѣ* (*жѣлчка* 101). Орфография Жинзифова основана на этимологическом принципе с некоторыми отступлениями в пользу фонетического. Этимологически употребляется *ѣ*, который звучал в живой речи автора как *e*, и *ж* (*ѣж*), звучавшее как *a* (*а*, *ја*). Употребление *ж* на месте старого *q* в других произведениях Жинзифова довольно непоследовательно: наряду с *мжкж* (Нбсб, СпИ 36) встречается *мака* (Нбсб, К. р. 78), *пжтлове* (Нбсб, СпИ 20) и *патове* (Нбсб, К. р. 75). Число таких примеров можно было бы значительно умножить. Это колебание объясняется тем, что, с одной стороны, Р. К. Жинзифов довольно ярко отражал в своем языке черты своих родных центральномакедонских говоров и, избегая осложнений, употреблял соответствующую фонеме [a] графему *a*, а с другой стороны, следуя выдвигаемому им положению о возможности единого литературного языка болгар и македонцев на основе контаминации их языковых черт, допускал наличие двоякого произношения *ж* — как *ѣ* (для представителей большинства болгарских и южномакедонских эгейских говоров), как *a* (для представителей центральномакедонских гово-

² После графем, означающих согласные *n* и *л*, знак *ь* в графике Р. К. Жинзифова указывал на мягкость. Например: *конь* (Бт IV, 45, «Прошетба»), *краљ* (Бт IV, 45, «Прошетба»), *леженье* (Бт IV, 56, «Прошетба»), *вѣчаванье* (Бт IV, 49, «Прошетба»). Наряду с приведенными формами отглагольных существительных у Жинзифова фиксируется: *поганенѣ* 110, *ораніе* (Бт II, стихотв. «Гусярь въ соборѣ»), *спанѣ* — *Сичка Прага мѣлчитъ* || *Въ утренно си спанѣ* (Нбсб 68, «Олдрихъ и Болеславъ»). Написание типа *леженье*, *вѣчаванье* характерно для прозы Жинзифова 1862 г., в стихах 1863 г. находим уже формы типа *спанѣ*.

Для произведений Р. К. Жинзифова употребляются следующие условные сокращения: Бт — ж. «Братски труд». М., кн. I—III, 1860, кн. IV, 1862; Нбсб — «Новобългарска сбирка», М., 1863; СпИ — «Слово о полку Игореве»; К. р. — «Краледворска рѣкописъ»; К. к. — «Кървава кошуля», Браила, 1870 (написана в 1865 г.). В примерах с указанием источника цифра указывает на страницу.

ров)³ и, надо полагать, даже как *y* [для представителей северномакедонских говоров; ср. также передачу *y* как *ж* в словах *хждождника* (Нбсб 131), *Любушинъ сждъ* (Нбсб 5), вероятно, и *кржгъ* (Бт IV, 54, «Прометба»)⁴, где *ж* произошло как *y*].

Допустимость наличия такой двойкой или даже тройкой манифестации двух-трех различных вариантов нормы подтверждалась практикой становления и бытования южнославянских литературных языков во второй половине XIX в. (ср. двойное произношение *ѣ* у болгар — как *e* и как *ѣ* в определенных позициях, тройное произношение *ѣ* у сербов и хорватов — как *e*, *je* (*ije*), *и* и т. п.).

В переводе «Любушиного суда» Р. К. Жинзифов в 3 л. мн. ч. настоящего времени довольно последовательно дает написание с *ж* (*ж*): *оржтъ* 2, *правжтъ* 2, *владжтъ* 4 (3 л. ед. ч.: *владатъ* 105), *ходжтъ* 6, 7, *давжтъ* 60, *повелжтъ* 70, *раздѣлжтъ* 71, *быджтъ* 74, *обаджтъ* 89 (3 л. ед. ч.: *обадитъ* 92а). Однако имеется и написание: *говорятъ* 79 (3 л. ед. ч.: *говоритъ* 83, 117), *хвалятъ* 81⁵. Очевидно, это написание вводилось прежде всего в целях орфографического различения форм 3 л. ед. и мн. ч. спряжения с темой *a* (в современном македонском литературном языке I спряжение — «*a*-группа») — *владатъ*: *владжтъ* — и затем распространялось на все формы 3 л. мн. ч., хотя и не всегда вполне последовательно.

Более последовательно в правописании Р. К. Жинзифова выступает *ж* в окончании 3 л. мн. ч. аориста и имперфекта *-хж*: *встахж* 8; *похваляхж* 9, *ся сбрахж* 53, *дигнахж* 58, *знахж* 59, *скарахж* 67, *кляняхж* 78,

³ В предисловии к переводу «Слова о полку Игореве» (см. «Новобългарска сбирка», стр. 15—16) Р. К. Жинзифов писал: «И така мие мислиме, што не ѝ наша погрѣшка, ако на читатели-те ще имъ сж (опечатка? — Н. Т.) паднитъ да четжтъ *ржѣ*, *водѣ*, *планинѣ*, а въ друго мѣсто *ржѣ* и *вѣда*, *планина* и пр. Исто така мие писаме *пжтъ*, и *пжтъ*, *мжчно*, и *мжчно*, *ржѣ* и *рака*; харно ли мие сторихме или лошо — това ѝ друго пытанье, само, сакаме да кажиме што тыѣ разлики на-языкъ-тъ ны, бѣхж намъ помалку или повече познати, и не сетъ погрѣшки от незнание; но со се това мие не щеме ни да помислиме, а камо ли да кажиме, што изучихме языкъ-тъ си колку што треба. Нека при това забѣлжиме што може бы на читатели-те ще сж покажитъ, што нѣкои си слова въ преводъ-тъ ны сетъ земени изъ Русскій-тъ языкъ; мие не казваме да не ѝ влегловъ него нѣкакво си Русско слово, но пакъ казваме што премногу слова ако и еднакви съ Русски-те, не сетъ земени изъ Русскій-тъ языкъ, но има ги въ нашій-тъ языкъ; кой искатъ да се увѣритъ што това ѝ така, нека прочитатъ наши-те пародии пѣсни. Още ѝ далеко това време, кога, си-те Българе ще пишатъ еднакво безъ наймалка разлика. Шо ще дойдитъ такво време вѣрваме, и тврдо вѣрваме, но кога, не ся знаитъ; али сега за сега стига и това, што сосемъ разбираме единъ другого кога пишаме. . .» Эта позиция Р. К. Жинзифова вызвала упрек Любена Каравелова, который в одной из своих статей в газете «Врѣмя» писал: «Жинзифовъ хвърля всичката вина върху българския езикъ и неговитѣ наречия. . . една и сжца дума се среща най-различно написана и то въ нѣколко реда: *мжѣ*, *мажѣ*, *мака* и др.» (цитирую по кн.: З о р а З д р а в е в а, Съчинения на Райко Жинзифовъ. София, изд-во БАН, 1927. — Н. Т.).

⁴ Ср. совр. макед. лит.: *суд*, *круг*, *кругол*, *кружок* и совр. болг. литер.: *художник*, *художничка* (вероятно, под русским влиянием).

⁵ В том же сборнике «Новобългарска сбирка» в переводах из Кралевдорской рукописи («Честмиръ и Влаславъ») находим только *носатъ* (Нбсб 86), *стоятъ* (Нбсб 86), *белчестатъ* (Нбсб 85), *вврватъ* (Нбсб 85), *бучатъ* (Нбсб 88), *велятъ* (Нбсб 85), *отговарятъ* (Нбсб 85); в переводе «Слова о полку Игореве»: *говоратъ* (Нбсб 23), *говорятъ* (Нбсб 25), *летаятъ* (Нбсб 25), *хулятъ* (Нбсб 29), *взонатъ* (Нбсб 31), *ся каратъ* (Нбсб 27), *трескаятъ* (Нбсб 25), *ораятъ* (Нбсб 38), но также и *показавжтъ* (Нбсб 22), *иджтъ* (Нбсб 22). В рассказе «Прометба» исключительно: *плачатъ* (Бт IV, 49), *велятъ* (Бт IV, 53), *говоратъ* (Бт IV, 49), *ся поклонатъ* (Бт IV, 39), *ся гасатъ* (Бт IV, 38), *постелятъ* (Бт IV, 56), *паятъ* (Бт IV, 45), *ся прощаваятъ* (Бт IV, 51), *пытаятъ* (Бт IV, 48), *покрываятъ* (Бт IV, 40), *валкаятъ* (Бт IV, 46), *имаятъ* (Бт IV, 40), *гледаятъ* (Бт IV, 40). В этих случаях категория числа различается формально показателями *a*: *ая* — *иматъ*: *имаятъ* (ср. совр. лит. макед. *има*: *имат*).

начнаж 79, сбраж 87, кладоаж 88⁶. Та же последовательность наблюдается при написании имен существительных и прилагательных женского рода единственного числа на -а в функции прямого и косвенного объекта (соответствующих «косвенным падежам»): правж 9, водж 10, съ рамж мѣрж 71 и т. д.⁷ Чисто этимологическим у Р. К. Жинзифова является и довольно последовательное и правильное⁸ употребление графем ѓ и ы в соответствии с их историческими корреспондентами: рѣко 10, бѣше 25, бѣлж 40, жены 2, главы 14, Владыцы 5, 7, зелены горы 14, Вышеградъ 31, 35 и т. д.

В правописании приставок наблюдается уступка фонетическому принципу, хотя и не совсем последовательная: избирайки 5, исплакна 15, разборави 12, раздѣлжтъ 71, размирены 52, 77, разбрали 85, да расберитъ 93⁹, однако сбраж 53, скаражся 67, скаралися 19.

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В переводе К. Дмитриева-Петковича, так же как в языке Р. К. Жинзифова, К. Миладинова, К. П. Мисиркова и ряда других македонских писателей XIX — начала XX в., старое *o* дает рефлекс *a*, в соответствии с положением в центральных македонских говорах. (В тексте Д.-П.: *мажи* 2, 105, 106; *мажь* 106, 113; *матишь* 10, 11; *матила* 16, *дабрави* 41, *стапилъ* 93, *рака* 107, *внатре* 35.) В языке Ж. в этих случаях довольно последовательно *a*- (изображаемое иногда графически как *ж*)¹⁰. Ряд лексем, проникших в македонские говоры под сербским влиянием, имеют *u* на месте старого носового велярного. В Д.-П.: *судъ* 93, *судатъ* 38, *судебни* 59, *судимъ* 112, *суд'те* 111, *судни* 87, *светосудна* 63 (ср. совр. лит. макед.: *суд*, *суден*, *суди*). Подобные примеры в тексте Ж. рассмотрены выше в замечаниях по орфографии; следует только добавить: *кукя* (Нбсб 28), *нейкю* 112, *оружје* (Нбсб 69) (ср. совр. лит. макед.: *оружје* — сербизм? русский церковнославянизм? русизм?). К. П. Мисирков также последовательно употреблял *u* в словах, образованных от *суд*: *судбите*, *судииата* и т. п.¹¹

Не менее характерной чертой языка македонских писателей является рефлекс старого *ъ* в «сильной» позиции в виде *o* как в корне, так и в суффиксах и приставках, в соответствии с положением в центральных, северных и юго-западных македонских говорах. В Д.-П.: *собраха* 87, *соборъ* 57, 93, *сбори* 6, *собранье* 36. В Ж.: *соборъ* 6, 57¹².

⁶ Эта орфографическая черта в сборнике «Новобългарска сбирка» проведена последовательно (хотя изредка: *распърснаха* — Нбсб 77). В рассказе «Прошетба» выступают формы на -ха: *представиха* (Бт IV, 39), *донесоха* (Бт IV, 47), *наумуваха* (Бт IV, 55) и т. п.

⁷ Это правило во всех текстах сборника «Новобългарска сбирка» проведено последовательно. То же и в поэме «Кървава кошуля», но в «Прошетбе» даны только формы с написанием *a*: *рѣжа* (Бт IV, 42), *во градина-та* (Бт IV, 51).

⁸ В более ранних произведениях Р. К. Жинзифова можно заметить некоторые отступления, например в рассказе «Прошетба»: *нѣколко си паници съ кисело млеко* (Бт IV, 44).

⁹ Эта же особенность орфографии наблюдается в других произведениях Р. К. Жинзифова. Примеры из перевода «Слова о полку Игореве»: *иссуши* (Нбсб 28), *измѣкна* (Нбсб 28), *растурижж* (Нбсб 23), *раздѣлижж* (Нбсб 26, 38); однако — *отстъпнажж* (Нбсб 23), *отговори* (Нбсб 42).

¹⁰ Очень редко, спорадически встречается рефлекс *ъ* как уступка общоболгарской, уже устанавливающейся норме: «Идалостъ, тѣга, айдъ безъ трага» (Бт II, «Питанье и отговоръ»), «Като произнесеше нѣколко си нѣти „Кири ленсон“. . .» (Бт IV, 41, «Прошетба»).

¹¹ См.: Б. Корубин. Јазикот на Крсте П. Мисирков. Скопје, 1956, стр. 21.

¹² В других произведениях Жинзифова примеров значительно большее число: *сонъ* (Бт IV, 39, «Прошетба»), *вошка* (Бт IV, 41, «Прошетба»), *данокъ* (Нбсб СпИ 28),

На месте старых сочетаний **tj* и **dj*, а также **ktj*, **tʲj* выступают фонемы [k] и [tʲ], которые в графике Д.-П. обозначаются сербскими буквами *ћ* и *ћ̑* (*кућа* 1, *веће* 112, *ћу* 74, 112, *домаћинска* 3, *већина* 92 — сербизм; *међу* 19, 68, 80), а в Ж. — обычными графемами *к* и *г* (*нејко* 112, *веке* 112, *меѓо* 19, 68, *роѓени* 17, 18, 94, *роѓена* 33)¹³. Эта черта объединяет всех македонских писателей и характерна для центральных и северных македонских говоров и современного македонского литературного языка.

О слоговом плавном *р* говорилось в замечаниях по орфографии, и можно предположить, что и в языке Д.-П. и в языке Ж. оно выступало как слогообразующее без значительного гласного призвуча. Что касается рефлексов старого слогового *л*, то он и у обоих переводчиков выступает в виде *ъл* (графически и *ьл*): *жьлчка* 101 (совр. лит. макед. *ол* — *жолчка*)¹⁴.

Эпентетическое *л*, не свойственное македонским и болгарским говорам, в текстах Д.-П. и Ж. встречается спорадически, чаще всего в слове *земля*. В Д.-П. — *земля* 15, но *земи* 26, 97; в Ж. — *земи* 26, 97, но в других произведениях изредка *земля* (Бт IV, «Прoшетба»), *земљо* (Нбсб 22, СпИ) наряду с обычным *земьо* (там же, 21), *земж* (там же, 17, 18, 25, 26, 27 и др.), *земя* (там же, 23, 26 и др.), а также *саби* (там же, 20, 23, 25 и др.), *коње* (там же, 20), *копя* (там же, 25), *ко-раби* (там же, 29).

мъртовъ — вторичное *ъ* (Бт IV, 7), *близокъ* (Бт II, «Гусляръ въ соборъ»), *вопросъ* (Бт IV, 58, «Прoшетба» — русизм?), *реколъ* (Бт IV, 44 СпИ). Текст Ж. отражает также характерный для центральных македонских говоров и современного македонского литературного языка процесс аналогического распространения суффикса *-ок*-после палатальных вместо ожидаемого *-ек*- (см. об этом: А. М. Селищева, Очерки по македонской диалектологии, т. 1. Казань, 1918, стр. 24—25): *тежокъ*, *ручокъ* (К. к.), но также и *ручекъ-тъ* (Бт IV, 56, «Прoшетба»).

¹³ В других произведениях Жинзифова фиксируется *нокъ* (Нбсб 67), *полнокъ* (там же); при этом дается пояснительная ссылка: «Нощъ, полнощъ»), *керка* (Бт II, «Гусляръ въ соборъ») и т. п., хотя встречаются и болгарские формы (чаще в более ранних произведениях): *полнощъ* (Бт IV, 57, «Прoшетба»), *къца-та* (Бт IV, 55, «Прoшетба»), *щерка* (К. к. 77).

¹⁴ Рефлекс старого *л* в виде *ъл* свойственен многим македонским диалектам. Он зафиксирован не только в основной массе южномакедонских (эгейских) диалектов, но и во многих центральных, а в ряде слов и в северных диалектах, где чаще встречается рефлекс *ол*. Рефлекс *ъл* характерен для велесского говора (родного говора Жинзифова), для центральных и южных пореческих говоров (см.: Б. Видоески. Поречкиот говор. Скопје, 1950, стр. 14—15), для некоторых мариевских говоров (см.: М. Конева. Мариевскиот говор. Скопје, 1951, стр. 13), хотя в Старом Мариово, как и в соседнем неготинском диалекте, наблюдается стадия *д > ъл > ъ* (см.: И. Филиповски. Неготинскиот говор. Скопје, 1952, стр. 14), а в Малом Мариово, как и в прилепском (см.: Б. Конева. Прилепскиот говор. «Годишен зборник на филозофскиот факултет на Универзитетот», кн. 2. Скопје, 1949, стр. 251), дебарском (см.: П. Михайлов. Градскиот дебарски говор. Скопје, 1954, стр. 13) и других центральных говорах представлен рефлекс *ол*. (См. также несколько устарелые, но ценные сведения у А. М. Селищева в «Очерках», стр. 68—70). Разнообразие этого явления по диалектам отразилось в языке Жинзифова. Следует считаться также и с тем, что Жинзифов время от времени обращался и к общеболгарской норме, пытаясь создать общий болгарско-македонский литературный язык. Ср. *сълы* (Бт II, «Питанье и отговоръ»), *мълкна* (Нбсб 21, СпИ) наряду с *молчи* (там же), *напълнены* (Бт IV, 43, «Прoшетба») наряду с *наполнилъ* (там же). Слово *солнце* у Жинзифова встречается в трех формах: *сьнце* (Бт IV, «Прoшетба»), *солнца* (Бт II, «Питанье и отговоръ»), *сонце* (там же). Все эти формы встречаются в разных македонских диалектах (например, все они представлены в Порече; см.: Б. Видоески. Указ. соч. стр. 15). Как и в большинстве македонских говоров и в современном македонском литературном языке, Жинзифов часто употребляет форму *Бугаринъ*, *Бугарка* (Бт II, «Гусляръ въ соборъ»), но иногда и *Българка* (Бт IV, 53, «Прoшетба»).

Звук *x* (графема *x*) в языке Д.-П. фиксируется в начале, середине и конце слова в исконно македонских и заимствованных словах (*хубави* 41, *тихо* 79, 80, *ходи* 6, *врѣхи* 14, *храбри* 22, *Хрудошъ* 20, 100; формы аориста: *быхъ* 16, *почеха* 79, *собраха* 87). То же положение наблюдается в языке Ж. (*тихо* 79, *ходжтъ* 6, *Хрудошъ* 20, 100, *начнахъ* 79, *сбрахъ* 87). Сочетание *xv* передается в Д.-П. через *ф*: *пофалиха* 9, *фалатъ* 81; в Ж. сохраняется *xv*: *похвалихъ* 9, *хвалятъ* 81¹⁵. В языке К. П. Мисиркова последовательно *xv* > *ф* (*зафати*, *пофалам*), как и в современном македонском литературном языке (*фали*, *фати*). Отсутствие начального *x* в Д.-П. зафиксировано лишь в слове *ладна* 22, 48 (в Ж. — *хладнъ* 48).

Сочетание *vn*, изменившееся в большинстве македонских говоров во *mn* (также и в македонском литературном языке: *рамна*, *рамни*, *рамно*), в Д.-П. сохраняется: *равна* 71, в Ж. передается через *mn*: *рамнъ* 71 (тоже: *рамно* Нбсб 77, «Ярославъ»), однако в «Прошетбе» встречаются обе формы: *равно* (Бт IV, 39) и *рамно* (Бт IV, 51). Обе формы в разных лексемах фиксируются и в языке К. П. Мисиркова: *рамновесито*, *нерамно*, но *равнодушно*, *равноправно*¹⁶.

НЕКОТОРЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Тексты переводов «Любушина суда» отражают довольно последовательно авалитизм, характерный для македонского и болгарского языка. Однако отчасти под влиянием оригинала, отчасти из-за требований версификации и из-за представления о допустимости в поэзии надежных форм¹⁷ в них иногда встречаются отдельные элементы синтетизма — формы родительного падежа. У Д.-П.: *изъ рода* (Ж.: *изъ родъ-тъ*; Ан.: *от род-ѣт*), *з' горе неба* 13 (Ж.: *отъ широко небо 13*; Ан.: *от небѣ-то*), *горъ зеленыхъ* 14 (Ж.: *на-зелены горы*; Ан.: *зелени планини*), *отъ Камена моста* 46, 90 (Ж.: *отъ Камена моста*; Ан.: *от Камена моста*), *по Хрудоша и Стяглава брата* 51 (Ж.: *и по Хрудошъ и по Стяглавъ брата*; Ан.: *и по Хрудош и по Стяглав брата*)¹⁸. В на-

¹⁵ Непоследовательность в языке Ж. наблюдается и в этом случае; ср. *зафати* («Гулабъ», 1860 г.), *руво* (Нбсб 75, «Ярославъ») с характерной для македонских говоров заменой *x* на *в*.

¹⁶ См.: Б. Корубин. Указ. соч., стр. 29.

¹⁷ В своем предисловии к переводу «Краледворской рукописи» (Нбсб, 64—65) Р. К. Жинзифов писал: «Исто-то казваме и за падежи-те, кои мые употребихме въ нѣколко си мѣста отъ преводы-те си; мыслиме, що мые не престъжихме законы-те (доколку мые знаеме) Българскаго языка; и читатели-те молиме. нека погледнатъ въ наши-те народны-те пѣсни, и ще видатъ дали нашій языкъ довардилъ падежи или не; а предъ народный языкъ мые не можеме да не кютиме (мълчиме). И найстина, само кога мые Българе-те ще си собериме сичкъ, сичкъ, народнъ устнъ, така да речиме, книжнинъ, тога мы ще видиме 'се-то богатство и чистотъ Българскаго языка, тога мые ще уловиме, 'си-те законы нашего языка и онъ ще ни кажитъ дали сосемъ да исхвърлиме падежи-те, или да ги употребиме тамо дека и какъ онъ ги искатъ, а до тога... нека читатели-те сами допълнатъ наши-те точки».

¹⁸ В других произведениях Р. К. Жинзифова зафиксированы формы винительного-родительного и дательного падежей имен собственных и существительных мужского рода, означающих родство: *млада невѣста тжжитъ мѣжи си* (Бт IV, 41, «Прошетба»), *торгна съ сина си за въ градъ* (там же, 43); *сину си я рекохъ* (К. к. 83), *Игорю пѣятъ слава* || *Сыну Святослава* || *Буй-Туру Всеволоду* (Нбсб 44, СпII). Как видно из предшествующей сноски, Р. К. Жинзифов допускал употребление форм родительного падежа существительных мужского рода других семантических категорий: *българскаго языка*, также у *Прилепа града* (К. к.). Из существительных

ших текстах Ж. и Ан., таким образом, падежная форма представлена только в случае *от Камена моста* и еще только в Ж. *отъ стара' рода* 24, что, по всей вероятности, вызвано требованиями версификации. Форма *мжжа* 106 для языка Ж. закономерна (см. сноску 18), так же как и для ряда македонских говоров.

Множественное число односложных имен существительных мужского рода в тексте Д.-П. образуется с окончанием *-ове*: *дворове* 30, *богове* 69. Однако наряду с этим выступает и окончание *-и*: *върхи* 14, *гласи* 86, 87, 91, *двори* 31, которое столь широко представлено не без влияния версификационных ограничений (ср. *дворове* 30 и *двори* 31). Форма *мажи* 2, 105, 106 не имеет расширения основы во множественном числе, так же как и заимствованные, ипородные слова *кмети* 8, 9, 50, 65, *лехи* 8, 50, *леси* 9, 65, 78 (противопоставление прямых и косвенных падежей передается чередованиями *х:с* и *к:ц* — *лехи:леси* у сущ. женского рода — *владики* 7, 50: *владици* 8, 53, 65, 78, 109). У Ан.: *гласове* 86, 91, *мъжи* 2, 105, 106. У Ж.: *бродове* 47, *мжжи* 2, 105¹⁹.

Членные формы в рассматриваемых текстах переводов «Любушского суда» употребляются крайне редко. В Д.-П. они все нигде не зафиксированы, в Ж. — два раза: *изъ родъ-тъ* 5, *редъ-тъ* 55 (оба случая вызваны требованиями версификации)²⁰. В Ан. они встречаются шесть раз: *от род-ат* 5, *според род-ат* 55, *овѣ-те моми* 58, *от небѣ-то* 13, *по срѣдцѣ-то* 101, *гори-тъ* 41 (можно предположить, что и эти случаи вызваны требованиями стихотворного размера).

Из морфологических особенностей интересно еще отметить формы спряжения глаголов настоящего времени.

Схематически эти формы можно представить следующим образом:

У К. Дмитриева-Петковича

I. а-группа	II. и-группа	III. е-группа
1. <i>-амъ, -аме</i>	1. <i>-имъ, -име</i>	1. <i>*-емъ, *-еме</i>
2. <i>-ашь, -ате</i>	2. <i>-ишь, -ите</i>	2. <i>*-ешь, *-ете</i>
3. <i>-а, -атъ, (-аятъ)</i>	3. <i>-и, -итъ</i>	3. <i>-е, *-атъ (*-ятъ)</i>

Примечание: знак * обозначает, что форма устанавливается предположительно.

женского рода зафиксирован лишь дательный падеж от *майка*: *ни майцы радость* (Бт IV, «Тася Глас»). Написание типа *женж* в винительном падеже и с предлогами — чисто орфографическое.

¹⁹ Из односложных имен существительных, не расширяющих основу во множественном числе, в языке Ж. нами отмечены еще *конь — кони* и *кнезь — кнези, внукъ — внуце, быкъ — быци*; остальные имеют окончание *-ове*: *щитове, мостове, сынове, звѣрове, зидове, ножове, пжтове, мечове, градове, шлемове* (но и *шлемы*), *стѣлопе*; замечен лишь один пример на *-ови*: *бойови* (Нбсб 44, СпИ).

²⁰ В других поэтических произведениях и переводах Р. К. Жинзифова членные формы употребляются тоже довольно редко, в прозе же часто — в соответствии с их семантико-синтаксической функцией (см., например, сноску 3, 17). Членная форма только одного типа: *-тъ (-отъ)* («краткая» форма *-ъ, -о* отсутствует), *-та (-тж), -то, -те*; формы типа *-ов, -он* не зафиксированы. Например: *славей-тъ* (Бт IV, 38, «Пршетба»), *старець-тъ* (там же, 44), *ручекъ-тъ* (там же, 44), но *выкотъ* (Нбсб, 21, 27, СпИ); с прилагательными мужского рода единственного числа употребляется также и член *-ий* — *нашій языкъ* (см. ту же сноску 3), хотя у Жинзифова использованы «сложные» формы *-ий-тъ* — *последній-тъ сынъ* (Бт IV, 41, «Пршетба») и *-и-атъ* — *горди-атъ фанариотъ* (Бт II, «Две думи»), *всичкиатъ свѣтъ* (Бт II, «Сон»).

У Р. К. Жинзифова

I. а-группа	II. и-группа	III. е-группа
1. -амъ (-ямъ), -аме (-яме)	1. -амъ, -име	1. -амъ (-ям), -име (-еме)
2. -ишь (-яшь), -ате (-яте)	2. -ишь, -ите	2. -ишь (-еишь), -ите (-ете)
3. -атъ (-ятъ), -жтъ (-жтъ) или -аятъ	3. -итъ, -жтъ (-ятъ) или -атъ	3. -итъ (-етъ), -жтъ (-ятъ) или -атъ

Примечание: окончания третьей е-группы, данные в скобках, выступают в тех случаях, когда односложная основа глагола оканчивается на гласный и, у, например: *биеть, пиеть*.

У анонимного болгарского переводчика

I. а-группа	II. и-группа	III. е-группа
1. -ам, -аме	1. -а (-та), -им	1. -а, -ем
2. -иш, -ате	2. -иш, -ите	2. -еиш, -ете
3. -а, -ат	3. -и, -ат (-там)	3. -е, -ат (-там)

Схемы глагольных парадигм составлены на основании следующих примеров:

Для Д.-П.: а-группа — 3 л. ед. ч.: *прегледва* 91, *влада* 105, 106, *заповеда* 115; 1 л. мн. ч.: *сакаме* 118; 3 л. мн. ч.: *оратъ* 2 (если это не е-группа), *избиратъ* 5, *се караятъ* 17, 20, 67, *владатъ* 4, 70; и-группа — 1 л. ед. ч.: *судимъ* 112; 2 л. ед. ч.: *матишь* 10, 11; 3 л. ед. ч.: *ходи* 6, 7, *държи* 60, *стои* 63, *помири* 77, *объяви* 92, *говори* 83, 117; 3 л. мн. ч.: *праватъ* 2, *поставатъ* 36, *поканатъ* 37, *судатъ* 38, *прататъ* 39, *разделатъ* 71, *говоратъ* 79, 80, *фалатъ* 81, *объяватъ* 89; е-группа — 3 л. ед. ч.: *умре* 3, *жалуе* 32, *извикуе* 32, *каже* 39, *тече* 43, *биде* 74, 75, *даде* 107.

Для Ж.: а-группа — 3 л. ед. ч.: *казватъ* 32, *наредватъ* 32, *повелватъ* 39, *прегледатъ* 91, *владатъ* 105, 115, *повелятъ* 106; 3 л. мн. ч.: *оржатъ* 2, *владжатъ* 4, *докаратъ* 37, *повелижатъ* 70; и-группа — 1 л. ед. ч.: *мжтамъ* 16, *сждамъ* 112; 2 л. ед. ч.: *мжтишь* 10, 11; 3 л. ед. ч.: *помирить* 77, *обидитъ* 92, *говорить* 83, 117; 3 л. мн. ч.: *првежатъ* 2, *ходжатъ* 6, 7, *поставатъ* 36, *сждатъ* 38, *прататъ* 39, *раздѣлжатъ* 71, *говорятъ* 79—80, *хвалятъ* 81, *обаджатъ* 89; е-группа — *умритъ* 3, *пиеть* 43, *расберитъ* 93, *дадитъ* 107.

В других произведениях Жинзифова представленная морфологическая система настоящего времени отражена достаточно последовательно. Последовательность наблюдается в сохранении окончания *-т* в 3 л. ед. ч.²¹, в употреблении окончания *-ам* в 1 л. ед. ч. всех групп глаголов, как и в современном македонском литературном языке²², в обобщении тематических гласных групп *е* и *и* в *и* (кроме глаголов с односложной основой на *и, у*), характерном для большинства центральных македонских говоров. Так, например, в рассказе «Прошетба» зафиксированы следующие формы: е-группы — *знамъ* (Бт IV, 46), *познаишь* (Бт IV, 55), *знаитъ* (Бт IV 40, 47), однако *познаеме* (Бт IV, 39), *опишишь* (Бт IV, 55), *донесишь* (Бт IV, 47), *плачитъ* (Бт IV, 48), *можитъ* (Бт IV, 50), *покажитъ* (Бт IV, 51), *рѣчитъ* (Бт IV, 53), *легнине* (Бт IV, 56), *покъснине* (Бт IV, 57), *пренесине* (Бт IV, 58), *плачатъ* (Бт IV, 49).

²¹ Подробнее см.: С. Б. Бернштейн. К вопросу о форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке. «Вестник Московского университета», 1948, 2, стр. 13—21.

²² См.: Б. Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик, II Скопје, 1954, стр. 154—155.

Известны и формы: *чуетъ* (Бт IV, 38, «Прошетба»), *пиетъ* (Бт IV, 43). Формы 1 л. ед. ч.: *оженамъ* (Бт IV, 46, «Прошетба»), *помнамъ* (там же), *плачамъ* (К. к. 85), *тжжамъ* (там же), *лиямъ* (там же). Следует также отметить, что Жинзифов употреблял для 3 л. мн. ч. настоящего времени глаголов а-группы, помимо форм *-жтъ* (ср. ед. ч. *владатъ*, мн. ч. *владжтъ*), и форму *-аятъ*, соответствующую современной македонской литературной *-аат*. Например: *къде очи гледаятъ* (Бт IV, 40, «Прошетба»), *Игорь чекатъ* (Нбсб 20, СпИ), *Птицы... чекаятъ* (Нбсб 21, СпИ).

Для Ан.: а-группа — 3 л. ед. ч.: *извик'ва* 32, *повики* 37 (не опечатка ли? и вместо а. — Н. Т.), *влива* 43, *прегледва* 91, *влада* 105, 106; 1 л. мн. ч.: *зѣмам'* 118; 3 л. мн. ч.: *владат* 4, *карат* 17, 20, 67; *думат* 79, 80; и-группа — 1 л. ед. ч.: *мѣти* 16, *сѣда* 112; 2 л. ед. ч.: *мѣтиш* 10, 11; 3 л. ед. ч.: *ходи* 6, 7; *постави* 36, *дрѣжи* 60, *стой* 63, *помири* 77, *обѣзиви* 92, *говори* 83, 117; 3 л. мн. ч.: *прават* 2, *разсѣдат* 38, *пратат* сг 39, *раздѣлат* 71, *фалат* 81, *обѣзиват* 89; е-группа — 3 л. ед. ч.: *умре* 3, *плачит* сг 32 (любопытная македонская форма, нарушающая систему!), *каже* 39, *земе* 107; 3 л. мн. ч.: *орат* 2, *владѣят* 70.

Нетрудно заметить, что приведенные парадигмы отражают довольно хорошо системы, существующие в македонских и болгарских диалектах. Если анонимный болгарский переводчик (вероятнее — переводчики) отразили систему форм, свойственную основной массе восточноболгарских и ряду западноболгарских диалектов, зафиксированную и в современном болгарском литературном языке, то К. Дмитриев-Петкович отразил систему, характерную для скопских говоров, где сохраняется тематическая гласная *e* 1 л. ед. ч. всех групп: *сакам*, *платим*, *идем*²³, а Р. К. Жинзифов довольно точно и последовательно передал систему прилепских центральных говоров²⁴, хотя в его родном велеском диалекте положение было несколько иным (отсутствие *-т* в 3 л. ед. ч., отсутствие обобщения тематических гласных *e* и *и* в *и* и др.).

Формы глагола *сум* у Р. К. Жинзифова следующие:

Ед. ч.	Мн. ч.
1. <i>сумъ</i> (<i>сѣмъ</i>)	<i>сме</i>
2. <i>си</i>	<i>сте</i>
3. <i>етъ</i> (<i>ю</i>)	<i>сетъ</i> (<i>сѣ</i>).

Формы *ю* и *сѣ* появились в произведениях Р. К. Жинзифова более позднего периода; в ранних произведениях фиксируются чаще *сумъ*, *етъ* и *сетъ*.

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Объем и содержание рассматриваемых переводов «Любушинского суда» не дают возможности для достаточно полного сопоставительного лексического анализа. Тем не менее, можно отметить ряд следующих характерных лексем:

сакаме 118 Д.-П.: *търсим'* Ж., *зѣмам'* Ан.; совр. макед. лит.: *сака* 'желать, хотеть';

разборави 12 Д.-П., Ж.: *въздигнала* Ан.; совр. макед. лит.: *разборави* 'размешать, возмутить, взволновать';

²³ См.: Р. Угринова. Говорите во Скопско. Скопје, 1951, стр. 28—30. — Такая черта свойственна говорам скопской Черной Горы, в ряде других говоров области Скопья наблюдается окончание *-ам* для всех групп глаголов в 1 л. ед. ч. См. также: А. М. Селищев. Говоры области Скопья. «Македонски преглед», год. VII, кн. 1. София, 1931, стр. 53.

²⁴ См.: Б. Конески. Прилепскиот говор, стр. 286.

барайте 113 Ж.: *изберете* Д.-П., *изберјете* Ан.; совр. макед. лит.: *бара* 'искать', *избере* 'выбрать';

истуравши 13 Д.-П.: *порони* Ж.: *изврђе* Ан.; совр. макед. лит.: *истура* 'выливать, проливать';

штици 60 Д.-П., *цици* Ж.: *дъски* Ан.; совр. макед. лит.: *штица* 'доска';

татко 1 Д.-П., Ж.: *башта* Ан.; совр. макед. лит.: *татко* 'отец';

татков 57 Д.-П., Ж.: *баштин* Ан.; совр. макед. лит.: *татков* 'отцовский'. Тоже: *таткови* Д.-П. 31, 32; *татковъ* Ж. 31, 32, *баштин* Ан. 31, 32; *таткова* Д.-П. 18, 52; *татковскъ* 18, 52; *баштин* Ан. 18, 52.

Приведенные лексемы довольно характерны для специфически македонской и болгарской лексики (это различие отражено и в современных литературных языках). Можно привести также дублеты, которые не столь четко дифференцируют болгарскую и македонскую лексику, но все же оказываются показательными для литературных языков XIX в. и для современных языков — для македонского и болгарского:

пламень 68 Д.-П., Ж.: *пламак* Ан.; совр. макед. лит.: *пламен*; совр. болг. лит.: *пламък*;

ладна 48 Д.-П., *хладнъ* Ж.: *студјена* Ан.;

порони 13 Ж.: *изврђе* Ан.; но типично македонское, хотя и в несвойственной македонскому языку форме деепричастия прошедшего времени: *истуравши* Д.-П.; совр. макед. лит.: *истура* 'выливать, проливать';

паметны 58 Ж.: *разумни* Д.-П.: *хитри* Ан.; совр. макед. лит.: *паметен* 'умный, разумный'; совр. болг. лит.: *паметен* 'памятный';

люди 39 Д.-П.: *хора* Ан.; у Ж. — *пратници*.

Интересно отметить в языке Д.-П. заимствование из сербского *већина* 92 и соответственно из русского в Ан. *болишинá* (ср. совр. болг. лит.: *болишинство*; форма в Ан. «болгаризована»). Македонско-болгарские различия наблюдаются и в таких формах, как *внатре* Д.-П., *внжтре* Ж. и *вѣтрѣ* Ан. (совр. макед. лит. *внатре*, совр. болг. лит. *вѣтре*), и в ряде других менее показательных примерах, которые мы здесь из-за экономии места опускаем.

Перевод «Любушиного суда» К. Дмитриева-Петковича, выполненный в 1852 г. (или несколько ранее), — любопытная страничка из истории македонского литературного языка. Он свидетельствует о стремлении в то время весьма немногочисленной македонской интеллигенции обработать грамматический и лексический материал македонских говоров в целях литературно-поэтических. Нам представляется, что перевод К. Дмитриева-Петковича — первый поэтический перевод на македонский язык, один из самых ранних опытов использования македонской народной речи в поэзии (не считая, естественно, богатого устного творчества, имевшего очень давние традиции, отразившиеся в рассмотренном переводе). Функционально и стилистически он значительно отличается от произведений Хаджи Иоакима Крчовского и даже Кирилла Пейчиновича²⁵, имевших дидактическую направленность и сохранявших связь с традициями поучений, поздних македонских и болгарских «дамаскинов», с письменностью, носившей еще достаточно яркую печать церковного характера. Кирилл Пейчинович еще считал высоким «стилем», книжным литературным языком язык церковнославянский, а свою

²⁵ О языке Кирилла Пейчиновича см. новое ценное исследование: В. Илич. Језик Кирила Пејчиновића и његово стилско, уметничко ангажовање. «Јужнословенски филолог», кн. XXV. Београд 1961—1962, стр. 197—226 (там же см. литературу вопроса).

книгу «зѡкома Бѡгледало», напечатанную в Будапеште в 1816 г., писал «рѣди потребы и ползѡканїа прѣпростѣишимъ и не книжнимъ азыкомъ».

Перевод К. Дмитриева-Петковича, так же как и перевод Р. К. Жинзифова, знаменует собой почти полный отказ от церковнославянской традиции и серьезную попытку создания единого македонского (или «болгарского» на македонской основе) языка, призванного обслуживать все сферы общественной и литературной жизни, т. е. быть, по терминологии А. В. Исаченко, «поливалентным». Эта «поливалентность», как известно, — характерная черта литературных языков эпохи формирования нации, так называемых «национальных литературных языков». Интересно отметить стремление К. Дмитриева-Петковича и Р. К. Жинзифова, наблюдаемое в некоторой мере еще у Кирилла Пейчиновича, отразить не черты какого-либо одного диалекта, а создать нечто вроде наддиалектной модели, обеспечить максимальную коммуникативность литературного языка, раздвинуть границы его территориального функционирования, ввести в свой язык такие диалектные черты, которые достаточно широко распространены (иногда отказываясь от черт своего родного диалекта). Именно поэтому в языке К. Дмитриева-Петковича и Р. К. Жинзифова так много особенностей, свойственных центральным, отчасти северным говорам. Некоторые черты сближают язык К. Дмитриева-Петковича и Р. К. Жинзифова с языком К. П. Мисиркова и современным македонским литературным языком и отличают его от языка многих других нормализаторов македонского языка, современников Р. К. Жинзифова. Если взять хотя бы такой характерный формальный показатель, как 3 л. мн. ч. глаголов настоящего времени, которому Б. Конески в своей интересной и компактной монографии «Кон македонската преродба. Македонските учебници од 19 век» (изд. 2, Скопје, 1959) уделил достаточно места²⁶, то становится ясным, что была тенденция к закреплению западномакедонских форм на *-ет* (*a*-группа: *чекаетъ*), наряду с *-ат* (*e*-, *и*-группа: *приноситъ*, *можатъ*). Такое положение с некоторыми отступлениями (например, *разберетъ*, *молитъ*) представлено в книге «Кратка Священа исторїя на Вѣтхо- и Новозавѣтна-та Църковь» (Цариградъ—Галата, 1857 г.) Парфѣния Зографского [правда, уже в книге «Началное ученїе за дѣца-та» (Цариградъ—Галата, 1858) он последовательно вводит формы на *-атъ*: *праватъ*, *знаятъ*, *кажуватъ*, *сакаатъ*], в предисловии к знаменитой книге «Български народни пѣсни» (Загреб, 1861) Константина Миладинова (*играетъ*, *имаетъ*, *бератъ*, *сѣ слѣятъ*, *сѣ вѣртатъ*), sporadически у Дмитра В. Македонского в книге «Кратка Священна Исторїя за училищата по Македонїя» (Царїйградъ, 1876): *сохраняваетъ* наряду с *добриваютъ*, *милвоятъ* (ср. то же у Р. К. Жинзифова), у Кузмана Шапкарева в его изданиях 1868 г. (краткая священная история, краткая география, букварь, хрестоматия, начальное учение): *имаѣтъ*, *развиѣѣтъ*, *даѣѣтъ*, *чинаѣтъ*, *говоряѣтъ* (с 1869 г. у Шапкарева уже последовательно встречаются формы без *-ет*), наконец, у Георгия Пулевского в его словарях «Речникъ отъ четри језика» (Београд, 1873) и «Речник од три језика» (Београд, 1875): *имајет*, *клавајет*, *можат*, *носат*.

Перевод К. Дмитриева-Петковича, македонца из села Башино Село (около Велеса), остался почти незамеченным²⁷, тем не менее он является любопытным опытом создания литературного языка на основе центральных македонских диалектов.

²⁶ Языковые примеры, приводимые ниже, взяты в основном из упомянутой монографии Б. Конеского «Кон македонската преродба».

²⁷ Р. К. Жинзифову был известен перевод К. Дмитриева-Петковича, и на это он указал в своем предисловии к переводу «Краледворской рукописи»: «Любушин сѣдъ превель ѡ още и г. К. Петковичъ» (Нбсб 61).

Р. П. Усикова

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ НОРМ В МАКЕДОНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

С момента образования македонского литературного языка прошло всего около двадцати лет. 5 мая 1945 г. было объявлено и вошло в силу решение правительства Народной республики Македонии о македонской азбуке. Чуть позже был издан первый «Македонски правопис», выработанный после долгой дискуссии комиссией по языку и правописанию при Министерстве народного просвещения. Македонский литературный язык был введен в школах, государственных учреждениях. На литературном языке стали издаваться книги, газеты, журналы, он стал языком радио, театров и т. д. В 1946 г. вышла из печати первая грамматика нового литературного языка, написанная Круме Кепеским¹.

Однако даже за такой короткий для развития языка период в македонском литературном языке произошли довольно большие изменения, связанные с дополнениями и уточнениями литературной нормы, изменяющейся под влиянием различных диалектов, связанные с борьбой за чистоту языка, с заменой слов и форм, заимствованных из других литературных языков, и т. д. В развитии македонского литературного языка можно выделить два периода: с 1945 по 1950 г. и с 1950 г. по настоящее время. В 1950 г. был опубликован второй орфографический кодекс², который отразил изменения в литературных нормах и уточнил многие из них.

В настоящей работе будут рассмотрены изменения письменной формы литературного языка в двух продуктивных морфемах существительного и глагола, связанные с одним фонетическим явлением — восстановлением в литературном языке интервокального *v*, утраченного в определенных положениях в западных и в части центральных македонских говорах. Речь идет об окончании множественного числа односложных существительных мужского рода *-ови* (по нормам до 1950 г. допускались варианты *-ои*, *-ој*) и о глагольном суффиксе *-ува-*, вытеснившим употреблявшийся до 1950 г. в литературном языке суффикс *-у(е)*. Замена суффикса *-у(е)* суффиксом *-ува-* вызвала большие изменения в морфологической системе глаголов, переход большей группы глаголов, в том числе наиболее продуктивного типа имперфективированных глаголов, из Е-класса в А-класс³.

Большинство односложных существительных мужского рода образует множественное число с помощью окончания *-ови*. Например: *дом—домови*, *дух—духови*, *гроб—гробови*, *цвет—цветови*, *син—синови*, *град—градови*, *план—планови*, *дел—делови*, *плот—плотови*, *дар—дарови*, *брег—брегови*, *топ—топови*, *сид—сидови*, *плод—плодови*, *свер—сверови*, *збор—зборови*,

¹ Круме Кепески. Македонска граматика. Скопје, 1946.

² Б. Конески и К. Тошев. Македонски правопис со правописен речник. Скопје, 1950.

³ В македонском литературном языке имеется три парадигматических класса глаголов. Основой для классификации служит различие тематических гласных настоящего времени: *-а-*, *-и-*, *-е-* (соответственно А-класс, И-класс, Е-класс)

рог—рогови, вол—воллови, страк—стракови, кнез—кнезови, лист—листови, час—часови, бог—богови, краг—крагови, век—векови, траг—трагови, блен—бленови, ров—ровови, клас—класови, слон—слонови, лав—лавови, рак—ракови, врат—вратови, срп—српови. Окончание *-ови* очень продуктивно в литературном языке. Оно образует форму множественного числа от всех новых и заимствованных односложных существительных мужского рода, например: *тенк—тенкови, јамб—јамбови, штаб—штабови, виц—вицови, штрајк—штрајкови* и др.

Морфема *-ови* имеет фонетические варианты *-ои* и *-ој*, которые по нормам литературного языка, принятым в 1950 г., допустимы лишь в поэзии. По первым правилам орфографии 1945 г. были равноправны два варианта — *-ови*, *-ои* и для поэзии *-ој*. Окончание *-ои/-ој* характерно для западных говоров и таких центральных, как прилепский. В восточных македонских говорах (кратовский, штипский, кочанский, радовиштский и др.) выступает окончание с *в*—*ове*, не встречающееся в текстах на литературном языке. Окончание *-ови* характерно для тиквешского, мариовского, реканских, велеского, торбешского (в Скопско) и других говоров.

Глагольный суффикс имперфективации *-ува-* очень продуктивен в македонском литературном языке. С суффиксом *-ува-* образуется самая большая группа имперфективированных глаголов. Почти от любого глагола совершенного вида можно образовать парную форму несовершенного вида с суффиксом *-ува-*. С суффиксом *-ува-* в литературном языке образуются также глаголы от имен существительных и прилагательных. Таким образом, имеется две омонимичных морфемы *-ува-* — суффикс имперфективации и суффикс отыменных глаголов:

а) глаголы с суффиксом *-ува-*, образованные от имен существительных и прилагательных, имеют имперфективное или двойственное видовое значение; например: *дарува, командува, образува (се), верува, војводува, гладува, војува, летува, ликува, патува, празнува, шегува се* и др.;

б) глаголы, образованные с суффиксом имперфективации *-ува-* от перфективных (бесприставочных и приставочных) глаголов всех классов, например: от глаголов А-класса — *вкопува* от *вкопа*, *прелистува* от *прелиста*, *заигрува (се)* от *заигра(се)*, *подбркува* от *подбрка*, *опитува* от *опита*, *вслушува се* от *вслуша се*, *одгледува* от *одгледа*, *основува* от *основа* и др.; *браносува* от *браноса*, *кислосува* от *кислоса*, *кртосува (се)* от *кртоса (се)* и др.; от глаголов И-класса — *баталува* от *батали*, *бележува* от *бележи*, *кунува* от *купи*, *честува* от *чести*, *јавува (се)* от *јави (се)*, *качува (се)* от *качи (се)*, *обиколува* от *обиколи*, *пленува* от *плени*, *победува* от *победи*, *сторуса* от *стори*, *возбудува* от *возбуди*, *возмутува се* от *возмути се*, *одликува* от *одличи* с чередованием *к : ч*, *појмува* от *појми*, *пребројува* от *преброи*, *потценува* от *потцени* и др.; от глаголов Е-класса — *дигнува* от *дигне*, *метнува* от *метне*, *каснува* от *касне*, *одвикнува* от *одвикне*, *отпаднава* (|| *отпада*) от *отпадне*, *пламнува* от *пламне*, *минува* от *мине*, *почнува* от *почне*, *починува* от *почине*, *воведува* от *воведи*, *окажува (се)* от *окаже (се)*, *препишува* от *препише* и др.

Как указывал А. М. Селищев, глагольные формы с суффиксом *-ува-* типа *кунува* «употребительны в Македонии и Болгарии»⁴, этот суффикс

⁴ А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929, стр. 358. — В болгарском литературном языке суффикс *-ува-* вытесняется суффиксом *-ва-*, наиболее продуктивным суффиксом имперфективации; более употребителен словообразующий суффикс *-ува-* в глаголах отыменного образования: *дарувам, образувам, гладувам, пѣтувам, шегувам се* и др. Но: *прелиствам, опитвам, вслушивам се, крѣстѡвам, явявам се, пленѣвам, побеждавам, пѣчвам, окажвам, препишвам* и др. (ср. с приведенными глаголами на *-ува-* в македонском языке).

получился «в результате объединения суффиксальных элементов основ наст вр. на *-yie-* и суффиксальных элементов инфинитивных основ на *-ова-*: *кунује-[и] || купова-[х] > кунува*»⁵. В македонских говорах суффикс *-ува-* выступает в следующих вариантах: 1) *-ува-*, 2) *-уа-*, 3) *-оа-*, 4) *-ва-*, 5) *-ув-*.

Во многих говорах употребляется и суффикс *-y(e)*. Суффикс *-y(e)* — без интервокального *e* — это старый суффикс основ настоящего времени глаголов, имевших *-ова-* в основах инфинитива. В некоторых северомакедонских говорах, например в скопско-црногорском говоре, даже сохранилось старое противопоставление основ: *-yie* в настоящем времени, *-ува-* (< *-ова-/уе-*) в аористе — *кунује, кунува*⁶. Нам не известно, существует ли противопоставление основ в глаголах рассматриваемого типа в других македонских говорах, так как доступные нам диалектологические исследования о нем не упоминают. В литературном македонском языке такого противопоставления не было: глаголы с суффиксом *-y(e)* широко употреблялись до 1950 г. (об этом подробнее будет сказано ниже).

Суффикс *-y(e)* распространен во всех северных македонских говорах⁷. Глаголы с суффиксом *-y(e)* употребляются и в некоторых других македонских говорах, например в части мариовского⁸ и неготинского⁹ говоров.

Говоры, в которых распространены глаголы с суффиксом *-y(e)*, различаются морфологической системой глаголов. В большинстве северных говоров, в скопских, велесском [суффикс *-y(e)* употребляется в части велесского говора] имеется три класса глаголов — с тематическими *-а-*, *-и-* и *-е-*. В некоторых северо-восточных македонских говорах отражен характерный для многих македонских говоров процесс обобщения глаголов И- и Е-классов в один парадигматический тип. Как известно, результаты этого обобщения различаются по говорам. В северо-восточных говорах обобщение шло по Е-классу: в кратовском, овчепольском, штипском, кочанском говорах имеется два класса — А и Е. В мариовском и неготинском говорах обобщение шло по И-классу, но в 3 л. ед. ч. настоящего времени обобщилось окончание с тематическим *e* [окончания в глаголах рассматриваемого типа: 1 л. ед. ч. *-(y)а(м)*, 2 л. ед. ч. *-(y)иш*, 3 л. ед. ч. *-(y)e*].

В большинстве западных говоров глаголы И- и Е-классов обобщились в один тип спряжения с тематическим *-и-*. Например, в прилепском говоре этот процесс можно считать законченным: все глаголы бывшего Е-класса распределились частично в А-класс (тип основ на гласный с *j*) и в И-класс (все остальные глаголы)¹⁰. В других западных говорах процесс обобщения глаголов Е- и И-классов еще не закончен. К Е-классу в этих говорах относятся лишь сравнительно небольшие и непродуктивные группы глаголов. Такого положения в части говоров Поречья, в кичевском, в стругском, в части велесского, в городском дебрском говорах, а также и в части мариовского говора, относящегося к центральным говорам. Все глаголы с суффиксами имперфективации — *-а-* (*-ја-*), *-ва-* (с сохранением интервокального *e*!) и другими — спрягаются в этих го-

⁵ Там же, стр. 358—359.

⁶ Б. Видоески. Северните македонски говори. — Мјаз, 1954, V, стр. 183.

⁷ А. М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918, стр. 269 и след.; Б. Видоески. Указ. соч., стр. 183.

⁸ М. Конеска. Мариовскиот говор. Скопје, 1951, стр. 27.

⁹ И. Филиппоски. Неготинскиот говор. Скопје, 1952, стр. 39 и след.

¹⁰ Б. Конески. Прилепскиот говор. «Годишен зборник на филозофскиот факултет на универзитетот — Скопје», 1949, II, стр. 283 и след.

ворах по А-классу¹¹. В этих говорах употребляется не суффикс *-y(e)*, а суффикс *-yva-*, который выступает в следующих вариантах: *-yva-* в прилепском, велесском и мариовском (центральных) говорах, *-ya-* в кичевском и частично в говорах Поречья, *-oa-* в городском дебромском говоре¹². В преспанско-леринском говоре *-yva-* изменился в *-va-*: *прикажва*¹³.

В юго-восточных македонских говорах (гевгелийский, дойранский, воденский, кукушский, тиквешский) во 2 л. ед. ч. настоящего времени обобщилось окончание с тематическим *-и-*, в 3 л. ед. ч. окончание с тематическим *-е-*. В гевгелийском и кукушском говорах эти тематические гласные распространились и на глаголы А-класса, и там суффикс *-yva-* выступает в варианте *-yв-*: *кпув-иш*, *кпув-е*¹⁴.

Таким образом, глаголы с суффиксом *-yva-* или его вариантами *-ya-*, *-oa-*, *-va-*, *-yв-* характерны для большей части македонских говоров на западе, юге и востоке. Суффикс *-y(e)* распространен на севере Македонии, на территории северо-западных и северо-восточных македонских говоров.

В литературном языке до 1950 г. глагольный суффикс *-y(e)* был наиболее употребительным суффиксом имперфективации и словообразовательным суффиксом в отыменных глаголах. Вероятно, его узаконенное литературной нормой употребление было связано с влиянием скопских говоров, а также влиянием сербохорватского литературного языка. Однако наряду с глаголами на *-y(e)* в македонском литературном языке до 1950 г. употреблялись и глаголы с суффиксом *-yva-*, причем у одного и того же лица можно было встретить употребление глаголов с обоими суффиксами.

Ср. следующие примеры из научного сборника «Годишен зборник на филозофскиот факултет на универзитетот — Скопје» (т. I, 1948).

Б. Конеский («Загубата на интервокалното *v* во западномакедонските говори») последовательно употребляет глагольные формы на *-y(e)*: *разгледуе*, *стануе*, *критикуејќи*, *поставуе*, *стануела*, *покажуе*, *не бидуе* и т. д.

М. Петрушевский («Дефиницијата на трагедијата на Аристотела и Катарсата») последовательно употребляет формы на *-yva-*: *започнува*, *објаснува*, *прејдува*, *претставува*, *доведува*, *настанувала*, *олеснување*, *изложува*, *прикажуваат*, *свршува*, *посветува*, *останува* и т. д.¹⁵

Х. Поленакович («Нови податоци за Кирила Пејчиновиќа») ¹⁶ и Г. Шоптрайнав («Франсуа Рабле и Етјен Табуро») употребляют глаголы на *-y(e)* и глаголы на *-yva-*: *не причинуе*, *стануе*, *соопштуам*, *издигнуење*, *донесуеја*, *препишуење*, *употребуе*, *заменуе*, *споменуе*, *определуе*, *возродуење*, *се заклучуе*, *покануе*, *претставуел*, *изнесуеме*, *критикуе*, *обиколуе*, *да се облагородуе* и т. д.; но: *се префрлувале*, *се појавувале*, *се разјаснува*, *почнува*, *се сочувани*, *заинтересуван*, *пригудувал*, *пишува*, *исползувал*.

¹¹ Как известно, к А-классу относится наибольшая группа глаголов в македонском и болгарском языках. Только в части юго-восточных македонских говоров нет (или почти нет) глаголов, спрягающихся по А-классу (см.: А. М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии, стр. 224).

¹² Б. Конески. Указ. соч., стр. 283; Б. Видоески. Поречкиот говор. Скопје, 1950, стр. 46; М. Конеска. Мариовскиот говор, стр. 27; Б. Видоески. Белешки за говорот на селата Мелница и Горно Врановци во Велешко. — Мјаз, 1951, II, стр. 208; Б. Видоески. Кичевскиот говор. — Мјаз, 1957, VIII, стр. 68; П. Михајлов. Градскиот дебромски говор. Скопје, 1954, стр. 23.

¹³ Б. Конески. Материали за преспанскиот говор од збирката на С. Н. Томиќ. — Мјаз, 1957, VIII, стр. 188.

¹⁴ Б. Видоески. Класификација на глаголите во нашиот литературен јазик. — Мјаз, 1950, I, стр. 16.

¹⁵ В этой же статье последовательно употреблены окончания множественного числа *-ови* с односложными существительными мужского рода: *зборови* (3 раза), *видови*.

¹⁶ В этой статье окончание множественного числа существительных *-ови* представлено в двух вариантах: *зборови* (2 раза) и *зборои* (1 раз).

В изданиях, вышедших из печати после 1950 г., глаголы с суффиксом *-y(e)* не употребляются. В переизданиях ранее опубликованных произведений формы на *-y(e)* везде заменяются формами с *-ува-*. Для сравнения приведем примеры, выписанные из различных изданий тождественных текстов.

1) Отрывок из статей Блаже Конеского в сб. «Македонската литература и македонскиот литературен јазик» (Скопје, 1945, стр. 34—38) и в сб. «За македонскиот литературен јазик» (Скопје, 1952, стр. 7—10): *оформуенје—оформување*¹⁷; *преживуенја—преживување, се определуат—се определуваат, се сплотуе—се сплотува, да се внесуе—да се внесува, застапуеме—застапуваме, сврзуе—сврзува, влегуе—влегува, разгрнуенје—разгрнување, пишуе—пишува, преведуе—преведува, покажуат—покажуваат, излегуат—излегуваат, стануе—станува* и др.

2) Отрывок из «Македонской грамматики» Круме Конеского издания 1946 и 1950 гг. (Скопје, стр. 5—13): *зборуат—зборуваат, искажуе—искажува, збореле—зборувале, разликуе—разликува, изразуење—изразување, кажуеме—кажуваме, осетуеме—осетуваме, зборуе—зборува, се зголемуе—се зголемува, влегуе—влегува, заместуење—заместување, проповедуеја—проповедуваа, се употребуе—се употребуваа, се донесуеме—се донесувале, се пишуат—се пишуваат, соопштуење—соопштување, посочуење—посочување, се намигнуе—се намигнува, се погледнуе—се погледнува, почнуат—почнуваат* и др.

3) Статьи Б. Конеского «Одживените речнички елементи од нашиот јазик» (ж. «Нов ден», 1946, № 3, стр. 3—7) и «Одживените речнички елементи во нашиот јазик» (сб. «За македонскиот литературен јазик», 1952, стр. 11—18) с одним и тем же текстом: *обединуе—обединува, настануе—настанува, се изоструе—изострува, се однесуе—се однесува, изнајдуе—изнајдува, наведуе—наведува, исчезнуење—исчезнување, се мернуе—се мернува, си споменуеме—си споменуваме, веруејќи—верувајќи, се поставуе—се поставува, раздвижуење—раздвижување, произлегуе—произлегува, да се употребуат—де се употребуваат, образуење—образување, ќе означуе—ќе означува, постигнуе—постигнува, пренесуе—пренесува, обележуење—обележување, застрануење—застранување, поставуењето—поставувањето, проникнуењето—проникнувањето, претставуат—претставуваат, завојуење—завојување, преведуењето—преведувањето* и др.

Замена суффикса *-y(e)* суффиксом *-ува-* вызвала, как уже было сказано, большие изменения в морфологической системе глаголов — переход имперфективированных глаголов, образованных с помощью наиболее продуктивного суффикса имперфективации, из Е-класса в А-класс. Таким образом, согласно существующим литературным нормам, все типы имперфективированных глаголов стали спрягаться по А-классу. Это же относится к отыменным глаголам рассматриваемого типа с *-ува-*. В Е-классе остались лишь непродуктивные типы бессуффиксных глаголов и глаголы с суффиксом перфективации *-н-*. Новое деление глаголов на классы, закрепленное нормами 1950 г., более правильно и полно отражает положение, существующее в большинстве западных и центральных говоров, где имеется три класса глаголов — А, И, Е, хотя и нет такого македонского говора, где распределение глаголов по классам было бы тождественным распределению их в литературном языке.

При замене суффикса *-y(e)* суффиксом *-ува-* в македонском литературном языке использовался вариант этого суффикса с интервокальным *в*. Нам не встретилось ни одного случая употребления в литературном

¹⁷ Здесь и ниже первой указана форма из изданий, опубликованных до 1950 г., а второй — форма из изданий, вышедших из печати после 1950 г.

языке суффикса *-ува-* без интервокального *в*. Следовательно, это изменение литературной нормы было вызвано влиянием таких говоров, как, например, прилепский и велесский, где употребляется суффикс *-ува-*. Необходимо отметить, однако, что в прилепском говоре окончание множественного числа существительных *-ови* выступает в варианте *-ои/-ој* без *в*.

На основании всего сказанного можно вполне определенно заключить, что замена глагольного суффикса *-у(е)* суффиксом *-ува-* и изменения в окончании существительных *-ови < -ови(-ои)-ој*, закрепленные в нормах 1950 г., произошли не без влияния восточных македонских говоров.

М. И. Ермакова

ИЗ ИСТОРИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОСТЫХ ФОРМ
ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СЕРБОЛУЖИЦКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

§ 1. В серболужицких памятниках XVI—XVIII вв. простые формы прошедшего времени — аорист и имперфект — чаще всего употребляются в таких контекстах, которые соответствуют старым нормам употребления этих форм, характерным для старославянского языка: наиболее распространенным является употребление форм имперфекта в функции относительного грамматического времени, форм аориста — в функции абсолютного грамматического времени. Но наряду с таким употреблением этих форм в верхне- и нижнелужицких памятниках уже в XVI в. наблюдается и иное употребление форм имперфекта и аориста.

§ 2. При употреблении в контекстах старого типа формы имперфекта характеризуют ситуацию, в которой происходят основные действия рассказа. Ими обозначаются или второстепенные действия главных действующих лиц рассказа, или действия второстепенных действующих лиц. В этом случае имперфект обозначает действие конкретное, время совершения которого укладывается в период совершения основных событий рассказа. Формы имперфекта употребляются также и в контекстах, где они обозначают разного рода типичные действия, выходящие за пределы совершения основных событий рассказа.

Иначе обстоит дело с употреблением форм имперфекта в контекстах нового типа. Наблюдения над употреблением имперфекта в новых контекстах показывают, что в этих случаях формы имперфекта могут стоять в ряду других форм, которыми обозначаются действия, составляющие звенья одной и той же развивающейся цепи основных событий рассказа. Например, из старых нижнелужицких текстов (XVI в.): *Nayposlesej pak, gdisch te iednadcze k stolu sednuly, zgewy se won, a swarasche hich nedoweru a tu twardoscz hich sercza ... a vzasche* (В. Jak., Mark., XVI, 14—15). 'А затем, когда эти одиннадцать сели к столу, он явился им, и побранил их за неверие и жестокосердие ... и сказал'. — В Мариинском евангелии форме имперфекта *swarasche* соответствует аорист *ponsci*. *A Jesus pohlada na nogo a lubowasche iogo a reknul knomu* (В. Jak., Mark, X, 21). 'Иисус посмотрел на него и возлюбил его, и сказал ему'. — В Мариинском евангелии форме имперфекта *lubowasche* соответствует аорист *kwazki*. *A tak won steje loeschy wystupy, u hned tomu potkal ieden zloweg ... Jak won pak Jesussa sdala wupitta, besasche knomu a padnu pred nym doloj, nyasno sawoła a rekl* (В. Jak., Mark, V, 1—2). В Мариинском евангелии форме имперфекта *besasche* соответствует аорист *тече*.

В соответствующих местах из нижнелужицкого перевода Библии Фабрициуса (XVIII в.) также находим формы имперфекта. Однако есть

случаи, когда наблюдается расхождение в употреблении простых форм прошедшего времени между Библией Фабрициуса и Библией Якубицы (XVI в.). Тогда в соответствии с имперфектом, употребленным в новом контексте в Библии Фабрициуса, находим в Библии Якубицы форму аориста. В Мариинском евангелии также обычно находим форму аориста, например: *Gaž ta wot Jesuša styschascho, pschiže wona we tom ludu wot blédka a dotygnu jogo drastwu ... A ned husknu ta studña jeje kschwe, a wona zujascho na žywosche až wot βwojeje plogi béscho hustrowjona* (B. Fab., Mark, V, 27, 29). Ср. с нижнелужицким переводом Библии Якубицы, где в соответствии с формами имперфекта *βtyschascho* и *zujascho* находим формы аориста *wustyscha* и *wuczū*. В Мариинском евангелии отмеченным формам соответствуют: в первом случае — действительное причастие прошедшего времени *слышакъ*, в другом — аорист *разумѣ*. Такого же рода расхождения можно наблюдать между переводом Фабрициуса и верхнелужицким переводом Библии XVIII в., например: *Wonī pschaschachu jogo naspēt, tež te Farisejate, kak won był wizezy huzyńony? Won pak žascho k' nim: paru počōžu won na mojej wozy, a ja se mujach, a wizim nēto* (B. Fab., Jan, IX, 15). В верхнелужицком переводе Библии 1728 г. находим в соответствии с формой имперфекта *se mujach* форму аориста *wimych βo*. В Мариинском евангелии также находим форму аориста *оумыхъ са*.

Сопоставление используемых нами серболужицких переводов Библии со старославянским (Мариинское евангелие) показывает, что в ряде случаев серболужицким формам имперфекта, употребленным в новой функции, соответствуют старославянские формы аориста. Такого же типа расхождения наблюдаются и между некоторыми серболужицкими переводами Библии, относящимися к различному времени, как, например, между нижнелужицким переводом Библии Н. Якубицы (XVI в.) и нижнелужицким переводом Библии Г. Фабрициуса (XVIII в.): иногда форме имперфекта в одном переводе соответствует форма аориста в сходном по содержанию отрывке другого перевода. При этом нельзя утверждать преимуществ одного перевода по сравнению с другим в распространении форм имперфекта в контекстах нового типа. Этот же вывод распространяется на результаты, полученные при сопоставлении нижнелужицкой Библии Фабрициуса (XVIII в.) и верхнелужицкой Библии 1728 г. Таким образом, можно лишь констатировать, что употребление форм имперфекта в новых функциях наблюдается в серболужицких языках, уже начиная с памятников XVI в.

Широко употребляются формы имперфекта в новых контекстах и в текстах обоих серболужицких литературных языков современного периода. Большинство примеров, которыми мы располагаем, приходится на употребление в новых контекстах форм имперфекта, образованных от бесприставочных глаголов, большую часть которых составляют глаголы движения *hić, běžeć, čekać* и др.

В.-луж.: *Dowjezech so wóndano ... na konjacej dróžnicy po Zeitzskej hasy won ke Konjecam ... Wulki čorny pos priběža — a běžeše zboka woza ... «Psyče, njej će hańba?!» A pos so, sčahnywši wopuš, zawróci a čekaše wot woza* (H. Luž.); *Tu přińdže Holakec mać a hospoza, kotraž bě w stwicy pódla wšo wobkedźbowała, klepny z jednej ruku mandźelskemu na ramjo a pokazowaše jemu małego Jakubka, kotrechož w druhej ruce njeseše: «Měj dowěru, nano, njepodpiš ničo!» ... Porčawši z lubej mandźelskej, tykny so do njedźelskeje drasty, džěše hišće tón džęń do bliskeho městačka ... počći sebi tam 3000 mk. (S. g.).*

Н.-луж.: *Jeje muž pak bužo skoro domoj přiš, a gab ten w swojom grože cłowjeka hupytał, togo by wěsće zežrał, togodla dej se w pjaeyku*

schować. Hanso *chwatašo* ned do pjacyka, a *njeběšo* dlužko, ga *porašo* se ten ptašk (J. W. p., 60).

В приведенных примерах интересующие нас формы имперфекта употребляются наряду с формами аориста и выполняют одинаковую с ними функцию — обозначают действия, непосредственно составляющие звенья цепи основных событий рассказа.

В подобного типа контекстах формы имперфекта можно наблюдать и в современных верхнелужицких говорах, сохранивших в употреблении простые формы прошедшего времени, например: A *tuž wón wulěci z tej wjelčej hory a běžeše* za tym paduchom. A *mój džěd w tym wokomiku wuskoči a čekny* po haćenjach domoj (Брезынк); Tak tež *słowjanske ludy, jako so do čahanja dachu a džěl z nich tež k wječorej čehnješe*, so tudy zaměšćichu ... A *hakle hdyž so přisporjachu, wot tudy dale sydlachu, do hór horje, nic daleko a po rěkach dele do hole* (Будышин).

В приведенных примерах из современных серболужицких текстов отмеченные формы имперфекта образованы от бесприставочных глаголов, являющихся двувидовыми. В данных контекстах их видовое значение определяется как значение совершенного вида.

§ 3. Наряду с отмеченными формами имперфекта в серболужицких языках в новых контекстах можно наблюдать и такие формы, которые образуются от приставочных глаголов как несовершенного, так и совершенного вида. Последние расцениваются серболужицкими грамматиками как «неправильные». Примеры образования форм имперфекта от приставочных глаголов совершенного вида приводит А. Мука в своей исторической грамматике. Он приводит ряд форм имперфекта, но вне контекста и поэтому невозможно судить о их функциях. Мука называет эти формы «falsche Aorist mit Imperfektform»¹, т. е. аористами, оформленными по типу имперфекта. Так же расценивают эти формы и другие исследователи². При этом обычно имеются в виду нижнелужицкие образования типа *hugojach* (1 л. ед. ч.) от *hugojiš* сов. в. *husmejachu se* (3 л. мн. ч.) от *husmjaš se* сов. в., *zachopišo* (3 л. ед. ч.) от *zachopiš* сов. в. и подобные.

Исследователи обычно исходят из того, что нормой для серболужицких языков является образование аориста от глаголов совершенного вида и имперфекта от глаголов несовершенного вида. В качестве «неправильных» форм они признают всякий имперфект, образованный от глаголов совершенного вида, и аорист, образованный от глаголов несовершенного вида. (Заметим, что вышеприведенные «неправильные» формы имперфекта образованы от приставочных глаголов совершенного вида).

Обычно среди примеров на «неправильный» имперфект и приводятся формы, образованные от приставочных глаголов, которые заранее считаются глаголами совершенного вида, а среди примеров на «неправильный» аорист — формы от бесприставочных глаголов, которые заранее считаются глаголами несовершенного вида. Между тем исследование употребления форм имперфекта и аориста показывает, что, во-первых, далеко не всегда формы имперфекта, образованные от бесприставочных глаголов, являются формами несовершенного вида, и что, во-вторых, формы аориста от бесприставочных глаголов тоже не всегда являются

¹ К. Е. Мукке. *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache*. Leipzig, 1891, стр. 594.

² См.: Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. — ВСЯ, вып. 1, 1954, стр. 130—132; Н. Nowak. *Pśinoski k tworjenju imperfekta a aorista we dolnosěrbsćinje*. «Lětopis Instituta za serbski ludospyt». Rjad A, Cislo 2, 1954, стр. 95.

формами несовершенного вида. Все зависит от того контекста, в котором они употребляются, например: A humu βe, a žalbowa βe sdrogeju wodu, a *spleschescho* βwoje łoβi, a stawi βebè zopk, a hoblaze βe βwoju ruβchnu drastwu. (B. Fab., Jud., X, 3). 'И умылся, и помазался драгоценной водой и запел свои волосы, и возложил на голову уясло и облачился в дорогие ризы'; A ta rědna kněžna pak, kotruž Hanso běšo lět stary, grajkaco raz we jspe swojeje mamy a *namakašo* z pfigodu papjerku ... Tu pñinjase wona swojej mamje (J., D., b., 62). 'А красавица княжна, ... играя однажды в комнате своей матери, нашла случайно записку... и принесла ее своей матери'; Gaž posbjenu Abraham βwojej woczy, a hulada borana sady βo wczernjach sa βwoje rohi saβmjataneho, a *dzjesche* tam, a wsa teho borana, a *hoprowa* jego k Sapalnemu hoporej sa βwojeho βyna. (B. Fr., I kn. Mojs., XXII, 13); Tegdi sawoła Jsaak βwojogo βyna Jakuba, a *žognowa* jogo, a pschikasa jomu, a dzascho kñomu: «Ñesej žedneje žoni wot tich Kananejskich žowkow» (B. Fr., I kn. Mojs., XXVIII, 1); Na ton won džjescho a wsa, a pschineβe βwojej maczeri, a jeho macž *holowa* jydž, kajkuž jego nan rad jyzischo (B. Fr., I kn. Mojs., XXVII, 14).

Формы *žalbowa*, *hoprowa*, *žognowa* представляют собой формы 3 л. ед. ч. аориста, образованные от соответствующих бесприставочных глаголов, которые в приведенных контекстах выступают в качестве глаголов совершенного вида. По-видимому, двувидовость среди бесприставочных глаголов в серболужицких языках распространена шире, чем об этом имеется представление в литературе вопроса.

Нетрудно заметить, что все указанные формы аориста употребляются в контекстах, свойственных этим формам: ими обозначаются действия, составляющие одно из звеньев цепи последовательно развивающихся событий. Таким образом, эти формы вопреки мнению некоторых исследователей не являются «неправильными» ни в отношении видового значения глагольной основы, ни по своему употреблению.

По-иному обстоит дело с формами имперфекта *spleschescho* и *namakašo*, которые употребляются в тех же примерах. Они образованы от глаголов совершенного вида и употребляются в новых контекстах, которые до сих пор мы для этих форм не отмечали. Заметим в связи с этим, что форм имперфекта совершенного вида в «старых» контекстах для обозначения цепи повторяющихся действий в серболужицких текстах мы не встретили. В приведенных примерах формы имперфекта совершенного вида употребляются в контекстах, характерных для форм аориста, т. е. в функции уже не относительного, а абсолютного времени.

Среди собранных нами примеров на так называемый «неправильный» имперфект, т. е. имперфект от приставочных глаголов совершенного вида, большинство представляют формы имперфекта, образованные от того класса глаголов, у которого основа инфинитива и основа настоящего времени не различаются, и поэтому аорист и имперфект по форме не различаются. Речь идет о самом продуктивном, третьем классе глаголов. Однако значение данной формы определяется не ее структурой, а употреблением. Приведем некоторые примеры из старых нижнелужицких памятников на формы имперфекта 3 л. ед. ч., отличающиеся и в этих глаголах от форм аориста окончанием: A ten Knēs žascho k' Aronuju: žij Mojsaβoju napscheschiwo do puscžiny. A won žescho tam, a *smakascho* βe s' nim pschi tej Božej gore, a *poschkascho* jogo (B. Fr., II, Kn. Mojs. IV, 27). 'И сказал господь Арону: иди навстречу Моисею в пустыню. Он пошел туда и встретился с ним у горы божьей, и поцеловал его'. — В верхнелужицком переводе в соответствии с отмеченными формами находим формы аориста *setka* и *wokoscha*.

Ten złowek wotježe, a *sapowedascho* tym żydam, až Jesus je był, kotaryž jogo był strowego huzuńi (B. Fab., Jan, V, 15). 'Человек отошел и поведал Иудеям, что это Исус излечил его'. — В верхнелужицком переводе также употреблена форма имперфекта *powedasche*.

Mojsas a Aron mjasy jogo merschnikami, a Samuel mjasy tymi, kenž že k'jogo menu wołaju; te že wołaschu k' tomu kněsoju, a woni jich husłyscha. Won powėdascho s' nimi s' mrokowego βłupa; woni žaržachu jogo snankstwa a pschikasne, kotarež won jim dawascho. Knězo, nasch Bog, ty *huβłyschascho* jich; ty Bog, woda jim, rownož ty ich zynene poschtrosowa (B. Fab., Ps., 99, 6—8). В верхнелужицком переводе находим соответственно имперфект *reczesche* и аорист *wuβłyscha*.

Очень незначительное число примеров приходится на «неправильные» формы имперфекта от глаголов других классов, у которых основы инфинитива и настоящего времени различаются, например: A won žascho k' nim nutsch pschiduzu: zo wy sogolischo a plazoscho? Ta goliza nějo samreła, ale wona spi. A woni *husmejachu se* jomu (B. Fab., Mark, V, 39—40). 'И, войдя, он сказал им: что вы ропщете и плачете? Дитя не умерло, а спит. А они засмеялись над ним'. — В верхнелужицком переводе Библии 1728 г. здесь употреблена форма имперфекта *smijachu* βo. В Мариинском евангелии в сходном отрывке находим имперфект βжгадхж.

Аle ako ja jich drogi hoglėdach *hugojach* ja jich, a wežech jich a dach jim saβej trožk (B. Fab., Jes. LVII, 17—18). 'Но когда я увидел их пути, я исцелил их, и повел, и снова утешил'. — Отмеченные формы являются имперфектами, образованными от глаголов совершенного вида, а контекст, в котором они употребляются, характерен для форм аориста, т. е. является контекстом нового типа. Далеко не всегда формы имперфекта, образованные от бесприставочных глаголов и принимаемые за «правильные», т. е. имеющие значение несовершенного вида, в конкретных текстах выступают как формы совершенного вида (см. § 2). Приведем еще некоторые примеры из верхнелужицких старых текстов:

Na weczor pak pschindže bohaty muž s Arimathie smenom Joseph, kiž tejž bjesche wuczomnik Jesuβowy. Tonβamy pschishedsi k Pilatej *proschesche* psche Jesuβowe czjeło. Duž pschikasa Pilatus, so by jemu to czjeło date buło (B. 1728, Mat., XXVII, 57—58). 'Вечером же пришел из Ариматеи богатый человек по имени Иосиф, он был учеником Исуса. Придя к Пилату, он попросил тело Исуса, Пилат приказал, чтобы ему дали тело'. — Ср. также сходный отрывок из B. 1728 (Luca, XXIII, 52): Ton pschiβedsi k Pilatej, *proschesche* psche to czjeło Jesuβowe.

В Мариинском евангелии в первом случае форме *proschesche* соответствует форма аориста двувидового глагола *проси* — *проси*, который здесь выступает в значении глагола совершенного вида³. Во втором случае в Мариинском евангелии употреблена форма аориста приставочного глагола — *испроси*.

Duž sawoła Herodas tych mudrych skradžu, a *wobhonowasche* βwjeru wotnich, wktorym czaβu βo jim ta wjeβda bjesche sjewiła. A poβła jich do Bethlehema a džesche (B. 1728, Mat., II, 7—8). 'Тогда Ирод призвал волхвов и узнал у них время, когда им явилась звезда. И послал их в Вифлеем и сказал'.

В Мариинском евангелии форме *wobhonowasche* (3 л. ед. ч. имперфекта от бесприставочного глагола *wobhonować*) соответствует форма аориста 3 л. ед. ч. от глагола совершенного вида *испыта*. Формы

³ См.: И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1959, стр. 129.

proschesche, wobhonowasche хотя и образованы от бесприставочных глаголов, но контекст явно свидетельствует о том, что они выступают здесь в значении форм совершенного вида и в таких контекстах, которые формам имперфекта не свойственны. Таким образом, рассматриваемые формы имперфекта, определяемые некоторыми исследователями как «правильные», должны бы были, с их точки зрения, толковаться как вдвойне «неправильные»: во-первых, потому что они оказываются все-таки формами, образованными хотя и от бесприставочных глаголов, но от таких, которые могут выступать в качестве совершенных; во-вторых, потому что они употребляются, как и приведенные формы имперфекта, образованные от приставочных глаголов совершенного вида, в «аористных» контекстах. По существу же, рассматриваемые формы в отношении вида, по-видимому, для лужицких языков не представляют какой-либо аномалии, поскольку двувидовость бесприставочных глаголов в этих языках распространена широко. Употребление же их является новым, поскольку они выступают уже не как формы относительного времени, а как формы абсолютного времени.

§ 4. Как и в старославянском языке, формы аориста в серболужицких языках выступают в «старых» контекстах в противопоставлении с другими формами прошедшего времени в качестве неотмеченного члена корреляции. Этими формами времени могут обозначаться любые прошедшие действия, как связанные, так и несвязанные. В тех случаях, когда иерархия прошедших действий выражается в тексте формами относительных времен, формами аориста обозначаются действия, составляющие основную цепь событий рассказа.

В.-луж.: Rjenje bě. Schadzace slónce wuwali Jana z błukeho sonjenja do wotućeneje stwórby. Bě w ćmowym sćinje dubrawy spał. *Stany, wot-třase* spar ze sebje, *pohladny* na krejčerwjene njebjo za lěsnej łuku . . . Dołho dundaše přez lěs, łuki a kerčiny. . . Slóncu bě mjez tym wšo čorne, nócne, z lěsow wotmyło, a ptački słabnjachu w spěwanju. Chcyše so jemu drěmać, ale zašumjenje kaž lochki wětřik jeho *wobudži*. Njebě to wětřik. Cyły kónc před nim schileše so holčo k zemi. Hladaše za njej . . . chcyše stawać, ale holčo bě so jeho prjedy dohladało (K. Z. r., 71—72).

Н.-луж.: Naš nan, Kito Renus, běšo bžez mamineje lubosći narošł. Ten stary nan běšo rolnikař; dvě žonje běštej jomu wumrjelej . . . Južo zawcasa *pšiže* ze žěłašerjami industrije gromaže. We Żłokomorowskich brunicowniskich stronach *wopozna* bėdu gornikow . . . W tom casu *spozna* Anku Grošoje, kotaraž w Żyłowku bydlašo . . . Po wojarskem casu w kejžorskem wojnstwje *se* wobej *woženištej* a *sěgnještej* do małeje wjaski Dalica na pšebytk (K. Naz., 416).

В приведенных примерах формы аориста дают представление о действиях, отнесенных к плану прошлого, единичных и конкретных в своем проявлении. Речь идет об осуществлении действий, законченных в данный момент прошлого, хронологически предшествующий моменту высказывания, и включаемых во временные границы рассказа. В тех случаях, когда в тексте иерархия действий оказывается не выраженной формами относительных времен, второстепенные прошедшие действия (и предпродшедшие, и преднастоящие, и одновременные) могут обозначаться формами аориста.

а) Формами аориста обозначаются «предпрошедшие» действия, например: Na torhošću spomali železneho konika a błudžeše z woćomaj po napismach na hotelach. «Sächsischer Hof» wuhlada njedaloko; před chěžu přechodžewaše so čłowjek, w kotrymž Jan hnydom přečela spózna. Měrcin Prokop a hišće třo běchu ze šule wuzamknjeni. Přičinow njebě; čehodla so tak *sta*, bě slónce jasnišo . . . Jan a Měrcin njeběštaj zwop-

rědka přečelej, hněw přećiwo njerósciwemu postupowanju někotrych naduwakow a slepych moralistow jeju *zjednoći*. «Měrcinje», praji Jan skoro septajo. Tuton so wobroći, prawica padny do prawicy (K. Br., 41—42). Отнесенность действий, обозначенных формами аориста *sta so, zjednoći*, к периоду времени, предшествующему времени совершения основных событий рассказа, очевидна, она подчеркивается специально обстоятельством *zwoprědka*.

б) Формами аориста обозначаются действия «предстоящие», например: Sym na dowolu. Muslach, zo budu Was moc wopytać, ale to so njehodžeše a tež njebudže hodžeć. Nětikle džens *přindze* tež moj bratr zaso na dowol a *powěda* mi dźiwne wecki. Ja *njepostlach* nikoho k Wam, a tež žadyn wojak njewě, zo z Wami wobchadžu (K. Listy, 97); ... Dokulaž po tom času, ako ja w lěse 1851 na uniwersitu do Halle wujzech, te zawostajone cłonki našogo małego towaristwa *wostabnuchu* a male njaborětko po krotkem casu *dodychnu* (Teš. M. Z., 25).

в) Формами аориста обозначаются действия «одновременные», например: Wono že sta to βami žen, až Sara ... scžokana bu wot jadneje služabnice βwojogo pana ... a zascho: Zosch ti me teke nußmerschisch, kaž ti tich βedimjoch mužow βi hußmerschiła? Na take βłowa žeβcho wona do jadneje komori gorej wo wjaži, a neježaβcho a nepijaβcho czi dni a czi nozi, a *nepschesta* smodlenim a splakanim, a pschoβaβcho Boga, abu ju wot teje βromoti kscheł humoz. Potom na czeschi žen, ako βwoju pschosbu bėscho dokonżowała, chwalascho wona Boga (B. Fr., Tobias. III, 7, 11—13).

Действие, обозначенное в отрывке аористом *nepschesta*, совершалось регулярно на протяжении определенного периода времени, подобно другим действиям, выраженным здесь формами имперфекта (*neježaβcho, nepijaβcho*). Все указанные действия характеризуют лишь обстоятельства, связанные с одним из главных событий рассказа, и потому в данном контексте носят второстепенный характер. Ситуация, при которой в приведенном примере автор употребил наряду с формами имперфекта форму аориста, оказывается одной из возможных по типу ситуаций, допускающих употребление форм имперфекта по старым нормам. Отметим, что в верхнелужицком переводе сходного отрывка (см. Библию 1728 г.) находим соответственно лишь формы имперфекта: *ale modlesche βo stajnje a plakascho*. Ср. аналогичные примеры из произведений серболужицких авторов XIX в.:

Jogo žona Trudeska pak seježešo we swojej komorce a *njezasta* plakaš a se tužyš (B. M., 246); Studeńca dyrbja w swoim swobodnym času přez svoj wotěny kraj pućować ... Tuto hesło mje w započatku prozdnim wabješe a čerješo z wutěho města na noha a do holow serbskeho kraja. A kóždy kroć so z tajkich pućowanjow wulce spokojeny *wróćich* (M. P., 1671); Zo sebi škodowani druhdy sami pomhachu z tym, zo někotre škodniki *złojichu*, drje tola woprawdže sama žłosć njebě, byrnjež tež njesprawne zakonje to tak mjenowaše (D. Z., 1882); Dopomnjenka žehleše kaž wotre słowo wot lubowaneho bratra. Pozdže wusny a pozdže woćućeše. Wodnjo chodžešo kaž zmor, do každeho hruzlika *kopny*; wjesele cizeho jeho najbole paleše (D. Z. 1883).

Изменение в функционировании форм аориста, как и форм имперфекта, можно наблюдать в серболужицких текстах уже начиная с XVI в. Оно проявляется в следующем. Формами аориста начинают обозначаться «второстепенные» действия не только в контекстах, где иерархия прошедших действий не находит себе выражения, но и в таких контекстах, где она оказывается выраженной. Грамматически это находит выражение в том, что формы аориста начинают употребляться

в качестве однородных сказуемых с другими формами прошедшего времени: перфектом, имперфектом и плюсквамперфектом.

а) Формы аориста выступают в качестве однородного сказуемого с формами перфекта. Например, из старых верхнелужицких текстов: *Christus bě smertne jaty sa nasche hrěchi daty won wospet horestal je*, *nam pschinesse to zjwene, steho sso nět wesselmy. A bohu sso dzakujmy, Alleluja spěwajmy. Alleluja (Kher. K. G.). 'Христос был взят на смерть за наши грехи, и снова восстал (из мертвых), и принес нам жизнь, поэтому мы веселимся теперь. А бога благодарим. Аллилуйя поем'. — Формой перфекта *horestal je* и формой аориста *pschinesse* обозначаются прошедшие действия, которые связаны с действиями настоящего причинно-следственными отношениями.*

Из новых верхнелужицких текстов:

«*Tyran tyranski, zo by jeho blysk! — zakřipi Petr Praek na knjeza. — Šesćoch robočanow je Napoleonej postal, ale roboty nam ničo njespušći. Nawopak, na každoho z nas so jeje něšto wjace dońdže» (N. Pr., 1885). «Тиран тиранский, что б его! — заворчал Петр Праек на князя. — Шесть рабочих послал Наполеону, а работы нам не уменьшил, наоборот, на каждого из нас ее несколько больше пришлось»; ... Spominajo na swojeho bratra Jurja, kiž je jako duchowny ze swojej a z cuzej winu zwrěšćit a potom jako jednory němski wojak w bitwje pola Ploegsteerta 11.4.1918 padnje' (K. B. d., 8).*

б) Формы аориста выступают в качестве однородных сказуемых с формами имперфекта, например: *Dyž schtu njecho chcysche woprowač, pschindže teho mjeschnika hulz, dokolž βo mjeβo waresche, a mejesche widliczki sczjomi roschkami βwojej ruzy ... a schtož βwidliczkami wuczczē, wsa mjeschnik βebi. Tak czinjachu kojždemu Israelskemu, kotsi tam do Silva pschidžechu (B. 1728, Sam., II, 13—14). 'Если же кто-нибудь хотел принести жертву, то приходил отрок того жреца, пока варилось мясо. В руках у него была вилка... и что вытянет вилкой, жрец возьмет себе. Так делали для каждого израильянина, который приходил в Си-лом'.*

Ситуация, для описания которой в данном отрывке наряду с формами имперфекта *chcysche, waresche, mejesche, czinjachu* употреблены формы аориста *pschindže, wuczczē, wsa*, является одной из возможных по типу ситуаций, допускающих употребление форм имперфекта по старым нормам употребления. Речь идет о цепи связанных между собой типичных событий, которые повторялись в прошлом при известном стечении обстоятельств.

в) Формы аориста выступают в качестве однородных сказуемых с формами плюсквамперфекта. Например, из верхнелужицких старых текстов: *A dyž kmjestu hohrje pschindžeschtaj, a βredža do mjesta pschischlaj bjeschtaj, laj, duž pschindže Samuel jimaj wohn napschecziwo (B. 1728, Sam., IX, 14). 'И когда вошли в город, и подошли к центру города, вышел им навстречу Самуил'.*

Из верхнелужицких новых текстов: *Za čas uniwersytnych studijow so w Marji nišće druhe zajimy wuwichu. Wona bě so tehdyšemu młodžinskemu hibanju zbližyla a z tym so proletarskim stranam Wajmarskeje republiki zawjaza ... a stupi so do rjadu politiskich wojowarjow za republiku přećiw fašistiskim diktatoram (K. D. G., 155). 'Во время учения в университете в ней развились новые интересы... Она сблизилась с молодым движением того времени и примкнула к пролетарской группе Веймарской республики... и вступила в ряды политических борцов за республику против фашистских диктаторов'.*

§ 5. Употребление форм имперфекта и аориста в «старых» контекстах статистически преобладает над употреблением этих форм в «новых» контекстах не только в старых серболужицких текстах XVI—XVIII вв., но и в новых. Однако для выяснения состояния временной системы серболужицких языков более показательным является употребление рассматриваемых форм времени в «новых» контекстах. Оно свидетельствует об утрате этими формами времени грамматической специфики. Употребление в «новых» контекстах показывает, что формами имперфекта и аориста могут обозначаться прошедшие действия, находящиеся в различных хронологических отношениях. Характер последних выясняется или благодаря наличию соответствующих обстоятельств времени, или из ситуации высказывания. Сами же ни формы аориста, ни формы имперфекта уже не указывают на возможные различия в хронологических отношениях прошедших действий в отличие, например, от плюсквамперфекта, который в серболужицких языках в период XVI—XVIII вв. выступает в качестве предпрошедшего относительного времени.

Таким образом, формы аориста и имперфекта не являются формами, указывающими на временные различия на той стадии развития серболужицких языков, которую мы имеем возможность наблюдать по материалам существующих памятников серболужицкой письменности. Формы аориста и имперфекта, являвшиеся первоначально формами двух различных прошедших времен, представляют собой, по существу, формы одного прошедшего времени — *preterita*, что неоднократно отмечали раньше и другие исследователи, с той лишь разницей, что эти формы, как мы старались показать, не являются видовыми вариантами. Об этом свидетельствует, как это было показано, употребление форм имперфекта от глаголов совершенного вида в функции аориста для обозначения последовательных действий, составляющих основную цепь рассказа (см. § 3), с одной стороны, а с другой — употребление форм аориста от глаголов несовершенного вида в функции имперфекта для обозначения обобщенных действий, характеризующих ситуацию, при которой разворачиваются основные события рассказа (см. § 4). Суть отношений форм аориста и имперфекта в серболужицких языках состоит в том, что эти формы времени, утратив свою грамматическую специфику, стали грамматическими дублетами, которые по традиции еще употребляются и которые находятся в конкуренции не только между собой, но и с формами перфекта.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- B. 1728 — Biblia, to je zylé Szwjate Pišmo Stareho a Noweho Zakona, predy do njemskeje, D. Martena Luthera, njetko pak do horneje Luziskeje recze se wschitky šwernosczu a prozu wot njekotrych Evangeliskich Prjedarjow pschelozena. Budeschin, 1728.
- B. Fab. — Ten Nowi Testament naschogo kniesa a wumožnika Jesuša Kristuša do Berbskeje Rezi pschestawony wot Gottlieb Fabrizušsa nabogogo huschego Farafa a Inspectara Cjoschobusu. Halu, 1868.
- B. Fr. — To bože pišmo wot Johana Friedrich Fryza, najajschego farafa Golkojcach a Golbine. Halu, 1868.
- B. Jak. — Das sorbische Neue Testament von 1548, czenje Matthea. — AfslPh, 1876, I Bd.
- B. M. — J. Brězan. Nowelki. Prěnja brózda. Bautzen, 1951.
- D. Z. — R. Domaška. Zajac. — В кн.: Přiložka k 17. studijnemu listej Serbšćiny. Budyšin, 1957.
- H. Luž. — M. Hórník. Moc serbskeje řeče. — Lužica, 1910, 8.

- J. D. b. — J. Jordan. Brunčki, Budyšin, 1909.
 Jes. — Jeremias.
 J. W. p. — H. Jordan. Wobmanjenu prync. — ČMS, 1876—1877.
 Jud. — Judas.
 K. Br. — J. K h ě ž k a. Bratraj. Basniske džěto. Budyšin, 1961.
 Kher. K. G. — Kněrlušowe knížki Gregorija D. . . z lěta 1590. — ČMS, 1884, II.
 K. D. G. — M. Kubašec. Dr. Marja Grólmusec. — В кн.: Pod stóncom swobody.
 Berlin, 1955.
 K. Listy — J. K h ě ž k a. Listy z wojny. — В кн.: Basniske džěto. Budyšin, 1961.
 K. Naz. — K. Šwěla. Nazgonjenja psi drogowanju pšez gornu Łužycu. — Casnik,
 1866.
 Kn. Mojs. — Prjenje knihi Mojsašowe.
 K. B. d. — J. K h ě ž k a. Basniske džěto. Budyšin, 1961.
 K. Z. r. — J. K h ě ž k a. Započatk romana. — В кн.: Basniske džěto. Budyšin, 1961.
 Mat. — Mattheus.
 M. P. — A. Muka. Pućowanje we wótnym kraju. — В кн.: Lipa Serbska, 1880.
 N. Pr. — M. Nawka. 1812. Pračk — 1912. Račk., В кн.: Krajan, 1912.
 Ps. — Psalmy.
 Sam. — Prjenje knihi Samuela.
 S. g. — Serbski Gospodař. 1887, 17.
 Tes. M. Z. — J. B. Tešnar. Z mojogo žywjenja a serbskego žěta. — В кн.: Chrestomatija serbskego pismowstwa, II. Berlin, 1957.
-

Г. П. Нецименко

ТЕНДЕНЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА
В ЛИТЕРАТУРНОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Язык обладает большими возможностями для передачи реального полового противопоставления, имеющего место в природе. Для этой цели используются: а) средства словообразования — суффиксация; б) парадигматика; в) гетеронимия; г) присоединение определения в виде существительного, прилагательного; д) привлечение контекста (наличие в нем относительного местоимения; наличие других слов, в том числе фамилий, содержащих указание на пол субъекта).

Удельный вес использования перечисленных выше средств выражения родо-половой противопоставленности в различных языках различен, однако славянские языки оказывают явное предпочтение средствам словообразования, в частности суффиксации. Имеется набор суффиксов для обозначения лиц, противопоставленных по родо-половому признаку. Словообразовательные средства, которыми располагают славянские языки для образования существительных со значением лица, отличаются большим сходством. Это сходство проявляется не только в составе суффиксов (так, например, целый ряд суффиксов, образующих названия лиц женского пола, — *-ka, -ice, -nice, -yně* — в той или иной фонетической модификации отмечается во всех славянских языках), но также, и это особенно показательно, в характере господствующих словообразовательных закономерностей: в принципах сочетаемости суффиксов с основами, в степени продуктивности словообразовательных средств и т. д. Наиболее продуктивным в большинстве славянских языков суффиксом со значением женского лица как правило является суффикс *-ka*. Однако, несмотря на большую степень близости словообразовательных систем различных славянских языков, все же можно обнаружить некоторые расхождения между ними, проявляющиеся, в частности, в образовании интересующей нас лексики. Мы имеем в виду различные степени продуктивности отдельных суффиксов существительных женского рода со значением лица. Так, например, западная ветвь южнославянских языков (сербохорватский, словенский) характеризуется значительной словообразовательной активностью суффикса *-ica* (*gospodarica, mlekarica* и т. д.). Можно сослаться также на факт активного использования суффикса женского лица *-ička* в современном словацком языке (*chirurg — chirurgička* 'хирург — женщина-хирург'). Однако все эти различия не меняют общей закономерности всех славянских языков — тенденцию фиксации родо-полового признака субъекта преимущественно средствами словообразования.

Наличие регулярной родо-половой коррелятивности в кругу обозначений лиц мужского и женского пола организует всю систему словообразования имен существительных со значением лица в чешском языке. В чешском языке существительные женского рода со значением лица

соотносятся с соответствующими им в структурном и семантическом отношении существительными мужского рода со значением лица. Способность обозначать женщину-деятельницу, носительницу какой-либо профессии, общественно-политической функции и т. д. посредством нейтральных в стилистическом отношении существительных женского рода со значением лица является нормой современного чешского языка. Указанные существительные свободно функционируют во всех речевых стилях чешского языка.

В современном русском языке родо-половая коррелятивность имен существительных со значением лица представлена в общем достаточно последовательно, однако все же не столь широко, как в чешском языке. Случаи семантического расхождения противопоставленных друг другу членов коррелятивных пар являются здесь более частыми¹.

При анализе семантики существительных женского рода со значением лица мы не можем не заметить, что в русском языке обычно не бывают представлены обозначения женщин, занимающихся некоторыми видами умственного труда, женщин, имеющих те или иные ученые звания, титулы и пр. (*доктор, профессор, идеолог* и т. д.). Мотивируя отсутствие в русском языке ряда коррелятов для существительных мужского рода со значением лица, некоторые исследователи приводят в качестве обоснования данного факта причины общественно-производственного характера. Так, например, А. А. Дементьев в статье «О женских соответствиях к мужским в наименованиях действующих лиц» утверждает: «Наличие или отсутствие женских соответствий к мужским определяется прежде всего особенностями общественно-производственной деятельности и лишь в единичных случаях зависит от словообразовательной системы языка»². Аналогичная мысль содержится и в названной выше статье М. Кубика. Приводимые обоснования в известной степени справедливы, тем не менее подобная неязыковая мотивировка не раскрывает полностью причин нарушения родо-половой коррелятивности.

В разговорной русской речи, а также в диалектах русского языка родо-половая коррелятивность представлена более широко, чем в литературном языке. Здесь мы встречаем образования, недопустимые для литературного языка, типа *докторша, докторица, директорша, инспекторша, врачиха, бригадирша* и т. д.³ И это неудивительно, так как в разговорной речи любого славянского языка автоматизация словообразовательного процесса является более высокой. Кроме того, данное явление может быть обусловлено тем обстоятельством, что разговорной речи любого языка всегда присуща тенденция большей конкретности в обозначении, чем литературной речи. В связи с этим и при характеристике лица там как правило устанавливается его родо-половая принадлежность⁴.

Своеобразная картина использования существительных женского рода со значением лица обнаруживается в польском языке, представляющем в этом отношении промежуточную ступень между русским и чешским языками. В употреблении существительных женского рода со значением лица в польском языке можно выделить два последовательных этапа:

¹ Ср. случаи сужения семантики некоторых существительных женского рода со значением лица, приводимые в статье: М. K u b í k. *Ženské osobní názvy v ruštině a češtině*. «Bulletin vysoké školy ruského jazyka a literatury», 1. Praha, 1956.

² См.: «Русский язык в школе», 1954, № 6, стр. 12.

³ Любопытно, что в детской речи использование существительных женского рода со значением лица также осуществляется довольно последовательно. Ср. хотя бы такие не зафиксированные в литературном языке образования, как *друг — дружица, капитан — капитанка* и пр.

⁴ Ср. указанную статью А. А. Дементьева (стр. 11).

1) преимущественное использование существительных женского рода со значением лица для обозначения лиц женского пола (состояние, близкое к чешскому); 2) вытеснение ряда существительных женского рода со значением лица существительными мужского рода (главным образом в обозначениях лиц, занимающихся теми или иными видами умственного труда, имеющих титул, звание и т. д., — состояние, близкое в русском языке).

Позиции полонистов, занимаемые ими в вопросе кодификации употребления существительных женского рода со значением лица в польском языке, различны. Однако в подавляющем большинстве все они отмечают действие тенденции маскулинизации, господствующей среди профессиональных обозначений лиц, не видя в ней ничего противоестественного: «маскулинизация начинает становиться массовым явлением. . .»⁵ или «. . . в титулах мы проявляем склонность употреблять одну форму для обоих полов. Итак, можно слышать: *pani doktor, pani profesor*»⁶. Однако тенденция маскулинизации в целом не распространяется на разговорный польский язык: «Народ . . . не видит никакой разницы между титулом и профессиональным названием, он говорит, следовательно, *pani profesorka* (= *pani nauczycielka*), *pani doktorka* (= *pani lekarka*)»⁷.

Несмотря на то, что в поле нашего зрения находились родственные языки со сходным грамматическим строем, близким словарным составом и почти идентичной системой словообразовательных средств, тем не менее картина изучаемого нами явления не вполне одинакова в разных языках.

Сходство общественно-экономических условий, в которых находятся русский, чешский и польский народы, склоняет нас к тому, чтобы мы не искали причины указанного явления в действии этих неязыковых факторов. Как нам представляется, более правильно апеллировать к языковым закономерностям, к специфике ономазиологических тенденций языка. Хотя потребность в том или ином существительном женского рода со значением лица стимулируется факторами внешнего, неязыкового порядка, в частности экономическими условиями жизни общества, однако в целом судьба данных существительных, их функционирование определяется внутренними языковыми закономерностями.

Как отмечалось выше, нарушения родо-половой коррелятивности обычно встречаются в сфере обозначений лиц по профессии, относящейся к области умственного труда, по занимаемой должности, посту, ученой степени, воинскому званию, по выполняемой общественно-политической функции и т. д., т. е. там, где родо-половая характеристика не является существенной. В Дорошевский остроумно замечает, что, «если женщина занимает пост министра, то она обязана делать на этом посту то, что делает министр-мужчина. . . В принципе указание пола министра в той же степени лишено связи с его функцией, общественно-гражданской, что и цвет его глаз»⁸.

При обозначении лиц женского пола очерченного выше семантического круга чешский язык отдавал предпочтение более конкретизованным обозначениям, присовокупляющим родо-половую характеристику. В русском и польском языках родо-половая конкретизация в этом случае обычно не учитывается, поэтому данные образования носят менее конкретизованный, более отвлеченный характер. Однако и в русском,

⁵ А. О б р е ї s k a - J a b ł o њ s k a. O ę z њ s k i c h f o r m a c h - t y t u ł o w i n a z w z a w o d o - w y c h. «Poradnik językowy», 1949, № 4, стр. 3.

⁶ Т. В e n n i, А. О б р e ї s k a. Sportswoman chce się widzieć z panią doktorką. «Język polski», 1933, № 6, стр. 184.

⁷ Там же.

⁸ W. D o r o s z e w s k i. Rozmowy o języku. Warszawa, 1948, стр. 69.

и в польском языках отмечаются случаи отклонения от этой тенденции. Так, например, родо-половая коррелятивность соблюдается в образованиях типа: *лаборант—лаборантка, студент—студентка* и прочих, хотя в принципе признак пола лица здесь не является существенным. Подобные факты, по-видимому, могут быть объяснены либо влиянием разговорной речи, либо, как объясняет В. Дорошевский, отклонениями («зигзагами») в развитии языка: «Из этого не следует, очевидно, что мы должны обгонять языковой обычай, который, впрочем, может развиваться зигзагами, и называть студентку, игнорируя ее пол, студентом»⁹.

Говоря о тенденциях конкретности или абстрактности, проявляющихся в образовании данного разряда лексики, мы не склонны распространять их действие на закономерности словообразования вообще или на тенденции развития языка. Было бы грубой ошибкой утверждать, что язык, в котором победила тенденция конкретности (причем в данном случае в очень узкой области — имена существительные женского рода со значением лица), стоит на более низкой ступени развития, чем язык, в котором победила тенденция абстрактности.

Ниже нами будут рассмотрены особенности функционирования существительных женского рода со значением лица в чешском языке.

Выше уже упоминалось, что чешский, как и другие славянские языки, для передачи родо-половой характеристики имеет целый ряд языковых средств, которые он, однако, использует с неодинаковой интенсивностью. Как язык с ярко выраженной словообразовательной потенцией, он широко привлекает для указанной цели суффиксацию (помимо словообразовательных суффиксов, в качестве показателя родо-половой характеристики выступает также система словоизменяемых морфем, играющая как правило роль вспомогательного средства¹⁰). Состав словообразовательных суффиксов, используемых в чешском языке для обозначения лиц женского пола, довольно разнообразен, в то же время он отличается большой стабильностью на различных этапах развития чешского языка. Можно утверждать, что в целом состав суффиксов, образующих существительные женского рода со значением лица, в истории чешского языка не подвергался значительным модификациям (правда, некоторые новые суффиксы могли появляться в результате переразложения основы, ср. суффикс *-ovka*; в результате вычленения из заимствованных слов, например, суффикс *-esa* и пр.). В основном изменилась лишь степень продуктивности некоторых суффиксов. Так, в частности, снизилась степень словообразовательной активности суффикса *-kyně*¹¹.

⁹ W. Doroszewski. Указ. соч., стр. 69.

¹⁰ В качестве основного различителя парадигма выступает в случаях конверсии: *magistr—magistra, arbitr—arbitra*, у собственных имен: *Jan—Jana, Jaroslav—Jaroslava, Miroslav—Miroslava*.

¹¹ Следует заметить, что в истории чешского языка взаимоотношения суффиксов *-ka* и *-kyně* были довольно напряженными. На определенном этапе существования чешского языка (в частности, в ранний период чешского Возрождения) суффикс *-kyně* употреблялся очень широко. Так, наблюдения над словарями Томсы и Палковича показывают, что в период раннего Возрождения суффикс *-kyně* оформлял большую часть существительных женского рода со значением лица, образованных от существительных мужского рода на *-tel, -ec, -ce*. Изучая данные словарей, мы можем убедиться, что к середине XIX в. суффиксы *-ka* и *-kyně* равноправно употреблялись в одних и тех же позициях. К этому же выводу мы приходим и в результате изучения языка произведений художественной литературы эпохи Возрождения. Отмеченное явление ярко иллюстрирует следующий пример. В сказке Б. Немцовой имеется следующий диалог двух ласточек: «*Moje mlád'átka sedí zdřávu v teplém hnízdečku, a neželím pro ně, nýbrž pro moji dobroditelkyni, která padla do rukou zlé čarodějnice*»; вторая ласточка ей тут же отвечает: «*Pověz pak, sestřičko, co se jí stalo a kdo je tvá dobroditelka*» (В. Н. Пон., II, стр. 230). Пример не нуждается в комментариях. Заметим лишь, что язык сказки очень простой,

В чешском языке последовательная родо-половая коррелятивность наблюдается в следующих случаях:

1. Для обозначения лиц, занимающихся теми видами деятельности, при которых фиксация половой характеристики субъекта является существенной, т. е. в обозначениях лиц, занятых теми видами общественного производства или деятельности, которые связаны с приложением физического труда. В этих случаях учет пола субъекта может играть роль при распределении нагрузки, при нормировании труда, его оплате, при учете спортивных достижений и т. д.: *zámečník — zámečnice* 'слесарь — женщина-слесарь', *soustružník — soustružnice* 'токарь — женщина-токарь', *svářeč — svářečka* 'сварщик — сварщица', *frézař — frézařka* 'фрезеровщик — фрезеровщица', *betonář — betonářka* 'бетонщик — бетонщица', *diskář — diskářka* 'дискометатель — дискометательница', *dálkař — dálkařka* 'спортсмен, прыгающий в длину — спортсменка, прыгающая в длину' и др.

2. В обозначениях лиц, занимающихся теми видами деятельности, при которых фиксация половой характеристики субъекта практически не является существенной. Имеются в виду обозначения лиц, занятых в сфере умственного труда, лиц, имеющих ученые степени, воинские звания, лиц, выполняющих те или иные общественно-политические функции, занимающих ту или иную должность, пост и т. д.: *architekt — architektka* 'архитектор — женщина-архитектор', *dirigent — dirigentka* 'дирижер — женщина-дирижер', *fonetik — fonetička* 'фонетист — женщина-фонетист', *docent — docentka* 'доцент — женщина-доцент', *kapitán — kapitánka* 'капитан — женщина-капитан', *poručík — poručice* 'поручик — женщина-поручик', *sociolog — socioložka* 'социолог — женщина-социолог', *ministr — ministryně* 'министр — женщина-министр' и др. Именно в сфере обозначений последнего рода и наблюдаются чаще всего отмечавшиеся выше расхождения в образовании и использовании существительных женского рода со значением лица в различных славянских языках.

Анализируя положение, занимаемое существительными женского рода со значением лица в системе словообразования чешского языка, мы должны отметить, что указанные существительные в структурном и семантическом отношении как правило полностью соотносятся

разговорный, чуждый вычурности. Оба приведенные образования равноценны как в семантическом, так и в стилистическом отношении. Соотношение употребления суффиксов *-ka* и *-kyně* хорошо прослеживается и на материале словаря И. Юнгманна. Причем характерно, что в словаре зафиксировано примерно 440 образований с суффиксами *-ka* и *-kyně*, из них в 330 случаях могут равно употребляться существительные, образованные как посредством суффикса *-ka*, так и посредством суффикса *-kyně*. В современном литературном чешском языке соотношение этих двух суффиксов изменилось. При образовании существительных женского рода со значением лица от существительных мужского рода на *-tel* (главным образом) суффикс *-ka* полностью вытеснил суффикс *-kyně* (см.: Г. П. Нецименко. Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», 19. М., 1960). В современном языке абсолютно исключены образования типа *překladatelkyně*, *mstitelkyně*, *obhájitelkyně* и им подобные, зафиксированные в следующих примерах, взятых нами из произведений эпохи Возрождения: «Přišel sluha. . . žádaje, aby se Arnošt k jeho velitelkyni odebral» (Rett. Mař., стр. 40); «Bohužel, že velebná panna překladatelkyně . . . na věčnost se odebrala» (Rozmanit, 1818, стр. 96); «He! sem přijíždí tvá mstitelkyně» (Hn. Děvín, стр. 56); «Ušlechtilá dívka, má vysvoboditelkyně» (Bibl. Vlas., стр. 33) и многие другие. Показательно, что исчезнувшие образования с суффиксом *-kyně* равно употреблялись как в авторской речи, более строгой, книжной, так и в речи персонажей. О былой продуктивности суффикса *-kyně* свидетельствуют случаи его экспансии на образования от других основ: «Kduby třeba mnohá bojovkyně. . .» (Hn. Děvín, стр. 403). Впрочем, в этой позиции суффикс *-kyně* не удержался. Заметим, кстати, что победе суффикса *-ka* в ходе конкуренции отнюдь не мешало то обстоятельство, что он является многозначной морфемой.

с существительными мужского рода со значением лица. Так, в структурном отношении практически каждое существительное мужского рода (в том числе и иностранного происхождения) путем несложных преобразований может быть трансформировано в существительное женского рода со значением лица. В этом смысле мы можем утверждать, что процесс образования последних в чешском языке осуществляется в значительной мере автоматически¹².

Базой для возникновения родо-половой коррелятивности является и большая семантическая близость противопоставленных существительных. Так, коррелирующиеся существительные мужского и женского рода принадлежат к одной и той же словообразовательной категории имен существительных со значением лица. Кроме того, и те и другие существительные объединяет как правило единство лексических признаков, принятых во внимание при обозначении субъекта (род деятельности, профессия, выполняемая функция, территориальная или национальная принадлежность и т. д.). Лексические признаки, характерные для семантики существительных мужского рода со значением лица, являются как правило идентичными лексическим признакам, присущим семантике существительных женского рода со значением лица. Так, в современном литературном чешском языке существительные *soustružník, učitel, soustružnice, učitelka* и многие другие в равной мере обозначают человека, являющегося токарем, учителем и т. д. Различие состоит лишь в том, что в первом случае речь идет либо о мужчине-токаре, учителе, либо о лице без половой конкретизации, во втором же случае обозначается женщина-токарь, учительница. Именно этот общий лексический стержень и позволяет соотнести существительные мужского и женского рода под углом зрения их отношения к лексико-грамматической категории рода, к родо-половой конкретизации.

Однако отмеченная семантическая близость существительных мужского и женского рода со значением лица не дает нам оснований считать их семантику тождественной.

До сих пор, анализируя явление коррелятивности, мы отмечали как одну из его особенностей идентичность лексических признаков, лежащих в основе обозначения лиц мужского и женского пола. Однако иногда в языке (в чешском реже) встречаются случаи, когда в семантике существительных мужского или женского рода отсутствуют некоторые лексические признаки, присущие другому противопоставленному члену коррелятивной пары. На подобные случаи обращают внимание А. А. Дементьев и М. Кубик в указанных выше статьях, приводя примеры сужения семантики, наблюдаемого в русском языке у некоторых существительных женского рода по сравнению с существительными мужского рода со значением лица. Так, *дипломат* имеет значения: 1) 'лицо, исполняющее функции дипломата'; 2) 'ловкий человек'; *дипломатка* имеет лишь одно значение 'ловкая женщина'.

Факты несоответствия лексических признаков у существительных мужского и женского рода в чешском языке являются, несомненно, более редкими, так как в чешском языке существительные женского рода со значением лица употребляются исключительно широко и как правило не имеют семантических и стилистических ограничений. Именно по этой причине и вероятность идентичности лексических признаков в чешском языке особенно велика. Тем не менее случаи расхождения

¹² Чешский язык вообще характеризуется большой регулярностью, «автоматизацией» в реализации словообразовательных моделей (ср., например, образование уменьшительно-эмоциональной лексики, многократных глаголов и т. д.).

лексических признаков отмечаются и здесь. Например, существительное *dráč* в Словаре литературного чешского языка имеет следующие значения: 1) эмоционально окрашенное 'рвач, насильник'; 2) менее употребительное 'эксплуататор'. Существительное женского рода *dráčka* имеет значение 'женщина, дергающая перья' и, следовательно, не соотносится в семантическом отношении с соответствующим существительным мужского рода. Число примеров может быть увеличено. Сходную картину наблюдаем мы и при анализе группы существительных женского рода, обозначающих женщин по профессии, должности, общественному положению мужей. Функцией словообразовательного суффикса в данном случае является не только констатация родо-половой характеристики субъекта, но и указание его родственного отношения к субъекту мужского пола. Приведем примеры: *profesorová* 'жена профессора', *doktorová* 'жена доктора', *akademiková* 'жена академика', *soudcová* 'жена судьи', *generálová* 'жена генерала'¹³.

В целом в чешском языке существительные женского рода со значением лица являются столь же самостоятельными и стилистически нейтральными обозначениями лиц женского пола, сколь и существительные мужского рода со значением лица в качестве обозначения лиц мужского пола. Функциональное разграничение указанных существительных в чешском языке проводится очень последовательно: существительные мужского рода обозначают как правило мужчин, существительные женского рода — женщин. Последовательное использование последних в качестве обозначения лиц женского пола как в литературной, так и в разговорной чешской речи не только не делает высказывание уязвимым в стилистическом отношении, но, напротив, отвечает обязательным нормам чешского языка.

Тем не менее все же встречаются случаи функционального переkreщивания существительных мужского и женского рода со значением лица. Это явление обусловлено специфической особенностью существительных мужского рода совмещать в своей семантике как значение лица мужского пола, т. е. значение, конкретизованное в родо-половом отношении (это значение может быть установлено лишь с помощью контекста), так и значение лица вообще без какой бы то ни было половой конкретизации, т. е. значение социально активного лица. Отмеченная семантическая многоплановость существительных мужского рода со значением лица расширила рамки их использования в языке: они привлекаются не только для обозначения лиц мужского пола, но также и для обозначения лиц вообще (а в их числе и лиц женского пола). Приведем пример употребления существительных мужского рода для обозначения лиц вообще, т. е. как мужчин, так и женщин: «*Dělníci, rolníci, duševní pracovníci! ... My, představitelé komunistických a dělnických stran, obrátíme se...*» (VI., 1957, № 31).

¹³ Образования с суффиксом *-ová*, обозначающие супругу, встречаются как правило в литературном чешском языке; в разговорной речи им нередко соответствуют образования с суффиксом *-ka*: «То je *generálka*. Říkáme jí tak. Její muž byl generál, její syn je dnes naším generálem» (VI., 1963, № 5). В данном случае существительное *generálka* обозначает не только жену, но и мать генерала.

Приведем следующий любопытный пример, иллюстрирующий соотношение употребления суффиксов *-ka* и *-ová* (правда, в рамках имен собственных), — диалог: «*Bydlí tu, prosím, ještě paní Musilová?* (в первой реплике полностью соблюдены нормы литературного языка — молодой человек вежливо осведомляется о своей знакомой) — *Musilká? Ale jo, bydlí* (реплика содержит явные элементы разговорной речи — несколько официальное *paní Musilová* как бы транспонируется в иную, более «разговорную», тональность) (VI., 1963, № 12).

В данном случае существительные мужского рода, взятые в форме множественного числа, обозначают рабочих, крестьян, работников умственного труда и т. д. как мужского, так и женского пола.

Значение социально активного лица, обнаруживаемое в семантике существительных мужского рода со значением лица, является общим значением данной категории слов, в то время как значение лица мужского пола является значением более узким, частным, обычно выявляемым лишь с помощью контекста¹⁴.

По мнению ряда исследователей¹⁵, в русском языке в семантике существительных мужского рода преобладает чаще всего именно значение социально активного лица. Аналогичная картина наблюдается и в чешском языке, однако там в связи с исключительным развитием в кругу имен существительных родо-половой коррелятивности в семантике существительных мужского рода более явственно, чем в русском языке, проступает значение лица мужского пола. Так, в тексте объявления мы читаем: «...přijmete hned zřízence (i ženu)» (R. pr., 16.X 1946). Автор приводимого высказывания, употребляя слово *zřízencec* 'служащий', по-видимому, воспринимал его лишь как обозначение мужчины-чиновника, служащего, поэтому для того, чтобы подчеркнуть, что на работу может быть принята и женщина, он прибегает к помощи слова *žena* 'женщина'. Далее: «...najaly se prý služky a učitelkyně i učitelové pro Zuzanku» (B. N. Bach., II, 92); «Ke konci školního roku se ona a ještě několik učitelek (učitelé se prý pro tuto činnost nehodí)...» (VI., 1962, № 48). В обоих случаях существительное мужского рода *učitelé*, *učitelové* обозначает лиц мужского пола, это становится очевидным в результате противопоставления в контексте слов *učitelkyně*, *učitelka*, *učitel*. Любопытный пример случая, когда более узкое значение лица мужского пола в семантике существительного мужского рода настолько бледнеет, что для его восстановления становится необходимым даже привлечение дополнительного слова, указывающего на пол обозначаемого словом субъекта, приводит З. Клеменевич¹⁶: «Potrzebny nauczyciel języka niemieckiego (*meżczyzna*) go gimnasjum w Warszawie» (текст объявления). Основная функция существительного мужского рода *nauczyciel* 'учитель' в данном высказывании — подчеркивание профессиональной сущности субъекта, а поэтому значение пола, потенциально заложенное в семантике слова, не ощущается и для его реставрации становится необходимым введение существительного-определителя *meżczyzna* 'мужчина'.

В чешском языке существительное мужского рода со значением лица может встретиться в качестве обозначения лица женского пола в следующих ситуациях:

1. Существительное женского рода со значением лица в языке не отмечается или оно, употребляясь спорадически, известно лишь узкому кругу носителей языка. Как правило это бывает в тех случаях, когда женский труд в той или иной сфере общественного производства, науки, искусства не применяется или применяется в ограниченной степени: «Členové posádky zvyšují pod vedením *lodivoda* Pevčevové svoje znalosti» (VI., 1951, № 37) (печь идет о женщине-лоцмане); «Filmová hvězda Gloria Vilarová ... byla jmenovaná jako kulturní *atašé*» (MF, 1958, 3. VII) (в данном случае дело осложняется еще и тем, что существительное

¹⁴ См. по этому поводу: R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums. «Charisteria Guilelmo Mathesio». Prague, 1932.

¹⁵ См., в частности: В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 66.

¹⁶ Z. Klemensiewicz. Tytuły i nazwy zawodowe kobiet w świetle teorii i praktyki. — JP, 1957, № 2.

atašé является малоосвоенным иностранным заимствованием); ср. также *nádporučik Osipenko*, *poručik Raskova* (Rozsev., 1938, № 28). Употребление существительных мужского рода со значением лица для обозначения женщин, имеющих воинское звание, вполне оправдано, так как обычно женщины довольно редко служат в армии. Аналогичными причинами объясняется и отсутствие соответствующего коррелята женского рода к существительному *admirál* 'адмирал'¹⁷. По этой же причине не фиксируются коррелятивные существительные женского рода со значением лица для обозначения лиц — служителей церкви. Следует заметить, что сфера отмеченного выше ограничения употребления существительных женского рода со значением лица сужается по мере роста приращения женского труда¹⁸.

2. Существительное женского рода со значением лица в языке имеется, однако подстановка на его место в высказывании существительного мужского рода со значением лица диктуется соображениями стилистического или семантического порядка (например, для внесения оттенка торжественности, для того, чтобы подчеркнуть значение лица, а не пола): «*A tady stojí před námi a před studenty medicíny jiná dr. Písařovicová, vědec a pedagog*» (VI., 1957, 24. I). 'И вот перед нами и перед студентами-медиками стоит иная доктор Писаржовицова, ученый и педагог'. В приводимом случае слова *vědec* и *pedagog* по замыслу автора, видимо, должны нести дополнительную смысловую нагрузку — подчеркивание важности произошедшей в человеке перемены. Следует заметить, что в тех случаях, когда авторы намерены более ощутимо подчеркнуть, оттенить торжественный пафос высказывания, они нередко употребляют существительные мужского рода со значением лица вместо соответствующих существительных женского рода. Так, например, статья, посвященная юбилею Долорес Ибаррури (VI., 1955, 9. XII), содержит, наряду с существительными *tajemnice strany* 'секретарь партии', *revolucionářka* 'революционерка', *vůdkyně* 'женщина-вождь', образования *antifašistický bojovník* 'борец-антифашист', *jeden z předních před-*

¹⁷ Любопытно, что в словаре Й. Юнгманна приведено образование *admirálka* в значении 'женщина, выполняющая функции адмирала' (наряду с *admirálová* 'жена адмирала'). Разумеется, подобное образование было искусственно создано по существующей продуктивной словообразовательной модели (составитель прекрасно сознавал потенциальную возможность появления подобного слова), в его возникновении не было острой необходимости, так как женщин-адмиралов в то время не было. Не фиксируется *admirálka* в подобном значении и ныне.

¹⁸ Рост новообразований в кругу существительных женского рода со значением лица осуществляется исключительно быстрыми темпами (ср. хотя бы относительно недавно возникшие слова: *analfabetizátorka* 'женщина, занимающаяся ликвидацией неграмотности', *gagarinka* 'работница бригады имени Ю. Гагарина' и т. д.). Тем не менее в ряде случаев потребность в новых обозначениях лиц женского пола не всегда может быть незамедлительно удовлетворена. Необходимо некоторое время для того, чтобы новообразование было освоено носителями языка. Приведем в качестве примера лингвистические «муки», которые испытывает автор очерка о женщине-лесничем, помещенном в журнале «Vlasta» (№ 42 за 1963 г., стр. 8): «Время делает свое, оно позволяет женщинам проникнуть на руководящие посты и в лесной промышленности. Таким образом, благодаря тому, что женщины, охваченные огромной любовью к лесу и к природе, начинают работать техниками и даже заведующими лесничеств, возникает следующая проблема. Как назвать тех женщин, которые избрали местом своей работы лес? О мужчине без долгих размышлений мы скажем, что он является лесничим (*lesník*), женщину, руководствуясь правилами чешского языка, мы можем назвать *lesnice*. Однако в речи людей, связанных с лесом, *lesnice* обозначает 'охотничий рог'. Поэтому в многочисленных рапортах рождаются новые названия, например, *lesanka*, *lesněnka*, *lesářka*, *lesovka* — не лучше ли остановиться на *lesnice*. Однако оставим эти заботы лингвистам». Автор письма, опубликованного в том же журнале, отдает предпочтение обозначению *žena-lesník*.

stavitelů strany 'один из передовых представителей партии', *znalec situace v zemi* 'знарок положения в стране', также относящиеся к женщине.

Преимущественное использование существительных мужского рода со значением лица (вне зависимости от того, относятся ли они к женщине или мужчине) типично для административной речи — в языке официальных документов, адресуемых ко всем гражданам, вне связи с их полом, и вообще в высказываниях, подчеркивающих не пол субъекта, а лицо как таковое. По этому поводу справедливо замечает А. А. Дементьев: «... официально-деловая речь имеет в виду прежде всего официальное установленное должностное лицо с его определенными правами и обязанностями без отношения к его полу»¹⁹. Ср.: «*Hodnotíme dělníka v továrně, rolníka na poli, úředníka v kanceláři, prodavače za pultem*» (VI., 1949, № 37).

В некоторых случаях существительные мужского рода со значением лица употребляются в чешском языке для обозначения лиц женского пола под влиянием другого языка. Особенно ощутимо подобное влияние сказывается в переводах с русского языка, в языке статей, книг и т. д., посвященных жизни в Советском Союзе: «*obě slavné pěstitelky a mistři velkých úrod*» (здесь представлен дословный перевод с русского *mistři velkých úrod* 'мастера высоких урожаев'); *lidový soudce soudruha Nikolajeva* (VI., 1956, № 15) — понятие, равно как и термин *lidový soudce* 'народный судья', заимствовано из русского языка.

В тех случаях, когда в качестве обозначения лица женского пола выступает существительное мужского рода, информацию о действительном поле субъекта, фигурирующем в данном высказывании, мы можем получить лишь с привлечением дополнительных факторов (определения к интересующему нас имени существительному, относительного местоимения и т. д.). Однако эти средства уточнения родо-половой характеристики лица не являются продуктивными для чешского языка. Так, в очень ограниченной мере привлекаются определяющие слова, например: *ženský voják, žena-voják, dívka-partyzán*, где введение определения к существительному мужского рода со значением лица в виде прилагательного или имени существительного потребовалось для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что речь идет об особе женского пола: «*Je to zákon... o aktivování žen-vojáku*» (VI., 1947, № 7); «*Španělské diplomatky, žena-ministr a poslankyně*» (Rozsev., 1938, № 2); «*Dnes už je Irena... dívka-partyzán*» (там же, № 8); «*Až dosud měla Anglie pouze jednoho ženského důstojníka*» (там же, № 6).

Показательно, что в подавляющем большинстве случаев подобные сложные конструкции типа *žena-voják, ženský důstojník* оказались не-обходимыми вследствие того, что соответствующие существительные женского рода со значением лица либо еще не были образованы на данном этапе существования языка, либо эти образования еще не привились в литературном чешском языке. Так, вполне закономерным является употребление комплекса *ženský důstojník* в языке статьи, относящейся к 1938 г., поскольку в то время потребность в слове *důstojnice* была очень ограниченной (закон о разрешении женщинам служить в армии был принят в Чехословакии в 1947 г.). В некоторых случаях введение определяющего слова, по-видимому, диктовалось соображениями стилистического порядка: «*Tím dostává bratislavský soud... třetího ženského soudce*» (Rozsev., 1938, № 6). Существительное *soudkyně* к этому времени в чешском языке уже существовало, есть оно и

¹⁹ А. А. Дементьев. Указ. соч., стр. 11.

в языке той же самой газетной заметки, из которой нами был заимствован пример. Наличие конструкции *ženský soudce* может объясняться, по-видимому, тем обстоятельством, что существительное женского рода со значением лица *soudkyně* показалось автору неподходящим для обозначения титула. Использование подобных описательных конструкций для фиксации половой характеристики лица представляет собой инородное явление, чуждое закономерностям чешского языка.

Нередко для констатации пола субъекта привлекается контекст: «Mu. Dr. Marta Johanovská, je první ženou v Československu, která byla jmenována ministerským radou» (Rozsev., 1937, № 46); «V Anglii zemřela Ellen Wilkinsonová, britský ministr výchovy» (VI., 1947, № 7); «My, ženy, jsme finančními ministry ve svých domácnostech» (Rozsev., 1928, № 11); «Po absolvování odborného kursu je činna jako mistr seřizovač» (VI., 1951, № 4); «Marta a Jarka... dva nejobětavější funkcionáři» (MF, 1958, № 125).

К числу средств, используемых чешским языком для передачи родо-половых противопоставлений субъекта, следует отнести и гетеронимию.

Данный способ передачи родо-половых различий является очень древним, ныне он полностью утратил свою актуальность. По замечанию Фр. Оберпфальцера²⁰, использование гетеронимии в древнечешском языке было представлено более широко (*šúr — svěst, dever — zelva* и т. д.). Использование разнокорневых образований чаще всего встречается в обозначении лиц, состоящих в родстве (исключение составляют *mnich — jeptiška* 'монах — монашка'): *muž — žena* 'муж — жена', *bratr — sestra* 'брат — сестра', *otec — matka* 'отец — мать', *syn — dcera* 'сын — дочь', *děd — bába* 'дед — бабушка', *strýc — teta* 'дядя — тетя', *ženich — nevěsta* 'жених — невеста'.

Говоря выше о закономерностях использования существительных женского рода со значением лица в польском языке, мы упоминали о действии тенденции маскулинизации. Влияние аналогичной тенденции ощущалось и в чешском языке. В связи с этим мы ниже несколько коснемся судьбы существительных женского рода со значением лица в чешском языке.

Судьба существительных женского рода со значением лица в известной мере²¹ отражает эволюцию роли женщины в жизни общества.

Процесс эмансипации, начавшийся в конце XIX—начале XX в., явился событием исключительной важности. Женщина начинает принимать активное участие в общественно-политической жизни общества, в производственной деятельности, в развитии науки, литературы, искусства.

Вследствие коренного перелома в общественном положении женщины возникает осязаемая потребность в пополнении словарного состава языка лексикой для обозначения женщины по общественно-политической функции, профессиональному признаку, по принадлежности к различным идеологическим течениям, организациям и т. д. Начиная с конца XIX в. и в особенности за последние десятилетия, приток новых существительных женского рода со значением лица значительно усилился.

Однако употребление существительных женского рода со значением лица далеко не всегда происходило гладко, подчас оно встречало на

²⁰ Fr. Oberpfalzer. *Rod jmen v češtině*. Praha, 1933.

²¹ Считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что общественно-производственные условия могут лишь стимулировать потребность в новых обозначениях лиц женского пола. Однако они абсолютно индифферентны к характеру и степени интенсивности использования языковых средств для передачи родо-половой характеристики.

своем пути немалые препятствия. Некоторые авторы отказывали в праве «гражданства» новым существительным, считая их неполноценными, имеющими нежелательную эмоциональную окраску (презрительности, неполноценности), и предпочитали *paní doktor, paní profesor* существительным *doktorka, profesorka*. Таким образом, и здесь давала себя знать тенденция маскулинизации.

В известной степени опасения противников употребления существительных женского рода со значением лица были оправданными. Нормальному функционированию некоторых суффиксов со значением женского лица в какой-то мере мешала их функциональная неразграниченность. Так, например, суффикс женского рода *-ka* употреблялся в чешском языке как для образования существительных женского рода со значением жены лица, обозначаемого производящей словообразовательной основой слова, так и для образования существительных женского рода со значением деятельницы, носительницы профессии и пр. Отмеченная разноплановость значений являлась в какой-то мере помехой, поэтому устранение ее в известной степени стимулировало более активное использование данного суффикса.

Самую решительную борьбу за равноправное употребление (наравне с существительными мужского рода) существительных женского рода со значением лица вел журнал «*Naše řeč*». «Это нынешнее сумасбродство — неразличение пола посредством слов. . . имеет поддержку, если не источник, в некоторых иностранных языках, в которых чувство различения рода не является таким живым, как у нас»²². Журнал критически выступал против образований типа *slečna doktor Nováková, paní poslanec Viková-Kunětická, slečna jednatel, slečna předseda*, характеризуя их как вопиющую бессмыслицу. Журнал призывал всех чехов к сохранению древней чешской традиции передавать родовые различия существительных с помощью словообразовательных суффиксов: «. . . кто говорит женщине *doktor, profesor, poslanec, znatel, milovník obrazů* и под., убивает образность чешского языка, потому что наш язык имеет наготове соответствующие формы»²³.

Непреклонность и непримиримость, с какой журнал «*Naše řeč*» проводил свою точку зрения, в ряде случаев даже вызывала нарекания некоторых лингвистов (см. упомянутую выше работу Фр. Оберпфальцера). Тем не менее борьба, которую вел журнал, в общем и целом увенчалась успехом, хотя и в настоящее время в языке прессы, произведений художественной литературы мы можем встретить случаи непоследовательного употребления существительных женского рода со значением лица, необоснованной замены существительных женского рода существительными мужского рода со значением лица. Так, например, в журнале «*Vlasta*» от 27 ноября 1955 г. в одном и том же рассказе наряду с образованиями *fotografka, reportérka, horolezkyně* употребляются и существительные мужского рода *fotograf, reportér, horolezec* в отношении тех же самых женщин. И в этом случае переэквивирование употребления существительных мужского и женского рода со значением лица не продиктовано какими-либо семантическими или стилистическими причинами. Число подобных примеров можно было бы увеличить.

Несмотря на указанные выше ограничения, мы все же можем с полной уверенностью констатировать факт активного и полноправного использования в современном чешском языке существительных женского рода со значением лица почти во всех без исключения обозначениях лиц женского пола.

²² «*Naše řeč*», 1922, № 1, стр. 25.

²³ Там же.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- B. N. Bách. — B. Němcová. Národní báchorky a pověsti, 1, 2, Praha. 1950.
B. N. Poh. — B. Němcová. Pohádky. Praha. 1957.
Hn., Děvín. — S. Hněvkovský. Děvín. V Praze, 1805.
Rett. Mař. — M. Rettigová. Mařenčin košíček. Hradec Králové, 1821—1822.
Rozmanit. — Rozmanitosti. Vydává J. Hýbl. V Praze, 1817—1818.
Bibl. Vlas. — J. Vlasák. Bibliotéka mládeže. V Praze, 1828—1832.
M. F. — Mlada fronta
Rozsev. — Rozsevačka.
R. pr. — Rudé právo.
Vl. — Vlasta

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- F. J. Tomsa. Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- u. lateinischen Sprache. Prag, 1791.
J. Palkowitsch. Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch, 1, 2. Prag, 1820—1821.
J. Jungmann. Slovník česko-německý. Praha, 1835—1839.
Slovník spisovné češtiny. Praha, 1960—1964.

Р. М. Цейтлин

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ТЕРМИНА «СТАРΟΣЛАВЯНИЗМ»

Изучение литературных языков — одна из самых актуальных проблем современного славянского языкознания. Темы, связанные со специфическими особенностями литературных славянских языков, в настоящее время все больше и больше привлекают к себе внимание исследователей. Среди работ на эти темы значительное место занимают исследования процессов образования и развития славянских литературных языков. Эти процессы, как известно, неразрывно связаны со взаимодействием живого, народного, и книжного, общеславянского, начал, которое в одних языках проявилось особенно ярко (например, в русском литературном языке), в других менее отчетливо (например, в польском литературном языке)¹. Авторы таких работ широко пользуются терминами «старославянизм», «церковнославянизм» и «славянизм». Эти термины, к сожалению, довольно часто употребляются недифференцированно, как синонимы, а иногда и как дублиеты, хотя наука и не терпит такого обращения с термином — «словом (или сочетанием слов), обозначающим строго определенное, философское, научное, техническое и т. п. понятие»².

Нечеткое употребление названных терминов создает определенные трудности при изучении работ по истории славянских литературных языков, особенно в научно-педагогической литературе, но главное — невнимание к терминам оборачивается нередко невниманием к основным отправным теоретическим положениям исследования. Различное и вместе с тем неопределенное содержание, которое вкладывают многие языковеды в термин «старославянизм» (или «церковнославянизм», или «славянизм») объясняется, с одной стороны, различными толкованиями названий соответствующего языка — «старославянский (или соответственно церковнославянский) язык»³, с другой стороны, тем, что термины «ста-

¹ Количество исследований на эту тему особенно возросло в связи с дискуссиями на IV съезде славистов по вопросам происхождения восточнославянского литературного языка и методов выделения в нем старославянских элементов. Подробнее об этом см.: Р. М. Цейтлин. Вопросы изучения старославянского языка на IV Международном съезде славистов. — ВЯ, 1959, № 2, стр. 157 и след.

² «Словарь современного русского литературного языка». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, т. 15, стлб. 331. — Ср., например, названия аналогичных по подходу к материалу статей. — «Взаимодействие русской и старославянской (по происхождению) лексики в русском письменном языке XVII в. (на материале Сибирских летописей)» (сб. «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 115) и «О взаимодействии русских народных и церковнославянских элементов речи в русском литературном языке доломоносовского периода (полногласная и неполногласная лексика)» (сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 219).

³ Подробнее о содержании терминов «старославянский язык» и «церковнославянский язык» см.: Р. М. Цейтлин. О принципах составления словаря старославянского языка. — ВСЯ, вып. 6, 1962, стр. 113—117; Н. И. Толстой. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных

рославянизм», «церковнославянизм», «славянизм» употребляются и в исследованиях генетического характера и в работах стилистических. В тех же трудах, в которых одновременно исследуются и вопросы происхождения и вопросы употребления языка, пользование данными терминами нередко неизбежно двусмысленно.

Особенно многозначен термин «старославянизм». Во-первых, старославянизмами называют явления, непосредственно связанные со старославянским языком, т. е. факты того языка, под которым большинство современных лингвистов понимает язык древнейших дошедших до нашего времени письменных памятников общеславянского значения, датированных концом X в. и XI в. Во-вторых, старославянизмами называют нередко и такие языковые явления, которые обычно относят не к старославянскому, а к церковнославянскому языку (или церковнославянским языкам, по другой терминологии). В-третьих, старославянизмами называют явления, характеризующие книжный тип речи данного славянского литературного языка, его торжественный, высокий стиль. Следует отметить, что в этом последнем значении чаще употребляются термины «церковнославянизм» (работы В. В. Виноградова, Л. П. Якубинского, Л. А. Булаховского и других ученых) или «славянизм» (работы Г. О. Винокура, В. Д. Левина, Е. М. Галкиной-Федорук и других лингвистов).

Сущность этой неопределенности в употреблении термина «старославянизм» позволяет исследователям не заниматься анализом собственно старославянского материала и ограничиваться лишь выделением определенных структурных «старославянских признаков», что в той или иной мере искажает реальное соотношение языковых фактов. В последнее время употребление термина «старославянский язык», а следовательно и «памятник старославянского языка», «факт старославянского языка», «старославянизм» становится все более и более неточным, расплывчатым, из него выхолащивается идея «старославянского языка» как такового, как языка реально существовавшего и обладавшего совершенно определенными средствами выражения, закрепленными в строго ограниченном кругу памятников. В отдельных исследованиях название «старославянский язык» нередко превращается в некое неопределенное аморфное языковое понятие, для которого прежде всего характерны слова и словообразовательные элементы с абстрактными значениями. Между тем старославянский язык обладает всеми признаками цельной языковой системы; в нем, кстати сказать, едва ли не преобладали слова с конкретными, частными значениями⁴, на основе которых много времени спустя и уже в отдельных славянских литературных языках и в различные периоды их истории возникали слова с абстрактными, типично книжными значениями.

Когда мы говорим о старославянском языке как о языке определенного круга памятников, мы не можем вместе с тем забывать о том, что до нашего времени дошли далеко не все старославянские рукописи и что целый ряд языковых явлений, прежде всего слов, остается нам неизвестным; мы можем восстановить целый ряд таких явлений, особенно в области лексики⁵. Но такой расширительный подход к понятию «старо-

и восточных славян. — ВЯ, 1961, № 1, стр. 52 и след.; В. Ф. Мареш. Древнеславянский литературный язык в великоморавском государстве. — ВЯ, 1961, № 2, стр. 12 и след.; J. Namn. Hrvatski tip crkvenoslavenskog jezika. «Slovo», br. 13, 1963, стр. 43 и след.

⁴ Стоит, например, сравнить значения хотя бы таких слов, как *бездѣна*, *бѣдѣти*, *видѣ*, *вльнѣти* *вольнѣ*, *врѣтище* и многих других в старославянском и русском литературном языках.

⁵ См.: А. Достал. Вопросы изучения словарного состава старославянского языка. — ВЯ, 1960, № 6, стр. 3 и след.; A. Dostál. Staroslovenština jako spisovný jazyk. «Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury», III, Praha, 1959,

славянский язык» требует в каждом конкретном факте специального исследования, привлечения в качестве доказательства значительного сравнительного материала, как из самих старославянских текстов, так и из церковнославянских памятников, из отдельных славянских языков (из литературных и диалектных источников). Между тем в работах по старославянскому языку и по истории отдельных славянских литературных языков нередко имеет место именно такое бездоказательное отнесение того или иного языкового средства к старославянскому языку, если оно по каким-то своим изолированно рассматриваемым признакам (фонетическим, словообразовательным, семантическим) может быть охарактеризовано как старославянское. Более углубленное изучение такого материала показывает, что данные языковые элементы не были известны старославянским памятникам и вряд ли они были возможны в старославянском языке (даже при расширительном понимании этого термина). Приведем несколько примеров из значительного числа возможных. Так, например, изучение истории слова *работа* показывает, что в русском литературном языке его вряд ли стоит считать старославянским по своему происхождению. Во-первых, начальное *ра-* здесь, вероятно, след закрепления на письме (возможно, и с влиянием старославянской орфографии) акающего произношения; во-вторых, самое значение слова не совпадает с единственным значением, которое знал старославянский язык — 'рабство, неволя, плен'⁶.

Также бездоказательно отнесение к старославянскому языку русских прилагательных, образованных от глагольных основ с суффиксом *-тельн-*, типа *страдательный*, *мучительный*, *растительный*, *поразительный*, *омерзительный* и т. п.⁷ Во-первых, в старославянских памятниках нет ни одного из перечисленных слов; во-вторых, и это главное, те шесть старославянских прилагательных (обычно это единичные случаи в Супрасльской рукописи), в которых имеется данное сочетание звуков (*съдѣтельнѣ*, *гоубительнѣ*, *мъногоочительнѣ*, *прѣродительнѣ*, *цѣлительнѣ*, *оучительнѣ*), не выделяют данное звуковое сочетание как словообразовательный суффикс⁸. Это, вероятно, как раз такой случай, когда можно говорить о более позднем образовании суффикса, рассматривать *-тельн-* как словообразовательный элемент русского книжного языка⁹.

В то же время, несмотря на то, что существительные с суффиксом *-тель* были широко распространены в старославянском языке, далеко не все слова на *-тель* в славянских языках непосредственно восходят к старославянским текстам. Так, например, нет достаточных оснований считать старославянскими слова *властитель* и *распорядитель*¹⁰. Ср. упо-

стр. 129—139; Он же. K dnešnímu stavu mluvnice a příruček ke studii staroslověnského jazyka. «Rocznik slawistyczny», t. XXI, cz. 1, 1960, стр. 76 и след.

⁶ Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., Учпедгиз, 1959, стр. 184 и след.; ср. Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., Учпедгиз, 1961, стр. 278; Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 227—229; V. Blažar. Zo slovenskej historickej lexikológie. Bratislava, 1961, стр. 213, 264, 265 и др.

⁷ Н. М. Елкина. Старославянский язык. М., Учпедгиз, 1960, стр. 7.

⁸ L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. 'S-Gravenhage, 1955; M. Brodovska-Honovska. Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków—Wrocław—Warszawa, 1960. стр. 177—178.

⁹ Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ» т. 5, 1939, стр. 39 и след.; В. В. Виноградов. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947, стр. 214—215; Ф. Коровин. Прилагательные на «тельн» в древнерусском языке. «Славянский сборник», II, вып. 10. Фрунзе, 1964, стр. 47 и след.

¹⁰ Н. М. Елкина. Указ. соч., стр. 7.

ребление слов *властелинъ, властель, властельскъ, власти, властнь* в старославянских и церковнославянских памятниках¹¹. В древнерусском языке слова *властитель* (XVI в.) и *властительскыи* (XV в.) отмечены в поздних памятниках¹². Слово *распорядитель* — еще более позднего происхождения, впервые оно зафиксировано в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. Аналогичное сомнение можно высказать и относительно слова *бедствие*,¹³ впервые отмеченного в так называемом словаре Вейсмана 1731 г.¹⁴

Термин «старославянизм», как нам кажется, должен употребляться только в первом из указанных выше значений, т. е. применительно лишь к тем фактам, которые заимствованы в данном литературном славянском языке из старославянского, к таким языковым явлениям, которые имеют место в конкретных памятниках старославянского языка. При этом важно учитывать не только изолированные фонетические, морфологические, словообразовательные, семантические «старославянские признаки» данного слова, но непременно рассматривать их в совокупности и применительно к конкретным условиям употребления слова в текстах. Внесение в термин «старославянизм» элементов стилистических, относящихся к истории у п о т р е б л е н и я данного слова в том или ином литературном славянском языке, часто затрудняет не только изложение, но и критерии анализа исследуемого материала; в этом смысле уместнее, как нам кажется, пользоваться термином «славянизм», так как в нем не содержится прямого соотнесения со старославянским языком и вместе с тем дается стилистическая характеристика.

¹¹ «Slovník jazyka staroslověnského», seš. 5, Praha, — ČSAV, 1962.

¹² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПб., 1893.

¹³ Н. М. Шанский. Указ. соч., стр. 187.

¹⁴ Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при имп. Академии наук печатию издан. СПб., 1731, стр. 225.

М. Г. Рожновская

ДВА ТИПА КОНСТРУКЦИЙ
«ГЛАГОЛ + ПРЕДИКАТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ»
В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

I. В последнее время появилось несколько работ, указавших на своеобразное грамматическое явление болгарского языка, заключающееся в широком употреблении предикативных определений (прилагательных) при полнозначительных глаголах. Было установлено, что в болгарском языке, в отличие от целого ряда родственных языков, предикативное определение употребляется не только при непереходных глаголах со значением движения и состояния, но при гораздо более широком лексическом круге глаголов, включающем в свой состав также и переходные глаголы¹.

Установленная закономерность болгарского языка является, однако, своего рода вторичной, наличие ее связано с существованием в болгарском языке другой закономерности — класса приглагольных прилагательных. Некоторые из этих вопросов и будут рассмотрены в данной статье.

II. Для выявления закономерностей болгарских конструкций «глагол + предикативное определение» мы воспользуемся методом взаимных замен. Возьмем группу болгарских предложений, содержащих такую конструкцию:

- (1) Вакрил беше пременен, стегнат и избръснат (Карасл.);
- (2) Или искаш да тръгна парцалива? (Карасл.);
- (3) При шумния пангар, в тронове, стояха облечени в богати дълги кожуси първенците. . . (Ваз.);
- (4) Аго гледаше смян (Йовк.);
- (5) Чичо Продан слушаше захласнат. . . (Карасл.);
- (6) Хаджи Смион сече намусен (Ваз.);
- (7) Другият поглеждаше навъсен. . . (Йовк.).

Пробуя произвести в этих предложениях взаимную замену глагольной части, мы сразу же сталкиваемся с фактом, что не все глаголы приведенных примеров обладают способностью взаимной заменяемости. Например, попытка поставить на место глагола *съм* в предложении (1) глагол *стоя* из предложения (3) и глагол *гледам* из предложения (4) убеждает, что в одном случае замена возможна (в результате ее получается обычное для болгарского языка предложение «Вакрил стоеше пременен, стегнат и избръснат»), а во втором невозможна (последовательность слов «Вакрил гледаше пременен, стегнат и избръснат» не соответствует нормам болгарского языка). Таким образом, обнаруживается, что в болгарском языке

¹ См.: М. Г. Рожновска. Към характеристиката на глаголите, които се свързват с предикативно определение. «Български език», 1962, кн. 6; К. Попов. За някои особености на българското съставно сказуемо, съпоставено с руското. «Славянска филология», т. III. София, 1963.

группа глаголов, употребляющихся с предикативным определением, не составляет монолитного класса, внутри этой группы глаголов существует какая-то дальнейшая дифференциация.

Возьмем в качестве образца исследуемой конструкции предложение (1) из нашего списка предложений и подвергнем пробе замен все глаголы, представленные в этом списке. Мы видим, что место глагола *съм* может быть заполнено глаголами *тръгна*, *стоя*. Остальные глаголы не могут заместить глагол *съм*, так как введение их нарушает грамматичность предложения:

Вакрил беше пременен, стегнат и избръснат.

тръгна

стояше

гледаше

слушаше

сече

поглеждаше

Эта картина не является чем-то специфичным для конкретного окружения, представленного в рассмотренном примере. Обратившись к другим предложениям, можно видеть, что попытка замены глагола в них приводит к тем же результатам. Так, в предложении (2) на место глагола *тръгна* могут быть поставлены лишь те глаголы, которые могли заместить глагол *съм* в предложении (1). Как и в первом примере, из числа возможных замен оказываются исключенными глаголы *гледам*, *слушам*, *сека*, *поглеждам*:

Или искаш да *тръгна* парцалива?

съм

стоя

гледам

слушам

сека

поглеждам

Ту же самую дифференциацию среди глаголов, выступающих с предикативным определением, обнаруживает и попытка замещения глагола в предложении (3):

... *стояха* облечени в богати дълги кожуси първенците.

бяха

тръгнаха

гледаха

слушаха

сякоха

поглеждаха

Регулярность этого расслоения глаголов приводит к выводу, что предложения (1), (2), (3) содержат определенный тип глагольного окружения, обуславливающий такую дифференциацию. В наших примерах этот тип окружения представлен прилагательными *пременен*, *стегнат*, *избръснат*, *парцалив*, *облечен*. Обозначим данный тип окружения как Π_1 .

Мы можем теперь следующим образом подвести итог наблюдаемой закономерности болгарского языка. По отношению к окружению Π_1 все глаголы, употребляющиеся с предикативным определением, распадутся на две группы: 1) глаголы, которые свободно сочетаются с данным окружением; 2) глаголы, которые не сочетаются с данным окружением.

Обозначим первую группу глаголов как Γ_1 и перейдем к рассмотрению второй группы.

Группа глаголов *гледам, слушаю, сека, поглеждаю*, выделенная пока на основе пробы сочетаемости с прилагательными Π_1 , характеризуется не только тем, что она не выступает в окружении данного типа. Исследование показывает, что эта закономерность дополняется одинаковым отношением этих глаголов к окружению другого типа.

При попытке замены глагольной части в предложении (4) можно видеть, что на место глагола *гледам* возможна подстановка любого глагола из этой группы:

Аго *гледаше* *смаян*.

слушаше

сече

поглеждаше

Такое же положение наблюдается и при замене глагольной части в предложениях (5), (6), (7):

Чичо Продан *слушаше* *захласнат*.

гледаше

сече

поглеждаше

Хаджи Смион *сече* *намусен*

гледаше

слушаше

поглеждаше

Другият *поглеждаше* *навъсен*.

гледаше

слушаше

сече

Таким образом, в противоположность первому типу окружения, в котором глаголы *гледам, слушаю, сека, поглеждаю* не употребляются, существует другой тип окружения, для которого характерно употребление с данными глаголами. Этот второй тип окружения включает в себя встречавшиеся в наших примерах прилагательные *смаян, захласнат, намусен, навъсен*. Данный тип глагольного окружения мы будем обозначать в дальнейшем, как Π_2 , а глаголы, употребляющиеся в окружении данного типа, как Γ_2 .

Суммируя итоги проведенного анализа, можно сказать, что как глаголы, так и прилагательные болгарских конструкций «глагол + предикативное определение» на основе взаимозаменяемости распадаются на две группы. Для группы глаголов Γ_1 характерно употребление в окружении Π_1 , группа глаголов Γ_2 выступает только в окружении Π_2 и не сочетается с окружением Π_1 .

Как было указано, глаголы, употребляющиеся с предикативным определением, делятся на две группы на основе факта употребления одних глаголов (Γ_1) в окружении прилагательных *временен, стегнат* и т. д. (Π_1) и невозможности употребления в этом окружении других глаголов (Γ_2). Группа глаголов Γ_2 характеризуется употреблением с прилагательными *смаян, захласнат* и т. д. (Π_2). Употребляются ли с прилагательными Π_2 также и глаголы Γ_1 ?

Вопрос о том, являются ли глаголы Γ_1 (*съм* и др.) взаимозаменяемыми с глаголами Γ_2 (*гледам* и др.) в окружении прилагательных Π_2 , представляет некоторые трудности. Так, например, в предложении «Тя . . . , както винаги, *гледаше* я *усмизната*, и й се *радваше*» (Йовк.) возможна замена глагола *гледам* (*я*)² на глагол *съм*, в результате

² Глаголы, имеющие одинаковую способность сочетания с прилагательными — предикативными определениями, различаются между собой с точки зрения сочетаемости с другими элементами предложения (например, с прямым дополнением и т. п.).

такой замены получается грамматически правильное предложение: «Тя . . . , както винаги, беше усмихната и ѝ се радваше». Подобный пример употребления глагола *съм* с прилагательным *усмихнат* может быть приведен и из литературы: «И никакви следи нямаше от плач по лицето ѝ — усмихната беше, щастлива» (Йовк.). Однако в предложении «Димо. . . го гледаше усмихнат и изтънко» (Карасл.) глагол *гледам* (*го*) не может быть заменен глаголом *съм*, последовательность слов «Димо беше усмихнат и изтънко» не отвечает грамматическим нормам болгарского языка.

Ввиду того, что для освещения затронутого вопроса требуется более детальная характеристика группы Π_2 , чем это предусматривается задачами настоящей статьи, мы ограничимся лишь сделанным здесь указанием, что глаголы Γ_1 в одних случаях являются взаимозаменяемыми с глаголами Γ_2 , а в других не являются таковыми.

III. Рассмотрим состав каждой группы глаголов и прилагательных более детально. Обратимся прежде всего к группе Γ_1 .

Традиционная грамматика выделяет обыкновенно среди глаголов, сочетающихся с предикативным определением, две группы: глаголы с ослабленным лексическим значением и полнозначенательные. Если придерживаться этого деления, то можно сказать, что группа Γ_1 включает в себя прежде всего глаголы, известные в грамматиках как глаголы с ослабленным лексическим значением. Сюда относятся:

б и в а м: Друг път тя биваше приказлива, сега мълчеше (Йовк.); *в и ж д а м с е*: Този скелет се вижда много смешен на Иван Селският (Е. П.); *и з г л е ж д а м*: Без очилата лицето му изглеждаше по-строго и по-военно (Веж.); *и з л я з а*: Той чувствуваше угризение на съвестта, че е излязъл глупав. . . (Л. Стоян); *о к а ж а с е*: Втора рота. . . изведнаж се оказа откъсната и изолирана в немския тил (Веж.); *о с т а в а м*: . . . черната кобилка оставаше по-спокойна, по-сдържана (Йовк.); *п а д а м*: . . . моята Тодора малко мързелива пада. . . (Веж.); *п о к а з в а м с е*: Прекрасната легенда ти се показва още по-поетическа (Ваз.); *п о ч у в с т в у в а м с е*: . . . неговото открито и дружелюбно лице го накара да се почувствува изведнъж разведен и спокоен (Веж.); *с л у ч а с е*: А като мина нощта—тя се случи студена, дъждовита. . . (Йовк.); *с м я т а м с е*: Който го е страх или се смята некадърен и слаб, нека се върне навреме (Л. Стоян.); *с т а в а м*: Хлябът ставаше клисав, черен като кал, горчив. . . (Л. Стоян.); *с т о р я с е*: Изведнъж нощта му се стори почти пролетна. . . (Веж.); *с т р у в а м с е*: — Новината не ви ли се струва важна? (Веж.); *с ъ м*: Гърмежите бяха редки, но упорити (Л. Стоян.); *у л у ч а с е*: . . . невястата се улучи хрисима и работлива. . . (Карасл.); *у с е щ а м с е*: . . . макар че се усещаше угнетена, отпаднала и самотна, тя се смееше високо и кръшно. . . (Карасл.); *ч у в с т в у в а м с е*: И тримата приятели се чувствуват гладни (Е. П.); *я в я в а м с е*: . . . колкото по-мизерна и по-невежа се явява една личност, толкова по-здравословно се чувствува. . . (Е. П.).

К группе Γ_1 относится еще целый ряд глаголов, отделяемых в грамматиках от уже перечисленных на основе их полнозначенательного характера. Мы имеем в виду глаголы:

б л и к а м: Водата под кичестия чинар бликаше неудържима и пенлива (Л. Стоян); *б у м т я*: Ето я мелницата, стои в студената утрин, бумти опрашена, работлива, лапа хорската храна. . . (Даск.); *б ъ л б у ч а*: . . . и както струите на планинските потоци бързат и бълбучат устремени, така и думите му рукнаха. . . (Даск.); *в и с я*: Скалите висяха студени и застрашителни, високо над тях се виеха орли (Л. Стоян.); *в ъ р в я*: Пророкът вървеше бос по неравната каменна настилка на улиците. . . (Е. П.); *г а з я*: Жените. . . не газеха боси из прахоляците и

Говоря о взаимной замене глаголов, мы предполагаем, что характерные для данного глагола элементы исключаются из предложения вместе с глаголом и включаются в предложение вместе с глаголом.

миризливите селски торища. . . (Карасл.); *з р е я*: Небето *грее ведро*, очистиено от набрашнавените облачета. . . (Даск.); *ж и в е я*: Отец Никодим *живееше самотен* в малката си стаичка. . . (Е. П.); *з а с п и в а м*: . . . децата *заспиха* по синорите *гладни и жадни, забравени, непогледени*. . . (Карасл.); *и з л и т а м*: Пушекът *излиташе бял и мек* от комините. . . (Даск.); *и з п л у в а м*: Така Щърка. . . *изплува* най-после *невредим и чист* на началническото място (Даск.); *л е г н а*: . . . той се *домъкна* до кревата и *легна обличен*. . . (Карасл.); *л е ж а*: Мария *лежеше измита и чиста* в леглото си (Дим.); *м и н у в а м*: А веднъж би до смърт богатия турчин Емексиз-ага, *задето минаваше втърбен* през българско място (Ваз.); *м ъ л ч а*: Моторът *мълчеше мъртъв* (Даск.); *о т к р и в а м с е*: . . . мелницата *се откриваше по-мощна*, отколкото преди (Даск.); *п а д н а*: Но когато животното *падна простреляно*, той се вторачи. . . (Карасл.); *п о в л е к а с е*: Както есенните мъгли *се повлякоха студени и разпокъсани* по полето. . . (Даск.); *п о л е г н а*: Тревата *полегна опърлена* (Даск.); *п р о м ъ к н а*: Планът му не сполучи, *разбойникът се промъкна невредим* (Л. Стоян.); *п ъ л з я*: . . . тая тиха, малка река. . . *пълзи към падалището алчна, ненаситна*. . . (Даск.); *с е д я*: Младите учители и учителки *седят разпръснати* из стаята, всеки *зает с нещо* (Е. П.); *с и т н я*: Двете жени *ситнеха боси* зад колата и си *приказваха тихичко* (Карасл.); *с к а ч а м*: Реката *прелива* през яза, *скача бяла и пенеста* по праговете на улея. . . (Даск.); *с ъ с к а м*: . . . да се *пази от тънкия вятър, който съскаше невидим*. . . (Л. Стоян.); *т е к а*: Животът си *течеше такъв*, какъвто е бил винаги (Е. П.); *т р ъ г н а*: — Или *искаш да тръгна парцалива?* (Карасл.); *у в и с н а*: Върбите *увиснаха пожълтели* (Даск.); *х в ъ р я я с е*: Там той *се хвърли неразсъбличен* върху леглото. . . (Велк.); *х о д я*: А освен това *значителна част от войниците ходеха кажи-речи боси*. . . (Веж.); *х у к н а*: Отведнъж *хукна гол* с дрехите под мишка. . . (Даск.); *ц а п а м*: Иван *цапаше бос* в горещата пепел на тесния междуселски път. . . (Карасл.).

Важно подчеркнуть, что с точки зрения интересующего нас признака употребления в одинаковом окружении не существует принципиальной разницы между группой глаголов с ослабленным лексическим значением и указанной группой полнознаменательных глаголов. Мы привели эти два типа глаголов отдельно друг от друга с целью показать, что граница между глаголами с точки зрения их взаимозаменяемости не совпадает с границей разделения глаголов по признаку полноты лексического значения. Как можно видеть, группа G_1 содержит как глаголы с ослабленным лексическим значением, так и полнознаменательные. Группа G_2 , как будет показано ниже, включает в себя только полнознаменательные глаголы. (По признаку употребления в одинаковом окружении вся масса полнознаменательных глаголов, таким образом, распадается на две части. Одна часть таких глаголов примыкает к глаголам с ослабленным лексическим значением и образует с ними единую группу. Другая образует самостоятельную вторую группу).

IV. Материал языка показывает, что группа прилагательных $П_1$, употребляющихся с рассмотренной группой глаголов G_1 , чрезвычайно обширна. Характеризуя ее границы, можно констатировать, что в состав этой группы входят все прилагательные языка. Положение здесь следующее: любое прилагательное, совместимое по своей лексике с глаголом и существительным-подлежащим предложения, может употребляться с глаголами G_1 как предикативное определение³. Так, в следующем

³ Грамматическое значение предикативных определений состоит в том, что они означают признак, одновременный по отношению к выражаемому глаголом действию. Поэтому при полнознаменательности глагола сторона лексической совместимости мо-

предложении с глаголом *стана* на место предикативного определения могут быть подставлены любые прилагательные, совместимые с другими элементами предложений: «Лицето на помощник-командира отново *стана сурово*» (Веж.) — равным образом *весело, сериозно, бледо, зелено, младо* и т. д.

Из высказанного выше положения о том, что в группу Π_1 входят все прилагательные языка, очевидно, что в данном случае трудно ставить задачу дать примерный список слов этой группы, т. е. список, хотя и не включающий все словарное многообразие группы, но отражающий основной состав ее и полезный для иллюстрации ее границ. Какие бы несколько десятков прилагательных группы Π_1 мы ни дали здесь, список этот будет случайным. Однако такой случайный список все же небесполезно привести, так как это делает более наглядным описание различий, существующих между группой прилагательных Π_1 и рассматриваемой ниже группой прилагательных Π_2 .

Список прилагательных, иллюстрирующих группу Π_1 , можно составить, например, взяв прилагательные из приведенных в разделе III предложений с глаголами группы Γ_1 : *приказлива, смешен, по-строго, по-военно, глунав, откъсната, изолирана, по-спокойна, по-сдържана, мързелива, по-поетическа, разведрен, спокоен, студена, дъждовита, некадърен, слаб, клисав, черен, горчив, пролетна, важна, редки, упорити, хрисима, работлива, угнетена, отпаднала, самотна, гладни, по-мизерна, неудържима, пенлива, опрашена, работлива, устремени, студени, застрашителни, бос, ведро, самотен, гладни, жадни, забравени, непогалени, бял, мек, невредим, чист, облечен, измита, чиста, въоръжен, мъртъв, по-мощна, простреляно, студени, разпокъсани, опърлена, невредим, алчна, ненаситна, разпръснати.*

V. Проведенный анализ состава группы глаголов Γ_1 и группы прилагательных Π_1 позволяет охарактеризовать их с точки зрения классов слов болгарского языка.

Начнем эту характеристику с глаголов Γ_1 . В данном случае мы имеем дело с грамматическим явлением, широко известным в грамматиках. Это так называемые связочные глаголы.

Под термином «связочные глаголы» грамматисты понимают выделяемые из общей массы глаголов слова, которые, объединяясь с другими глаголами на основе ряда общих черт в общий разряд глаголов, имеют особое свойство, отсутствующее у всей массы глаголов в целом, — эти слова употребляются с прилагательным (в функции предикативного определения). Указанное свойство отделяет эти слова от других глаголов, дает основание говорить о существовании особой грамматической категории. Термином «связочные глаголы» эта категория именуется в традиционных грамматиках. В структуральных исследованиях она обозначается просто как особый подкласс общего класса глаголов⁴.

жет быть более сложной, чем при глаголах с ослабленным лексическим значением. Однако несомненно, что перечисленные в разделе III полнознаменательные глаголы *бикам, бумтя, вися* и т. д. по способности сочетаемости с прилагательными ясно примыкают к глаголам с ослабленным лексическим значением и образуют вместе с ними общую группу глаголов Γ_1 , характеризующуюся сочетаемостью с любым прилагательным и резко отличающуюся этим от группы полнознаменательных глаголов Γ_2 , для которых возможно сочетание лишь со строго определенными прилагательными.

⁴ Внутри глаголов, выделяемых по позиционному признаку употребления в сопровождении прилагательных, традиционные грамматики проводят разделение на основе признака ослабления лексического значения: 1) глаголы с полной потерей лексического значения; 2) глаголы с ослабленным лексическим значением (так называемые полужнаменательные); 3) глаголы с полным лексическим значением (так называемые полнознаменательные). При таком разделении термином «связочные» называются обыкновенно либо первая и вторая группы, либо только первая, а о полно-

Для уяснения проблем, рассматриваемых в нашей работе, необходимо четко раскрыть, что понимали грамматисты при характеристике связочных глаголов под термином «прилагательные».

В традиционных грамматиках содержится лишь лаконичное указание на то, что связочные глаголы употребляются в сопровождении прилагательных. Более подробного описания прилагательных при этом не дается. Такой подход понятен, так как группа прилагательных, употребляющихся со связочными глаголами, не включает в себе чего-нибудь нового по сравнению с общей группой прилагательных языка, а эта последняя получает всю необходимую характеристику в соответствующих разделах грамматик.

Структуральные грамматики в целом оперируют теми же данными, что и традиционные, однако для наших целей структуральный анализ имеет преимущество. Принципы этого анализа таковы, что две группы слов, одна из которых употребляется в одном окружении, а другая — в другом, могут квалифицироваться как один класс слов лишь тогда, когда набор слов первой группы и набор слов второй группы совпадают. Только в таком случае допускается говорить об одном классе слов, а употребление этих слов в разных окружениях рассматривать как наличие у одного класса двух функций в предложении. При отсутствии совпадения конкретных наборов слов первой и второй групп каждая из них квалифицируется как отдельный класс.

Следовательно, когда структуральные грамматики, характеризуя связочные глаголы, пишут, что таковыми являются глаголы, выступающие с классом слов А (прилагательными), и употребляют тот же самый индекс А для обозначения слов, выступающих перед существительным, мы знаем, что наборы слов перед существительным и после глагола совпадают.

В свете изложенного указание грамматик, что связочные глаголы употребляются с прилагательными, следует понимать в том смысле, что эти глаголы употребляются с тем же набором слов, который выступает при существительных. Такая более строгая формулировка дает, как будет видно дальше, важный критерий для раскрытия внутренних закономерностей болгарских конструкций «глагол+предикативное определение».

Приведенная здесь краткая характеристика категории связочных глаголов позволяет видеть, что глаголы группы Γ_1 действительно полностью соответствуют этой грамматической категории. В самом деле глаголы Γ_1 представляют собой часть всей массы глаголов болгарского языка, характеризующуюся, как видно из нашего описания группы прилагательных Π_1 , употреблением с тем же набором слов, который выступает при существительных. Можно добавить также, что по конкретному составу глаголов группа Γ_1 подобна группам связочных глаголов во многих других родственных языках: глаголы *съм, бивам, виждам се, изглеждам* и другие имеют лексические параллели среди связочных глаголов других языков.

Таким образом, после определения места группы Γ_1 в системе классов слов, эта группа может быть обозначена, как « $\Gamma_{\text{связ}}$ ». (Символ « Γ_1 », как и символы Γ_2 , Π_1 , Π_2 , является рабочим, отражающим языковое положение лишь в пределах конструкции «глагол+предикативное определение».

знаменательных глаголах говорится, что они лишь употребляются в роли связочных. Таким образом, термин «связочные глаголы» включает в себя два значения: им обозначается, с одной стороны, позиционный признак употребления с прилагательными, а с другой стороны — лексическая градация глаголов. Эта двойственность термина «связочные глаголы» может вызывать смешение этих разных понятий. В нашей работе под термином «связочные глаголы» в дальнейшем понимается лишь способность употребляться в сопровождении прилагательных. Что касается признака степени полноты лексического значения, то для целей нашей работы он представляется несущественным.

Символ «Г_{связ.}» является реальным обозначением класса, он отражает место интересующих нас слов во всей системе языка).

В грамматиках болгарского языка группа связочных глаголов давалась, по нашему мнению, адекватная характеристика. Проведенный нами анализ привел к аналогичным выводам. Подтверждение выводов, содержащихся в грамматиках, не должно создавать впечатления, что мы лишь повторяем известные положения. Данный нами анализ, подчеркивающий наиболее существенные стороны связочных глаголов, необходим для понимания тех вопросов, которые являются новыми для болгарской грамматики и с которыми связана основная проблематика нашей работы.

VI. При характеристике связочных глаголов фактически уже была охарактеризована и группа прилагательных П₁. Однако для четкости дальнейшего изложения материала представляется необходимым дать итоговое определение этой группы. Прилагательные группы П₁ представляют собой тот же набор слов, который выступает при существительных, т. е. интересующая нас группа П₁ — это тот же самый общий класс прилагательных (обозначением его служит символ П).

VII. Нам предстоит теперь описать группу прилагательных П₂, характеризующуюся употреблением с глаголами Г₂. Ввиду того, что мы рассматриваем сейчас грамматическое явление, привлекающее внимание к себе лишь в последнее время и не освещенное еще в должной мере в грамматических исследованиях, представляется необходимым привести достаточно обширный фактический материал. Ниже дается примерный список группы прилагательных П₂.

б е с е н: — Лъжеш, магарски сине! — *изрева* баща му *бесен*, като изглеждаше стените (Ваз.); *б е с п о м о щ е н*: Той изпусна пижамата и ги *загледа* *безпомощен* (Даск.); *б л а г о д а р е н*: Свикваше различни птички от гората. . . , а те го *слушаха* *благодарни* (Е. П.); *б о д ъ р*: Накара го, та се разписа на писмото. . . и *добави* *бодър*, предизвикателно усмихнат. . . (Даск.); *в е с е л*: *Въседна* ангелът *весел* камбаната да се полюлее (Е. П.); *в т р е н ч е н*: Тъкачев я *гледаше* *стренчен* и като че не му се искаше да пусне ръката ѝ (Карасл.); *в ъ з б у д е н*: На тумби по блоковете *гълчаха* радостно *възбудени* кооператорите. . . (Даск.); *в ъ з х и т е н*: . . . говореше той и го *гледаше* *възхитен* (Йовк.); *г у з е н*: . . . *измърмори* някак *гузен* Димитър, каточели той беше виновен за това (Веж.); *д о в о л е н*: — Добре — *рече* *доволен* бащата (Карасл.); *з а г р и ж е н*: *Разсъждаваха* *загрижени*: — Да пратим хора в Стамбул? (Л. Стоян.); *з а д ъ х а н*: Вестник ли искаше? — *запита* *задъхан* Денко (Велк.); *з а м а я н*: Иванчо също се *озърташе* *замаян* и в нерешителност (Ваз.); *з а м и с л е н*: Бойченко *изведнъж* млъкна и *забарабани* *замислен* по масата (Веж.); *з а п ъ х т я н*: — Помя — *каза* той *запъхтян* (Ваз.); *з а р а д в а н*: . . . Жори *дотича* и *съобщи* *зарадван*, че им бил дошъл редът (Даск.); *з а с м я н*: . . . тя *викна* престорено *засмяна*, като че нищо не е било. . . (Даск.); *з а с р а м е н*: — Какво току се гътриш, Марьоло! — *смърри* я *засрамена* Кина (Карасл.); *з а х и л е н*: . . . *каза* той *захилен* до уши (Веж.); *з а х л а с н а т*: Но *продължаваше* да *зляп захласната* в големите светли прозорци и в блесналите витрини (Карасл.); *з а ч е р в е н*: . . . *отговори* Станчева *зачервена*. . . (Карасл.); *з а ч у д е н*: — Каква е тая работа, кмете! — *питат* го *зачудени* селяните (Е. П.); *и з н е н а д а н*: Като я видя, Кировица се *поспря*, *позагледа* я *някак* *изненадана* и *позачудена* и ѝ махна с ръка (Карасл.); *и з п л а ш е н*: Той я *гледаше* *озадачен* и *малко* *изплашен* (Карасл.); *и з т р ъ п н а л*: Той *клатеше* *изтръпнал* глава и Стойков *виждаше*, че го е *разбрал* (Даск.); *и з у м е н*: Синко — *рече* старата *изумена* (Л. Стоян.); *л ю б о*

п и т е н: — Но какво? — *попита любопитен бащата* (Карасл.); *мълчав:* Бай Ради и Трендафилчо *хвърлят* въдиците *мълчаливи*, съсредоточени в тапите. . . (Е. П.); *наведен:* Защо ми *приказва* все *наведена*? — *питаше* се Тощка (Карасл.); *навъсен:* Другият *поглеждаше навъсен*, настръхнал като вълк. . . (Йовк.); *наежен:* Старият адвокат *чакаше наежен* сина си. . . (Карасл.); *нажален:* — От какво са умрели? — *попита нажален* Синап (Л. Стоян.); *намръщен:* — Какво! — *погледна* го *тя намръщена* (Карасл.); *намусен:* Хаджи Смион *сече намусен* (Ваз.); *наскърбен:* . . . *каза* едва ли не *наскърбен* Бойченко (Веж.); *настръхнал:* Иванчо *изгледа настръхнал* Мунча (Ваз.); *насълзен:* Сърцата *потръпваха*, очите *сезираха* *насълзени* (Л. Стоян.); *натъжен:* Той си *припомни* почти *натъжен*, че. . . (Веж.); *начумерен:* Кръстю *се замисли* *начумерен* (Карасл.); *недоволен:* Ала сега *тия хора*. . . *почти недоволни* *наблюдаваха* чевръстата работа на пожарникарите (Велк.); *недоумяващ:* Лаврентиев *го изгледа недоумяващ*, сякаш не *вярваше* на очите си (Велк.); *неподвижен:* Татко Пиер *го гледаше* все *тъй неподвижен*, все *тъй втрещен* в лицето му. . . (Дим.); *неудържим:* — Да му *смажеш* глава като на усойница. . . — *викаха* селяните *неудържими* (Даск.); *обезумял:* — Мехмеде, Мехмеде! — *скимтеше* *тя обезумяла* (Л. Стоян.); *обчуден:* — Че *кому* ще *разправам*? — *попита* дори *малко обидена* *тя* (Карасл.); *обнадежден:* — Защо — *попита* *обнадежден* Иван (Карасл.); *ободрен:* . . . *прибави* Петър *ободрен* и *се позасмя* (Йовк.); *объркан:* — Защо? — *мигна* съвсем *объркана* сестрата (Карасл.); *огорчен:* И *защо* пък не ни *пускат*, дявол да *го вземе*! . . — *питаше* *някой огорчен* (Велк.); *озадачен:* — Каква *декламация*? — *запита* *озадачен* Тихолов (Велк.); *озлобен:* Те. . . *казваха* *озлобени*: «Колко е *право*, *толко* и да е *здрово*!» (Даск.); *отчаян:* *Тя гледаше* *отчаяна*, съсипана и *натъжена* до *плач*. . . (Карасл.); *пламнал:* Напразно *бай Мичо* *се горещеше* и *кръскаше* *пламнал*. . . (Ваз.); *побеснял:* Селямсъзт. . . *развика* *се побеснял* и *каза*. . . (Ваз.); *погнусен:* Синап *изгледа* с *бърз поглед* *човека* с *корема*, *защото* *коремът* *най-силно* *го караше* да *го отмине* *погнусен*. . . (Л. Стоян.); *поизплашен:* Бащата *го изгледа* *учуден*, *изненадан* и *поизплашен* (Карасл.); *покъртен:* — *Благодаря*, *бабо* — *отговори* *покъртен* *той* (Ваз.); *поласкан:* — *Магията* *му* *е* *тука*, — *хилеше* *се* *поласкан* *чичо* *Продан*. . . (Карасл.); *полуусмихнат:* *Полека* — *каза* *полуусмихнат* *над* *него* *докторът* (Велк.); *поразен:* И *отведнъж* *сви* *очи* *поразен* (Даск.); *поразсърден:* — *Къде* *е* *кака*? — *попита* *той* *поразсърден* (Карасл.); *потресен:* *Подозирайки* *такова* *коварство* *на* *врага*, *Стойков* *тръсна* *глава* *потресен* (Даск.); *потъмнял:* — *Четиридесет* *са!* — *възрази* *потъмнял* *Липованеца* (Даск.); *почервенял:* . . . и *че* *заради* *тебе* *той* *едва* *ли* *не* *ще* *те* *вкара* *в* *партията* *си!* — *викаше* *почервеняла* *Дица* (Даск.); *пребледнял:* — *Не* *бързай* *да* *прекаляваш!* — *пребледнял* *го* *прекъсна* *Прокопов* (Велк.); *презеленял:* — *Николаке!* — *изрева* *презеленял* *от* *ярост* *бай* *Мичо* (Ваз.); *приведен:* *Двете* *момичета*. . . *не* *посегнаха* *към* *кутията*, *която* *Тъкачев* *подаваше* *леко* *приведен* *ту* *към* *Марина*, *ту* *към* *Станка* (Карасл.); *примижал:* *Той* *гледаше* *леко* *примижал* и *устните* *му* *бяха* *свити* *в* *зловна* *гримаса* (Карасл.); *развълнуван:* — *Но* *защо* *не* *ми* *каза*. . . *още* *като* *дойде*? — *упрекна* *го* *дълбоко* *развълнуван* *Борис*. . . (Карасл.); *раздражен:* — *Та* *нали* *това* *ти* *думам* — *отвърна* *малко* *раздражен* *той* (Карасл.); *разлютен:* — *Нищо* *не* *може* *да* *се* *направи!* — *викаше* *разлютен* *Юрталана* (Карасл.); *разсърден:* — *Абе* *ти* *чуваш* *ли?* — *кресна* *той* *разсърден* (Карасл.); *разтревожен:* . . . *помисли* *майорът* *разтревожен* (Веж.)

разтреперан: . . . който все още не беше укротен и повтаряше *разтреперан* (Даск.); *свит*: Денко ги *слушаше свит* и незабележим между тях (Велк.); *слисан*: Но се спря и се *озърна слисан*, пакъде да удари (Ваз.); *смазан*: Тя *съзна смазана* всичко това и стана да си върви. . . (Дим.); *смаян*: . . . възкликна *смаян* поручикът (Веж.); *смутен*: Те *взеха смутени* по едно бонбонче и станаха (Карасл.); *стреснат*: Само Тредо *стоеше надалеч* от множеството. . . и си *казваше стреснат*. . . (Даск.); *съживен*: Работниците *гледага* изненадани и *съживени* Стойков (Даск.); *съкрушен*: — . . . утре *заминавам* с обедния влак — *каза съкрушен* старият Тъкачев (Карасл.); *сърдит*: — И това ще бъде — *все още сърдит* добави Прокопов (Велк.); *съсредоточен*: Но Тъкачев *слушаше* замислен и *съсредоточен* (Карасл.); *тържествуващ*: После *погледна тържествуващ* другаря си. . . (Ваз.); *угрижен*: — Лоши години идат, жена, — *казваше угрижен* Милю (Карасл.); *ужасен*: — Тоя каскет е *грабил* по цяла торба брашно. . . — *извика ужасен* Боян и захвърли каскета (Даск.); *умислен*: . . . *каза умислен* ордейният командир, като *крачеше* прав по откритата позиция (Веж.); *уморен*: Тя го *погледна уморена* от деня, който *бяха прекарали* с фон Гайер. . . (Дим.); *уплашен*: Пусни ме само да *кажа!* — *говореше* той така *уплашен*, като че. . . (Даск.); *услушан*: . . . Комура *престана* да *преживя*, *загледа* се *услушан* и след туй *пухна* с ноздрите си (Йовк.); *усмихнат*: Той *и* *каза* нещо и *усмихнат* *видя*, как *тя* *отиде* към *влюбената* двойка (Е. П.); *унесен*: . . . Стойков *продължи* *унесен* в нещо свое, дълбоко спотаено, *съкровено* (Даск.); *ухилен*: — И на дената *майка* *им!*. . . — *подхвърли* му *ухилен* Рангел (Даск.); *учуден*: — И за мене ли *каза* той? — *посочи* се *тя* *учудена* (Карасл.); *честит*: Сега *тя* *се оглеждаше* *весела* и *честита* *извън* селото, *сред* *голото* поле (Карасл.); *ядосан*: Днес *страшно* *ядосан* *се* *обад* командирът на *дивизията* (Веж.); *успокоен*: Той *забележи* *това*, *усмихна* *се* *малко* *успокоен* и *рече* *незначително*. . . (Е. П.).

Состав группы прилагательных Π_2 , характеризующихся употреблением с глаголами Γ_2 , существенно отличается от состава группы прилагательных Π_1 , характеризующихся употреблением с глаголами Γ_1 . Если с глаголами Γ_1 может быть употреблено каждое прилагательное, лексически совмещающееся с другими элементами предложения, то с глаголами Γ_2 употребляются только строго определенные прилагательные. Попытка замены прилагательного в предложении с глаголом типа Γ_2 обнаруживает, что включение одних прилагательных дает грамматически правильное предложение, в то время как включение других прилагательных (хотя они так же, как и первые, лексически совместимы с другими элементами) приводит к разрушению грамматичности предложения. Например: «Станка *слушаше* *захласната*. . .» (Карасл.) — равным образом *благодарна*, *възхитена*, *засмяна*, *усмихната* и т. д., но не *кротка*, *тиха*, *услужлива* и т. д.

Уже самое поверхностное сравнение приведенных прилагательных группы Π_2 и списка прилагательных Π_1 , данного в разделе IV, обнаруживает какое-то единообразие прилагательных Π_2 , в противоположность пестрому составу прилагательных Π_1 . В чем заключается это единообразие прилагательных Π_2 ? Какой признак является общей особенностью этих прилагательных?

При стремлении выявить признак, характерный для прилагательных рассматриваемой группы, привлекает внимание факт, что эта группа состоит преимущественно из причастий. Для большинства слов этой группы имеются в языке параллельные глаголы (например, *усмихнат*—*усмихна се*), и отношение рассматриваемых слов к таким глаголам полностью

соответствует нормам образования причастий в болгарском языке (например, *усмихнат* образовано как страдательное причастие прошедшего времени из аористной основы глагола *усмихна се* и суффикса *-т*).

Однако, помимо причастий, в группу Π_2 входит и целый ряд чистых прилагательных. В данном выше перечне это *бесен, безпомощен, благодарен, бодър, весел, гузен, доволен, любопитен, мълчалив, недоволен, неподвижен, неудържим, сърдит, честит*. С другой стороны, не каждое причастие принадлежит к группе Π_2 (в нее не входят, например, причастия *пременен, стегнат, избръснат* и т. п.). Таким образом, несмотря на преимущественно причастный состав рассматриваемой группы Π_2 , видимо, не этот признак является объединяющим для слов этой группы⁵.

Нам представляется, что общность рассматриваемой группы слов кроется в их семантике. Все они с этой точки зрения близки друг к другу. Их можно охарактеризовать как слова, обозначающие физическое или психическое состояние человека. (Учитывая, что данные слова употребляются, хотя и весьма редко, также и при характеристике животных, может быть, можно было бы говорить, что это слова, обозначающие состояние вообще живых существ).

VIII. Обобщая наблюдения над группой Π_2 с точки зрения классов слов, мы должны констатировать, что она существенно отличается от уже рассмотренной группы Π_1 .

Как показало перечисление списочного состава группы Π_2 , она значительно уже группы Π , употребляющейся при существительных и представляющей общий класс прилагательных. Слова группы Π_2 мы встречаем в общем наборе слов класса Π , однако обратного утверждения сделать никоим образом нельзя. Состав класса Π таков, что большой массив его слов оказывается исключенным из группы Π_2 . Иными словами, синтаксическая позиция, в которой выступает группа Π_2 такова, что она не допускает употребления всего общего класса прилагательных Π в целом. Памятуя о принципе, что две группы слов, выделяемые в двух синтаксических позициях, являются одним классом, только если совпадают их наборы, мы должны сделать вывод, что рассматриваемые нами группы Π_2 и Π не представляют собой один и тот же класс.

Таким образом, если группа Π_1 является тем же общим классом прилагательных, который выступает при существительных, то рассматриваемая группа Π_2 четко обособляется по отношению к общему классу прилагательных болгарского языка.

Наряду с указанным обособлением группы Π_2 от общего класса прилагательных на основе синтаксической позиции в предложении, существует целый ряд признаков, которые объединяют эту группу с общим классом прилагательных. Мы имеем в виду грамматическое оформление этих слов, изменение их по родам и числам. Более того, слова группы Π_2 употребляются и в позиции перед существительным, т. е. входят как часть в состав выделяемого по этому признаку общего класса прилагательных.

Учитывая все это, можно сделать вывод, что слова Π_2 являются прилагательными в широком смысле слова, однако образуют четко выраженную группу внутри прилагательных, имеющую специфическую синтаксическую позицию.

Можно было бы провести аналогию между группой прилагательных Π_2 и связочными глаголами. Как те, так и другие входят в состав соответ-

⁵ Факт, что группа Π_2 состоит преимущественно из причастий, сам по себе 'неинтересен для проблем болгарской грамматики. Однако для вопросов, рассматриваемых в настоящей статье, этот факт является несущественным и поэтому в рамках данной статьи он не анализируется.

ствующего общего класса слов, но выделяются из него присущей только им способностью употребляться в специфической позиции.

Так же, как в грамматиках, выделяется, наряду с более широкой категорией «глагол», категория «связочный глагол» (в структуральных грамматиках, наряду с классом V — класс V_b , т. е. класс с дополнительным индексом, сигнализирующим его отличия от общего класса V), в описаниях болгарского языка, по нашему мнению, должна выделяться, наряду с категорией «прилагательное», особая грамматическая категория, проявляющаяся в существовании группы Π_2 . Эту грамматическую категорию можно назвать «приглагольное прилагательное».

Итак, приглагольные прилагательные — это класс слов, которые, объединяясь с другими прилагательными на основе ряда общих грамматических признаков в разряд прилагательных, обладают свойством, отсутствующим у всей массы прилагательных в целом. Это свойство заключается в способности сочетаться с глаголами Γ_2 .

В этом определении категории приглагольных прилагательных остается пока еще не раскрытой одна его составная часть — содержание термина «глаголы Γ_2 ». Раскрытие этого рабочего термина, т. е. установление места глаголов Γ_2 в общей системе классов слов болгарского языка, даст окончательную формулировку определения категории приглагольных прилагательных.

IX. Рассмотрим теперь состав группы глаголов Γ_2 . Ниже приводится примерный список глаголов этой группы (иллюстрацией употребления глаголов данного типа в составе предложений может служить материал, приведенный в разделе VII):

бързам, взема, взирам се, видя, викам, вижна, влизам, връщам се, възкликна, възразя, възседна, вървя, гледам, говоря, гълча, добавя, дойда, дотърча, дръпвам се, забавлявам се, забарабана, завиля, загледам, заклата, замисля се, запитам, заплача, зяпам, застана, засуетя се, ида, извикам, изгледам, изкрещя, изляза, измърморя, изпищя, изрева, изругая, изхвъркна, казвам, клатушкам се, клата, клата се, кряскам, кресна, мигна, мисля, мляскам, мълча, наблюдавам, настрътвам, обаждам се, оглеждам се, озъртам се, отвърна, отговарям, отдръпвам се, отида, откажа, отмина, отпуцам се, отстъпвам, оттегля се, питам, пищя, повтарям, поглеждам, подавам, подхвърля, позагледам, поклата, помисля, помълча, попитам, посоча, псстоя, потупам, пошушина, прекъсна, прибавя, прибера се, приказвам, припомня си, пристъпя, продължа, прошепна, пуша, развикам се, разделя се, расправям, разрева се, разсъждавам, разходя се, расиштам се, река, ровя се, сбогувам се, свия, свия се, свра се, седна, седя, сека, скимтя, скокна, скоча, скрия се, следя, слушам, смърря, спогледам се, спра, спра се, стана, стресна се, стряскам се, сумтя, съзная, съобщя, тичам, трепна, тръгна, тръсна, търся, упрекна, упътя се, усмихвам се, хая, хвърлям, хия се, ходя, чакам, шепна, шушкам.

Группу глаголов Γ_2 составляют полнозначительные глаголы, но для характеристики ее границ не подходят такие известные из грамматической литературы о болгарском языке и из исследований по ряду других родственных языков признаки, как «непереходность глагола» и «обозначение движения или состояния». Указанным признакам соответствуют лишь полнозначительные глаголы из данной выше группы Γ_1 . Состав же группы Γ_2 существенно отличается от состава полнозначительных глаголов, входящих в группу Γ_1 .

В группу Γ_2 , помимо глаголов, которые можно отнести к числу обозначающих движение или состояние (например, *вървя, тръгна* и др.), входят глаголы с иными лексическими значениями. Так, в нее входят широко употребляющиеся с прилагательными Π_2 глаголы речи, такие, как

викам, викна, възкликна, възразя, говоря, гълча и многие другие. К группе Γ_2 относятся также глаголы мысли: *замисля се, мисля, помисля, припомня си, съзная* и глаголы чувства: *взирам се, видя, гледам, загледам се, зяпам* и т. д. Среди приведенных глаголов Γ_2 можно видеть глаголы, обозначающие различные действия, направленные на другой предмет, например: *взема, забарабана, потупам, ровя се, сека, звърлям* и др.

Наряду с фактом, что в группу Γ_2 входят глаголы, не относящиеся к означаемым движению или состоянию, можно указать и на обратный факт: многие глаголы, обозначающие движение или состояние и принадлежащие к группе Γ_1 , не входят в рассматриваемую группу Γ_2 (в приведенном на стр. 71—72 списке такими являются глаголы: *бликам, бумтя, грезя, съскам* и др.).

Равным образом не годится для характеристики состава группы полнозначительных глаголов Γ_2 и грамматический признак «непереходности» глаголов. В данном выше списке глаголов Γ_2 широко представлены, наряду с непереходными, и переходные глаголы: *възседна, гледам, загледам, заклатя, изгледам, клатя, наблюдавам* и многие другие.

На вопрос, какие глаголы входят в группу Γ_2 , т. е. употребляются с прилагательными Π_2 , может быть дан, по нашим наблюдениям, следующий ответ: к группе Γ_2 относятся все глаголы, обозначающие действия человека. В самом деле, попытка замещения глагола в нижеследующем предложении, содержащем прилагательное из группы Π_2 , приводит к заключению, что на месте глагола этого предложения может быть употреблен любой глагол, обозначающий действие человека: «Служите *се спогледаха усмихнати*» (Йовк.) — равным образом *зяпаха, слушаха, работеха, чистеха* и т. д.

Какие-либо грамматические черты — присутствие при глаголе прямого дополнения и т. п. — не играют роли в употребляемости глаголов с прилагательными Π_2 . Единственным ограничением является указанный лексический критерий: глагол должен обозначать действие человека⁶.

Х. Опираясь на описание состава группы Γ_2 , установим теперь место этой группы в рамках общего класса глаголов болгарского языка.

Хотя группа Γ_2 ограничена лексическим признаком обозначения действий человека и, таким образом, в набор глаголов этой группы не входит любой глагол языка, представляется, тем не менее, обоснованным считать группу Γ_2 общим классом глаголов болгарского языка.

Это заключение основывается на следующих соображениях. Синтаксическим условием употребления группы глаголов Γ_2 является окружение Π_2 . В то же время в конструкции $\Gamma_2\Pi_2$ действует присущий языку закон лексической совместимости элементов предложения. В соответствии с ним круг прилагательных Π_2 накладывает ограничения на круг глаголов Γ_2 с точки зрения лексики.

Как было видно из рассмотрения группы Π_2 , она включает в себя прилагательные, которые обозначают состояние человека. Вследствие этого с прилагательными Π_2 могут сочетаться только глаголы, которые обозначают действия, также относящиеся к человеку. Таким образом, лекси-

⁶ В свете сказанного о границах полнозначительных глаголов из группы Γ_1 и границах группы Γ_2 становится понятным тот факт, что в списке глаголов группы Γ_2 нами указано несколько глаголов, приводившихся ранее в составе группы Γ_1 . Таковы *вървя, тръгна* и др. Это объясняется тем, что данные глаголы обладают чертами как глаголов Γ_1 (непереходность, значение движения или состояния), так и глаголов Γ_2 (обозначение действий человека). Одни черты этих глаголов ведут к сочетаемости их с прилагательными Π_1 , а другие — к сочетаемости с прилагательными Π_2 .

ческое ограничение, которое было выявлено в разделе IX при анализе состава группы Γ_2 , совпадает с требованием лексической совместимости между глаголами группы Γ_2 и прилагательными группы Π_2 . Это дает основание считать ограничение группы глаголов Γ_2 таким критерием, как «обозначение действий человека», проявлением требования лексической совместимости элементов предложения и не относящимся к уровню грамматики. На уровне грамматики группа Γ_2 может быть охарактеризована как включающая все глаголы, т. е. как общий класс глаголов.

Может возникнуть вопрос, почему при квалификации двух взаимосвязанных элементов Γ_2 и Π_2 мы в качестве определяющего принимаем Π_2 и считаем, что лексика группы Π_2 ограничивает лексику группы Γ_2 , а не наоборот; почему для группы Π_2 лексическое ограничение нами оценивалось как релевантное для грамматики, а для группы Γ_2 оно считается не относящимся к уровню грамматики.

Для группы прилагательных Π_2 признак «обозначения физического или психического состояния человека» является с точки зрения грамматики более существенным, чем признак «обозначения действий человека» для группы глаголов Γ_2 . Он не может объясняться лексической совместимостью прилагательных с другими элементами предложения, так как лексически совместимой с глаголами, обозначающими действие человека, будет гораздо более широкая группа прилагательных, чем группа Π_2 .

Определение группы Γ_2 как общего класса глаголов следует сопроводить некоторыми пояснениями.

Общий класс глаголов выделяется в языке как группа слов, противостоящая другим классам слов (существительным, прилагательным и т. д.) своей позицией в предложении и парадигматическими характеристиками. При этом самом первом членении языка учитываются не все связи между элементами предложения. Более полный учет связей показывает, что внутри общего класса глаголов существует дальнейшее разделение. Так, имеется класс глаголов, употребляющихся с прямым дополнением (переходных глаголов), класс глаголов, употребляющихся с «дательным» дополнением и т. д. Следовательно, общий класс глаголов — это совокупность всех таких частных классов.

Когда мы по отношению к глагольному окружению Π_2 говорим, что оно сочетается с общим классом глаголов, наша формулировка подразумевает следующее. С одной стороны, в отличие от таких, например, окружений, как прямое и дательное дополнение, вызывающих разделение внутри общего класса глаголов, окружение Π_2 не вызывает никакого нового расслоения внутри этого класса. С другой стороны, окружение Π_2 нейтрально по отношению к дифференциации глаголов, вызываемой другими окружениями. При окружении Π_2 продолжает сохраняться дифференциация глаголов в зависимости от других глагольных окружений, и само окружение Π_2 может сопровождать глаголы разных частных классов. Это наглядно проявляется в тех конкретных примерах болгарских предложений, которые приводились на стр. 75—77. Действительно, среди глаголов, представленных в окружении Π_2 , мы видим и переходные глаголы («Работниците *гледаха* изненадани и съживени *Стойков*»; «... *заклати* усмихнат *глава* *Тъкачев*» и др.), и глаголы, характеризующиеся употреблением с дательным дополнением («*Защо ми приказва* все наведена?» и др.), и просто непереходные глаголы («... *хилеше се* *поласкан чичо* *Продан*» и др.).

На основании определения места группы Γ_2 в системе классов слов всего языка как общего класса глаголов, мы должны рабочее обозначение « Γ_2 » заменить реальным обозначением общего класса глаголов — симво-

лом «Г». При этом следует, однако, помнить, что общий класс глаголов является совокупностью всех его частных классов, т. е.

$$\Gamma = \begin{cases} \Gamma_{\text{прям. доп.}} \\ \Gamma_{\text{дат. доп.}} \\ \Gamma_{\text{непер. и т. д.}} \end{cases}$$

Это значит, что на месте Γ в конкретных предложениях может выступать любой из частных классов, представленных в правой части равенства.

XI. Некоторые из рассмотренных выше вопросов были уже затронуты в статье К. Попова «За някои особености на българското съставно сказуемо, съпоставено с руското». Ввиду того, что данная область болгарского языка только в последнее время становится предметом внимания грамматистов и понимание ее станет достаточно общепринятым, возможно, лишь в дальнейшем, представляется полезным показать, в чем выводы К. Попова и наши выводы сходятся, и в каких частях грамматическая картина обрисовывается по-разному.

К. Попов касается интересующих нас вопросов в той части своей статьи, где констатируется факт возможности предикативного определения при переходных глаголах. Он пишет: «Употребление предикативного определения после переходных глаголов обуславливается как семантикой глагола, так и семантикой и морфологическими особенностями предикативного определения. Предикативным определением в этом случае служат чаще всего страдательные причастия, употребляемые как имена прилагательные, и некоторые имена прилагательные. Причастия означают состояние субъекта. Предикативными определениями служат чаще всего следующие прилагательные и причастия: *безгрижен, безмълен, безучастен, благ, бледен*. . . (следует список. — М. Р.).

Любой переходный глагол, который по смыслу и функционально может подходить к указанным прилагательным и причастиям, может связываться с ними синтаксически и принимать их как свое определение и как определение подлежащего»⁷.

Как можно видеть, данная нами выше картина грамматических закономерностей в известной мере перекликается с выводами К. Попова. Так, мы также отмечаем, что в болгарском языке имеются глаголы, употребляющиеся с какой-то определенной группой прилагательных (у нас она обозначается как группа Π_2). Описание состава этой группы прилагательных, данное К. Поповым, и описание ее в настоящей статье весьма близки друг к другу.

Вместе с тем даваемые в двух работах характеристики круга глаголов, употребляющихся с данной группой прилагательных, различаются между собой. В работе К. Попова употребление этих прилагательных связывается с переходными глаголами. В настоящей статье употребление переходных глаголов с группой прилагательных Π_2 предстает лишь как частный случай функционирования прилагательных Π_2 . В болгарском языке не только переходные глаголы употребляются с этой группой прилагательных; среди непереходных также имеются глаголы, предикативным определением при которых могут быть лишь прилагательные этой группы. Это свидетельствует, что признак переходности глагола является несущественным для функционирования указанной группы прилагательных.

XII. Проведенное нами исследование показало, что группы слов, участвующие в построении конструкций «глагол+предикативное опре-

⁷ К. Попов. Указ. соч., стр. 131—132.

деление», с точки зрения классов слов болгарского языка представляют следующую картину:

Γ_1 — класс связочных глаголов $\Gamma_{\text{связ.}}$, характеризующийся способностью сочетаться с общим классом прилагательных;

Π_1 — общий класс прилагательных Π ;

Γ_2 — общий класс глаголов Γ ;

Π_2 — класс прилагательных $\Pi_{\text{пригл.}}$, характеризующийся способностью сочетаться с общим классом глаголов.

Эти свойства групп слов, участвующих в конструкции «глагол + предикативное определение» порождают два варианта такой конструкции:

1) $\Gamma_{\text{связ.}}\Pi$ (соответствует использованному в ходе исследования рабочему обозначению $\Gamma_1\Pi_1$);

2) $\Gamma\Pi_{\text{пригл.}}$ (соответствует рабочему обозначению $\Gamma_2\Pi_2$).

Существо первого варианта с точки зрения классов слов может быть представлено схемой:

Π	—	С	—	$\Gamma_{\text{связ.}}$	—	Π
a				a'		a
b				b'		b
c				c'		c
d				$\overline{d'}$		d
e				e'		e
f				f'		f
...			
n				n'		n

где С — класс существительных в функции подлежащего;

Π в позиции перед С — класс прилагательных в функции определения существительного;

a, b, c... n — слова, составляющие набор общего класса прилагательных;

a', b', c'... n' — слова, составляющие набор общего класса глаголов;

знак — показывает часть общего класса слов, исключаемую из сочетаемости в данном варианте конструкции.

Схема отражает, что весь набор прилагательных от a до n, который употребляется при существительном, способен выступать при глаголах a', b', c', составляющих частный класс связочных глаголов, в то время как сочетаемость с остальными глаголами исключена.

Второй вариант конструкции, связанный с существованием в языке особого класса прилагательных прилагательных, имеет следующую схему:

Π	—	С	—	Γ	—	$\Pi_{\text{пригл.}}$
a				a'		a
b				b'		b
c				c'		\overline{c}
d				d'		d
e				e'		e
f				f'		f
...			
n				n'		n

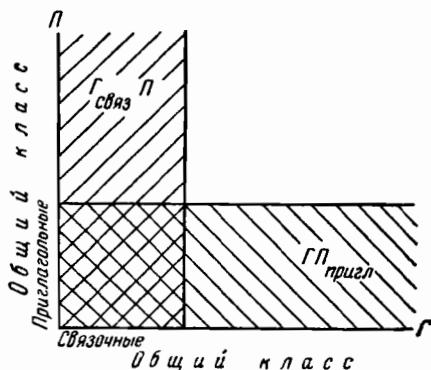
В этом варианте оказывается ограниченным набор прилагательных, в который попадает лишь группа a, b, c, составляющая частный класс прилагательных прилагательных, и допускается участие всех глаголов общего класса.

Первый вариант конструкций «глагол+предикативное определение» в болгарском языке аналогичен соответствующим конструкциям в ряде других родственных языков и не содержит каких-либо существенных отличий.

Все своеобразие предикативных определений в болгарском языке проявляется во втором варианте этой конструкции. Здесь обнаруживается существование особой грамматической категории приглагольных прилагательных, не выделявшейся ранее в болгарской грамматике. Специфическое свойство слов этого частного класса состоит в их способности сочетаться в конструкции «глагол+предикативное определение» с общим классом глаголов, т. е. с любым лексически совместимым с такими прилагательными глаголом.

Широта употребления конструкции «глагол+предикативное определение» в болгарском языке объясняется существованием второй разновидности этой конструкции, т. е. является следствием наличия в болгарском языке грамматической категории приглагольных прилагательных.

Два слоя образований конструкции «глагол+предикативное определение», один из которых обусловлен грамматическими особенностями связочных глаголов, а другой — приглагольных прилагательных, пересекаются между собой. Картину этого языкового явления можно представить наглядно в следующем виде:

Как видно по этой схеме, существует область языка, где оба слоя перекрывают друг друга. В этой области конструкцию «глагол+предикативное определение» вообще может быть трудно отнести к одному или другому ее варианту, так как один компонент в ней является связочным глаголом, а другой — приглагольным прилагательным. Такое положение наблюдается, например, в предложении «Янчо *тсеше неподвижен...*» (Даск.). Однако вне пределов этой общей области функционирование каждого из вариантов конструкции проявляется очень ярко.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ваз. — И. Вазов	Е. П. — Елин Пелин
Веж. — П. Вежинов	Йовк. — Й. Йовков
Велк. — К. Велков	Карасл. — Г. Караславов
Даск. — С. Даскалов	Л. Стоян. — Л. Стоянов
Дим. — Д. Димов	

Л. Н. Смирнов

У ИСТОКОВ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

(обзор новейшей литературы о языковой деятельности А. Бернолака)

В октябре 1962 г. исполнилось 200 лет со дня рождения, а в январе 1963 г. — 150 лет со дня смерти известного словацкого просветителя и ученого—языковеда Антона Бернолака, первого кодификатора словацкого литературного языка. В связи с этими памятным датами ожил интерес культурной и научной общественности Словакии к жизни и деятельности Бернолака, сыгравшего важную роль в развитии словацкой национальной культуры. В словацких лингвистических изданиях последних лет появилось немало статей и публикаций, освещающих различные аспекты языковой реформы Бернолака. Памяти Бернолака посвящен очередной (XIV) том «Сборника философского факультета университета Коменского» (Братислава). В ряде журналов, еженедельников и других изданий («Predvoj»¹, «Slovenské pohľady»², «Vlastivedný časopis»³ и др.), а также во многих словацких газетах («Pravda»⁴, «Kultúrny život»⁵, «Smena»⁶ и др.) были опубликованы юбилейные статьи. Популярную брошюру о Бернолаке выпустила «Матица словенска»⁷.

В октябре 1962 г. в связи с 200-летием со дня рождения Бернолака Институт истории Словацкой академии наук организовал научную конференцию о начальном периоде словацкого национального возрождения (1780—1830). Вполне естественно, что основное внимание участников конференции (историков, лингвистов и литературоведов) было уделено выяснению и освещению исторических, социально-политических и экономических условий возникновения и развития словацкого национального движения, определению роли и места бернолаковского течения в сложной идейно-политической борьбе того времени и борьбе за национальную культуру⁸.

Деятельность Бернолака и его сторонников протекала в обстановке нарождающегося социального и национального движения словаков, вызванного к жизни серьезной ломкой старых социально-экономиче-

¹ K. Rozenbaum. Dnešný pohľad na dielo Antona Bernoláka. «Predvoj», 1962, № 40.

² J. Beder. Anton Bernolák. «Slovenské pohľady», 1962, 10.

³ A. Mat'ovčík. Anton Bernolák. 1762—1813. «Vlastivedný časopis», 1963, 7.

⁴ M. Pišút. Prvý kodifikátor spisovnej slovenčiny. «Pravda», 4.X 1962.

⁵ K. Habovštiaková. Anton Bernolák. «Kultúrny život», 1962, 40.

⁶ A. Šumec. Prvý kodifikátor slovenčiny. «Smena», 2.X 1962.

⁷ E. Trylčová. Anton Bernolák (1762—1813). «Matica slovenská». Martin, 1962.

⁸ См.: Ján Tibenský. Konferencia o počiatkoch slovenského národného obrodzenia. «Vestník Československej akadémie vied», 72, 1963; Jan Novotný. Konferencie o počiatkoch slovenského národného obrodzenia. «Československý časopis historický». 1963, 11.

ских порядков и общественных отношений в Австро-Венгерской монархии (в состав которой входила и Словакия) на стыке двух эпох: распадающейся феодальной и зарождающейся капиталистической.

В прошлом (особенно в буржуазной науке) при оценке роли Бернолака, его языковой реформы, при характеристике целей и идеологической направленности бернолаковского движения нередко высказывались крайне противоположные и односторонние взгляды. Защитники буржуазной концепции единой чехословацкой нации обвиняли Бернолака в подрыве чешско-словацкого единства, в сепаратизме и мадяронстве. Идеологи словацкого буржуазного национализма (особенно «людаки») превозносили Бернолака и некритически оценивали его деятельность. Кроме того, было немало скрытых и явных оценок с конфессиональных и клерикальных позиций⁹.

Рассмотрение комплекса различных аспектов деятельности Бернолака и его последователей с марксистских позиций позволило дать новую, в целом положительную научно-объективную трактовку роли бернолаковского движения в истории словацкого народа. Достоинством новейших исторических, литературоведческих и лингвистических работ, затрагивающих этот вопрос, является то, что при общей положительной оценке вклада Бернолака в развитие словацкой культуры в них не замалчиваются и некоторые отрицательные или противоречивые стороны в деятельности Бернолака и его сторонников.

В предлагаемой статье мы дадим краткую характеристику основных трудов Бернолака и познакомим с некоторыми, на наш взгляд, существенными результатами новейших исследований¹⁰ словацких ученых, посвященных его кодификаторской деятельности. При этом мы остановимся главным образом на двух вопросах: о социально-политической и исторической обусловленности языковой реформы Бернолака и о характеристике словацкого литературного языка, узаконенного Бернолаком.

История становления и развития словацкого литературного языка, который возник относительно поздно (конец XVIII в.), тесно связана со сложными процессами развития словацкой народности и формирования словацкой нации.

Как известно, с X в. после падения Великоморавского государства территория, населенная словаками, входила в состав Венгрии. В силу ряда неблагоприятных социально-политических и экономических обстоятельств словаки в течение длительного времени не могли консолидироваться в самостоятельную народность. В связи с этим довольно поздно стали складываться элементы культурной общности, длительное время в средневековой Словакии не могли создаться необходимые условия для возникновения литературного языка, базирующегося на каком-либо словацком диалекте или интердиалекте. До конца XVIII в. словаки не имели литературно-письменного языка на основе родной речи. В качестве письменного языка в Словакии употреблялась латынь, позднее (с XV в. и до середины XIX в.) чешский литературный язык. Кроме того, в Словакии, как составной части Австро-Венгерской монархии, использовались

⁹ См. об этом: J. Tibenský. K problému hodnotenia bernoláckiny a bernolákovského hnutia. «Historický časopis», 1959, 7, стр. 558; K. H a b o v š t i a k o v á. Niekoľko poznámok o Bernoláckovej spisovnej slovenčine. «Jazykovedný časopis». 1958, 9, стр. 70; она же. Význam Bernolákovho jazykovedného diela v dejinách spisovnej slovenčiny. «Slovenská reč», 27, 1962, стр. 321; E. Paulíny. K jubileu Antona Bernoláka. «Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica», 14. Bratislava, 1962, стр. 3; K. R o z e n b a u m. Указ. соч., стр. 16.

¹⁰ Важным источником библиографических сведений об участниках бернолаковского движения является книга: J. K o t v a n. Bibliografia bernolákovcev. «Matica slovenská». Martin, 1957.

также венгерский и немецкий языки. Среди названных языков особенно большую роль в развитии словацкой литературы и национальной культуры сыграл чешский литературный язык, выступавший длительное время в функции письменного языка словаков (так называемая *bibličina* считалась общим литературным языком чехов и словаков).

Первая попытка создания нормализованного словацкого литературного языка была предпринята в конце XVIII в. Она связана с именем просветителя и языковеда, католического священника Антона Бернолака (3.X 1762—15.I 1813). Деятельность А. Бернолака и его последователей открыла начальный этап¹¹ становления словацкого литературного языка.

Первый программный труд Бернолака «Филологическо-критическое рассуждение о словацких письменах» с приложением краткого наставления по орфографии¹² был издан в 1787 г. анонимно¹³. В этом сочинении Бернолак обосновывает (филологическими и менее удачно историческими) аргументами принципиальную необходимость самостоятельного словацкого литературного языка и впервые устанавливает его нормы. При выработке и систематизации норм он в значительной мере опирался на принятый в то время в среде католической интеллигенции обиходно-разговорный язык. Обращение к обиходно-разговорной речи способствовало демократизации литературно-письменного языка. Борясь за культуру письменного языка, Бернолак основывает ее на новых принципах. Критически осмыслив состояние словацкой письменности в тот период, он обратил особое внимание на устранение недостатков и непоследовательностей в правописании. Исходя из того, что правописание должно опираться на живое современное произношение, Бернолак отказывается от этимологического принципа в правописании и вводит принцип фонетический (или точнее фонологический). Он устраняет ряд лишних букв и диакритических знаков, разрабатывает простую и строгую систему орфографических норм и правил.

Углубляя и развивая предложенную им реформу литературного языка, Бернолак публикует в 1790 г. свою «Словацкую грамматику»¹⁴, которая явилась первой грамматикой словацкого языка¹⁵. В ней дается систематическое описание фонетики, морфологии и некоторых разделов синтаксиса литературного языка, названного позднее по имени его кодификатора — «бернолачина». В этой книге Бернолаку удалось установить и описать некоторые характерные черты грамматического строя словацкого языка.

В 1791 г. выходит из печати новый лингвистический труд Бернолака, в котором он занимается вопросами словопроизводства в словацком языке¹⁶. В первой части книги рассматриваются три типа деривационного словопроизводства: образование имен существительных женского рода от имен существительных мужского рода, образование уменьши-

¹¹ Основы современного словацкого литературного языка были разработаны и установлены лишь в середине XIX в.

¹² *Dissertatio, philologico-critica de literis Slavorum...*, Posonii, 1787. Орфография была издана также отдельно: *Linguae Slavonicae per regnum Hungariae usitatae compendiosa simul et facili Orthographia*, Posonii, 1787.

¹³ В создании этого труда Бернолаку, вероятно, помогали его коллеги по Генеральной семинарии в Братиславе. Так, известно, что одним из авторов был А. Кубица, но основная заслуга бесспорно принадлежит Бернолаку.

¹⁴ A. Bernolák. *Grammatica slavica*. Posonii, 1790. Позднее, уже после смерти Бернолака, она была переведена с латинского языка на немецкий: «Schlowakische Grammatik». Ofen, 1817.

¹⁵ K. Habovštiaková. *Význam Bernolákovho jazykovedného diela v dejinách spisovnej slovenčiny*, стр. 332.

¹⁶ «*Etymologia vocum slavicarum*». Tyrnaviae, 1791.

тельных слов и словообразование других существительных, прилагательных и глаголов. Вторая часть книги содержит описание различных типов сложных слов, характерных для словацкого языка. В приложении даются списки различных терминов и наименований.

Данная работа, как мы видим, имеет узко специальный характер, однако и она занимает свое место в цепи тех усилий, которые предпринимал Бернолак в целях узаконения словацкого литературного языка. Он понимал, что развитие литературного языка требует значительного обогащения словарного состава, в частности научной терминологии¹⁷, и в связи с этим стремился выявить основные принципы словопроизводства словацкого языка. Указанная работа Бернолака содержит немало недостатков и уже давно устарела. Но она является свидетельством творческих исканий Бернолака, его стремления связать научно-теоретическую деятельность с нуждами практики.

Много сделал Бернолак и в плане обработки словацкой лексики. Еще в 1787 г. он начал работу по созданию словацкого словаря, над которым самоотверженно трудился в течение двадцати лет. В итоге был составлен многотомный «Словацкий чешско-латинско-немецко-венгерский словарь». Этот словарь, содержащий более 80 000 заглавных слов, был издан, однако, лишь через двенадцать лет после смерти Бернолака¹⁸. По поводу словаря Бернолака в литературе было много споров. Поразному оценивались его научные качества и целевая направленность. Все же следует признать его важную национально-культурную роль¹⁹.

Лингвистические труды А. Бернолака объединены единым замыслом, они составляют необходимые части продуманной, целостной программы по узаконению литературного словацкого языка. Научные труды Бернолака неразрывно связаны с его культурно-просветительской деятельностью, направленной на подъем родной национальной культуры, в них отчетливо проявляются его «будительские» устремления. Вместе со своими сторонниками Бернолак прилагает немало усилий для введения в жизнь кодифицированного им словацкого литературного языка. В 1792 г. по инициативе Бернолака и Ю. Фандли начинается издательская деятельность «Словацкого ученого общества», основанного еще в 1789 г. В Трнаве, Нитре, Банской Быстрице, Кошицах, Рожняве и других городах Словакия члены этого общества, число которых доходит до 500 человек²⁰, ведут значительную культурно-просветительскую работу, способствуя распространению религиозно-популярных сочинений²¹ и светской литературы на новом литературном языке.

¹⁷ О роли Бернолака в развитии словацкой лингвистической терминологии см.: V. Sli v k o v á. K robiatkom slovenskej terminológie hláskoslovia. «Slovenské odborné názvoslovie», 7, 1959; она же. Pramene Bernolákovej gramatickej terminológie. «Slovenské odborné názvoslovie», 5, 1957; а также: K. H a b o v š t i a k o v á. K charakteristike slovnej zásoby a terminológie u Bernoláka. «Československý terminologický časopis», 1, 1962.

¹⁸ «Slowár Slowenský, Česko-Latinsko-Německo-Uherský». Budae, 1825—1827.

¹⁹ См. новейшие работы об этом словаре: M. H a y e k o v á. Slovníkárske poznámky k Slowáru A. Bernoláka. «Slovenská reč», 23, 1958; J. P o v a ž a n. Slowár Antona Bernoláka. «Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského», 10, 1958; Она же. Príprava a vydanie Bernolákovho Slowára. «Jazykovedný časopis», 1958, 9. Краткий обзор словацкой лексикографии до Бернолака, а также анализ некоторых источников словаря Бернолака содержит статья: K. P a l k o v i č. Z predbernolákovských slovníkov. «Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského...».

²⁰ J. T i b e n s k ý. K problému hodnotenia bernoláctiny a bernolákovského hnutia. «Historický časopis», 1959, 7, стр. 563.

²¹ Если свои научные труды Бернолак писал по-латински, то в практической деятельности в качестве католического священника он пытался применять кодифицированный им самим литературный словацкий язык — писал на нем проповеди

Характерной чертой новейшей литературы о Бернолаке и бернолаковском движении является утверждение тесной связи бернолаковского движения с процессом зарождения и становления словацкой нации, с начальным периодом словацкого национального возрождения, обусловленного наступлением новой, капиталистической эпохи. Лингвисты, изучающие истоки словацкого литературного языка, место и роль языка, узаконенного Бернолаком, в общем процессе становления и развития современного словацкого литературного языка (Э. Паулини, К. Габовштякова, Р. Крайчович и др.), серьезное внимание обращают на освещение и характеристику социально-политических, экономических и исторических условий возникновения первой нормы словацкого литературного языка. При исследовании истории национального литературного языка такой подход вполне оправдан и даже необходим. Благодаря этому яснее и определеннее обрисовывается социально-историческая обусловленность языковой реформы Бернолака и всего бернолаковского движения, их неразрывная связь с процессом зарождения и формирования словацкой буржуазной нации. Э. Паулини, подчеркивая противоречивый характер личности Бернолака как представителя «переходного периода, когда на смену феодализма еще недостаточно ясно выступал капитализм»²², приходит к выводу, что Бернолак и его группа принадлежат к начальному периоду формирования словацкой нации²³. Историческую и социальную закономерность кодификации словацкого литературного языка, осуществленной Бернолаком, связывает с начавшимся процессом формирования словацкой буржуазной нации и К. Габовштякова²⁴. Этот же момент подчеркивается и в работах историков словацкой литературы. А. Мраз отмечает, что «при всех специфических трудностях, препятствиях и ограничениях, бернолачина все-таки стала фактором, помогающим формированию буржуазной словацкой нации. . .»²⁵. К. Розенбаум, говоря о бернолаковском движении, прямо заявляет, что речь идет «об основах словацкого национального возрождения, о результатах и признаках формирования словацкой нации нового времени»²⁶.

Кризис феодализма в Венгрии, частью которой была и Словакия, намечавшиеся сдвиги в экономике и хозяйстве в связи с зарождением и развитием элементов нового капиталистического строя привели к заметному оживлению общественной и культурной жизни Словакии во второй половине XVIII в., когда начинается процесс постепенного превращения словацкой народности, достигшей к этому времени высокого уровня политической и культурной зрелости, в буржуазную нацию²⁷. Отражением этого объективно-исторического процесса явились, в частности, рост национального самосознания передовых представителей словацкой интеллигенции и зарождающейся национальной буржуазии, усилившиеся стремления к национальной самостоятельности, выступления в защиту родного языка, борьба за развитие национальной культуры. Выразителями национальных требований и устремлений в области культуры в это время являлись главным образом представители патристической словацкой интеллигенции — народные «будители». Важное место в их

(См.: К. H a b o v š t i a k o v á. Bernolákova spisovná slovenčina v praxi. «Jazykovedný časopis», 1959, 10).

²² E. Paulíny. Указ. соч., стр. 3.

²³ См.: E. Paulíny. Указ. соч., стр. 5.

²⁴ См.: К. H a b o v š t i a k o v á. Význam Bernolákovho jazykovedného diela v dejinách spisovnej slovenčiny, стр. 322.

²⁵ См.: A. M r á z. Zástoj cyrilometodejskej idey u bernolákovcov. «Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. . .», стр. 8.

²⁶ K. R o z e n b a u m. Указ. соч., стр. 16.

²⁷ См.: «Dejiny Slovenska». Bratislava, 1960, стр. 384.

деятельности занимала борьба за равные права словацкого языка с венгерским и немецким. Проявлением этой борьбы как раз и явилось выступление А. Бернолака и его сторонников с программой создания словацкого литературного языка. Все это показывает, что реформу Бернолака можно рассматривать как закономерное следствие и свидетельство борьбы за национальную культуру в период начинающегося процесса формирования словацкой буржуазной нации²⁸.

В плане развития языка и письменности в Словакии выступление Бернолака также нельзя считать неожиданным и изолированным актом. Уже в добернолаковский период ясно ощущались тенденции к использованию словацкого языка в письменности. На языке словацких памятников, написанных по-чешски, уже издавна сказывалось влияние местной диалектной среды, в них проникали специфические словацкие языковые элементы (так называемые словакизмы). Постепенно из сферы устной речи словацкий язык все больше проникает и в письменность. В конце XVII в. и особенно в XVIII в. эти тенденции становятся вполне явственными. Стремление писать на родном языке особенно отчетливо проявляется у словаков католического вероисповедания. В 1783 г. И. Байза публикует первый словацкий роман²⁹. Предпринимались и другие аналогичные попытки. Но впервые с целостной программой узаконения самостоятельного словацкого литературного языка выступил А. Бернолак.

Значительный интерес представляет вопрос об источниках бернолачины, о той языковой базе, на которую опирался Бернолак при своей кодификации. В старой литературе обычно подчеркивалась непосредственная диалектная (западнословацкая) основа бернолачины, ориентации Бернолака на народно-диалектную речь, иногда основной источник усматривался в языке католической письменности Трнавского центра или в чешском литературном языке. Сам Бернолак неоднократно упоминает о том, что он опирался на обиходно-разговорную речь образованных людей (*úzus vzdelancov*). Обзор взглядов чешских и словацких ученых по вопросу об отношении бернолачины к западнословацкой письменной традиции и к словацким диалектам дается в статьях К. Габовштяковой³⁰.

Проблемы, связанные с выяснением диалектной основы бернолачины, до последнего времени в сущности исследовались без привлечения широкого и разнообразного диалектного материала, хотя попытки такого рода уже предпринимались³¹. Тщательный сопоставительный анализ словацкого диалектного материала и характерных черт бернолачины³² позволил Габовштяковой не только сделать ряд интересных наблюдений, но и прийти к выводу о том, что словацкие диалекты (в частности и западнословацкие) нельзя считать непосредственной основой бернолаковской кодификации³³. Вместе с тем, как показывает Габовштякова, все же существует явная связь бернолачины с живой народно-диалектной речью, определенная зависимость ее от словацких диалектов. При этом наиболее

²⁸ По вопросу об идейных предпосылках бернолаковского движения см.: А. Mgráz. Указ. соч.; J. Käfer. K dejinám slovenskej predbernoľákovskej literatúry a jazyka. «Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského...».

²⁹ J. I. Bajza. René mláďenca príhodi a skúsenosti. Bratislava, 1783.

³⁰ К. Габовштякова. Niekoľko poznámok o Bernolákovej spisovnej slovenčine. «Jazykovedný časopis», 1958, 9; она же. Pramene Bernolákovej kodifikácie spisovnej slovenčiny. «Studia Slavica», 8, Budapest, 1962.

³¹ См. например: V. Vážný. Spisovný jazyk slovenský. «Československá vlastivěda», 3, 1933; J. Mihál. Bernolákovo Slovar. «Sborník Matice slovenskej», 19, 1941.

³² Краткий обзор характерных языковых особенностей бернолачины см. также: Н. А. Кондрашов. О формировании словацкого литературного языка. «Славянская филология», вып. 3, изд-во МГУ, 1960, стр. 9—13.

³³ Ср. К. Габовштякова. Pramene Bernolákovej kodifikácie spisovnej slovenčiny, стр. 336.

отчетливо выявляется западнословацкая диалектная основа (которая не сводится к одному трнавскому диалекту). Заметны в бернолачине и некоторые среднесловацкие и общесловацкие черты. Достоверных свидетельств связи бернолачины с восточнословацкими диалектами, как указывает автор, обнаружить не удалось³⁴.

В этой же связи следует упомянуть статью Габовштиковой, специально посвященную выяснению отношения лексики бернолачины к словацкой диалектной лексике³⁵. Автор показывает, что Бернолак довольно широко использовал лексику народно-разговорной речи. Правда, по мнению Габовштиковой, нельзя с полной определенностью ответить на вопрос, какие диалекты послужили самым богатым источником для «Словаря» Бернолака. Автор отмечает, что Бернолак черпал лексику прежде всего из западнословацких диалектов, но он включал в словарь также и некоторые слова из среднесловацких диалектов (в частности из верхнеоравского диалекта — родного диалекта Бернолака).

Таким образом, с одной стороны, устанавливается, что словацкие диалекты (даже западнословацкие) не были непосредственной языковой основой бернолаковской кодификации, с другой стороны, констатируется явная связь бернолачины со словацкими диалектами (причем не только западнословацкими, но и среднесловацкими). Однако противоречия здесь нет. Дело в том, что, как показывают новейшие работы словацких лингвистов, взаимоотношения между словацкими диалектами и литературным языком, узаконенным Бернолаком, были более сложными, чем предполагаемая иногда прямая, непосредственная связь. Можно считать установленным, что связующим звеном между западнословацкими диалектами и бернолачиной была своеобразная языковая формация интердиалектного характера — так называемый «культурный западнословацкий язык» (*kultúrna zápodoslovenčina*)³⁶. Под термином «культурный западнословацкий язык» имеется в виду обиходно-разговорный словацкий язык, который сложился в Западной Словакии в XVI—XVII вв. на базе чешского литературного языка и живых местных говоров³⁷. Он широко употреблялся в среде словацкой интеллигенции (сначала без письменной фиксации, но постепенно проникал и в литературу). Этот «культурный западнословацкий язык» и явился главным, основным источником бернолаковской кодификации³⁸.

Недостаточная изученность сложной культурно-языковой ситуации в Западной Словакии в XVI—XVIII вв. [прочная письменная традиция «библичины» у словацких протестантов, формирующийся на базе «библичины» и местной диалектной речи обиходно-разговорный язык, распространенный в среде образованных словаков (без конфессиональных различий)³⁹, тенденции словакизации, захватывающие письменность на «библичине», попытки писать по-словацки, внедрение обиходно-разговорной речи («úzus») в католическую литературу Трнавского центра,

³⁴ Указ. соч., стр. 336—337.

³⁵ K. H a b o v š t i a k o v á. Vzt'ah slovnej zásoby Bernolákovho slovára k slovenským nárečiam. «Jazykovedný časopis», 1962, 13.

³⁶ Этот термин ввел в научный обиход Э. Паулины (См.: E. P a u l i n y. Čeština a jej význam pri rozvoji slovenského jazyka a našej národnej kultúry. В сб.: «O vzájomných vzt'ahoch Čechov a Slovákov». Bratislava, 1956).

³⁷ Ср. E. P a u l i n y. Poznámky k vzniku slovenskej národnosti zo stanoviska historickej jazykovedy. «Historický časopis», 7, 1959, стр. 107; K. H a b o v š t i a k o v á. Význam Bernolákovho jazykovedného diela v dejinách spisovnej slovenčiny. «Slovenská reč», 27, 1962, стр. 323.

³⁸ См.: K. H a b o v š t i a k o v á. Pramene Bernolákovkej kodifikácie spisovnej slovenčiny, стр. 319.

³⁹ См.: E. P a u l i n y. Čeština a jej význam pri rozvoji slovenského spisovného jazyka. . . , стр. 113.

наконец, воздействие народно-диалектной речи на различные разновидности письменного языка] не дает пока возможности вполне определенно и однозначно ответить на вопрос, что же в сущности конкретно представлял собой «культурный западнословацкий язык».

В этой связи значительный интерес представляют работы, в которых исследуются письменные памятники, а также элементы обиходно-разговорной речи в Западной Словакии XVI—XVII вв. Серьезное внимание уделяет этому вопросу К. Габовштикова, которая анализирует как старые печатные издания, так и исторические песни⁴⁰. Выяснению некоторых вопросов, связанных с процессом формирования «культурного западнословацкого языка», посвящено исследование Р. Крайчовича⁴¹.

Тщательный лингвистический анализ языка архивных документов XVI, XVII, XVIII вв. (главным образом административно-правового характера) из различных районов юго-западной Словакии позволил автору показать глубокие корни и вскрыть характерные черты того интенсивного унифицирующего процесса в письменной сфере, который протекал на данной территории в добернолаковский период. Этот процесс вел к устранению дифференцированности языка письменности этого периода, к созданию письменной формы «культурного западнословацкого языка». Ранняя фаза этого процесса, по мнению Крайчовича, начинается уже в первой половине XVI в.⁴² с центром в городе Трнава. Во второй половине XVII в. процесс унификации выявляется уже вполне отчетливо, а ко второй половине XVIII в. становится настолько интенсивным, что «язык документов этого периода представляется языком относительно стабилизированным»⁴³.

В этом процессе значительную роль играют как чешский литературный язык («библичина»), так и местные диалекты и обиходно-разговорная речь. Относительно первой фазы этого процесса можно говорить, как указывает автор, о двух вариантах письменной формы «культурного западнословацкого языка», источниками которых были две диалектные области юго-западной Словакии (говоры окрестностей Трнавы и загорский диалект). Эти два варианта постепенно и особенно в XVIII в. сближались друг с другом. Чешский литературный язык оказывал влияние на процесс унификации прежде всего благодаря своей нормированности и развитости. Интересно замечание автора о положительном воздействии на процесс формирования «культурного западнословацкого языка» среднесловацких диалектов.

Характеризуя источники бернолаковской кодификации, следует назвать также чешский литературный язык («библичину»), бытовавший в Словакии в то время в качестве письменного языка. Словацкие лингвисты высоко оценивают роль и значение чешского языка в истории формирования словацкого литературного языка, в развитии словацкой национальной культуры⁴⁴.

⁴⁰ K. H a b o v š t i a k o v á. Prameny Bernolákovej kodifikácie spisovnej slovenčiny.

⁴¹ R. K r a j č o v i č. K problematike formovania kultúrnej západoslovenčiny. «Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského...».

⁴² R. K r a j č o v i č. Указ. соч., стр. 98.

⁴³ Там же, стр. 99.

⁴⁴ См.: E. P a u l i n y. Čeština a jej význam pri rozvoji slovenského spisovného jazyka...; он же. Kultúrnohistorické podmienky a spoločenské funkcie bilingvizmu v dejinách spisovnej slovenčiny. «Československé prednášky pro IV. mezinárodní zjezd slavistů v Moskvě». Praha, 1958; он же. Культурно-исторические условия и общественные функции двуязычия в истории словацкого языка. «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии». П. М., 1962; K. H a b o v š t i a k o v á. Podiel češtiny na formovaní Bernolákovej spisovnej slovenčiny. «Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensis», 4, 1962.

В новейших работах словацких лингвистов литературный язык, узаконенный Бернолаком, рассматривается как закономерный этап в развитии по линии, которую схематически можно представить в следующем виде: литературный чешский язык («библичина») — «культурный западно-словацкий язык» — бернолачина⁴⁵. Иногда эта схема несколько модифицируется: чешский литературный язык — «культурный западно-словацкий язык» — язык католической контрреформационной письменности — бернолачина⁴⁶. Однако, если учесть, что язык католической контрреформационной письменности восходит к «культурному западно-словацкому языку»⁴⁷, станет ясно, что общая линия развития в сущности остается прежней. Правда, во втором случае ближайшим источником бернолачины оказывается язык католических писателей, но это не означает, что только через его посредство бернолачина связана с «культурным западнословацким языком». Некоторые словацкие лингвисты предпочитают видеть источник бернолачины прямо в «культурном западнословацком языке»⁴⁸. Этот вопрос, видимо, еще нуждается в выяснении, тем более, что язык католической литературы (jazykovú úzus katolíckych spisovateľ'ov) добернолаковского периода так же, как и «культурный западнословацкий язык», до настоящего времени исследован еще недостаточно⁴⁹.

Охарактеризованное выше понимание процесса развития бернолачины, естественно, предполагает значительную роль чешского литературного языка как исходной базы формирования словацкого литературного языка. Можно согласиться с мнением К. Габовштиковой о том, что отношение Бернолака к чешскому языку следует изучать прежде всего как бы через призму «культурного западнословацкого языка», так как через его посредство проникали в бернолачину многие чешские языковые элементы⁵⁰. Вероятно, наряду с этим можно предполагать и непосредственное влияние чешского литературного языка («библичины»), который, послужив одним из «составляющих» «культурного западнословацкого языка», вместе с тем активно конкурировал с ним, как позднее и с бернолачиной, в письменной сфере, в деле установления норм словацкого литературного языка. В этой связи представляется интересным высказывание Э. Йоны о чешском языке как языке-модели⁵¹.

Таким образом, в настоящее время словацкие лингвисты, характеризуя исходную базу литературного языка, узаконенного Бернолаком, не абсолютизируют какой-либо один, пусть и существенный фактор (например, западные словацкие диалекты, чешский литературный язык или язык словацкой католической литературы XVII—XVIII вв. и под.), а указывают в сущности на совокупность взаимосвязанных факторов и источников, над которыми доминирует «культурный западнословацкий язык». И хотя здесь не все еще достаточно ясно, такое понимание представляется нам перспективным. Оно находится в соответствии с современным уровнем общей теории развития литературных языков (в частности, сла-

⁴⁵ Ср.: E. Pauliny. Čeština a jej význam pri rozvoji slovenského spisovného jazyka. . . , стр. 118; K. H a b o v š t i a k o v á. Pramene Bernolákovej kodifikácie spisovnej slovenčiny, стр. 315.

⁴⁶ E. Pauliny. K jubileu Antona Bernoláka, стр. 4.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ K. H a b o v š t i a k o v á. Pramene Bernolákovej kodifikácie. . . , стр. 315.

⁴⁹ Ср. E. J ó n a. Vývoj názorov na spisovnú slovenčinu a na problémy jazykovej kultúry. «Jazykovedné štúdie», 7. Bratislava, 1963, стр. 22.

⁵⁰ K. H a b o v š t i a k o v á. Pramene Bernolákovej kodifikácie. . . , стр. 315.

⁵¹ См.: E. J ó n a. Указ. соч., стр. 19, 22; он же. K periodizácii dejín slovenských spisovných jazykov a k všeobecným zákonitostiam ich vývinu. «Jazykovedný časopis», 1963, 14, стр. 14.

вянских), для которой понятие культурного языка (диалекта) как интердиалектной языковой формации донационального периода является-весьма характерным и важным.

Бернолак хотел видеть литературный язык словаков самостоятельным, единым и нормализованным. Он не только доказывал важность и необходимость создания такого литературного языка, но и написал ряд работ, представляющих в совокупности первую научно обоснованную попытку в этом направлении.

Литературный язык, узаконенный Бернолаком, просуществовал в практическом пользовании немногим более пятидесяти лет. Однако бернолачина не стала единым литературным языком словаков. Она получила признание лишь в кругах словацкой интеллигенции католического вероисповедания. На бернолачине писали свои труды, например, такие видные деятели словацкого национального движения, как просветитель Ю. Фандли и известный поэт Ян Голлый. Вместе с тем словаки-протестанты продолжали, как и прежде, пользоваться чешским литературным языком («библичтиной»). Лишь с узаконением литературного языка, основоположником которого явился Людовит Штур (1815—1856), и последующим признанием его в качестве единого литературного языка словаков был положен конец сосуществованию и конкуренции этих двух литературно-письменных языков. Новый литературный язык, кодифицированный Л. Штуром на базе среднесловацкого культурного интердиалекта, прочно вошел в жизнь словацкого народа, стал важным орудием развития национальной культуры.

В силу ряда объективных исторических условий бернолачина не удержалась. Это, однако, не умаляет значения того важного национально-культурного акта, который был предпринят Бернолаком. Языковая деятельность Бернолака, для которой была характерна национально-просветительская направленность, сыграла большую роль в развитии словацкого литературного языка. Как в идейно-политическом и национально-культурном отношении, так и в лингвистическом плане бернолачина послужила важным источником для успешной кодификаторской деятельности Л. Штура и его сторонников. Л. Штур не только высоко ценил патриотические усилия Бернолака, но и сознательно продолжал и развивал некоторые разработанные им принципы и положения (в частности, он вслед за Бернолаком принял фонологический принцип правописания).

Труды Бернолака оказали заметное влияние на развитие словацкой национальной культуры, они послужили серьезным импульсом в деле формирования литературных норм национального языка словаков и являются ярким свидетельством начального этапа в становлении словацкого литературного языка.

О РАБОТЕ НАД ОДНОТОМНЫМ СЛОВАРЕМ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

В перспективных планах работы Сектора славянского языкознания продолжительное время значилась тема по старославянской лексикографии, но эта работа все время откладывалась, так как Сектор для ее выполнения мог выделить только двух сотрудников и на сравнительно короткое время. Между тем известно, что составление картотеки древнеславянских памятников, без которой немислима лексикографическая работа, даже при современных методах копирования материала — дело чрезвычайно трудоемкое. Аналогичная картотека в Институте славяноведения Чехословацкой Академии наук составлялась в течение 15 лет высоко квалифицированным коллективом из 15 сотрудников. Поэтому, когда в 1960 г. было заключено соглашение о научном сотрудничестве между АН СССР и АН ЧССР, одним из пунктов которого была совместная работа чешских и советских лингвистов по созданию общедоступного Словаря старославянского языка в одном томе на базе чехословацкой картотеки, мы восприняли это предложение с большой радостью и готовностью приложить все силы для осуществления этого важного труда.

Не говоря о нуждах славистов самых различных специальностей — от языковедов до этнографов, — подобный словарь крайне необходим студентам гуманитарных факультетов университетов и педагогических институтов нашей страны, в которых старославянский язык является обязательной дисциплиной. Последний словарь древнеславянских памятников, составленный А. Х. Востоковым, вышел более ста лет назад — в 1858—1861 гг. и давно стал библиографической редкостью. Для своего времени это был выдающийся труд мирового значения, он был во многих отношениях лучше аналогичной работы Фр. Миклошича 1862—1865 гг., содержал громадное количество выписок из различных, часто неопубликованных рукописей XI—XVIII вв., но в нем, естественно, не учитывались многие важнейшие древнеславянские памятники, открытые или изданные позднее, к тому же, и это главное, он значительно устарел в методологическом отношении.

Наш однотомный словарь задуман как общедоступное пособие по лексике старославянского языка, основанное вместе с тем на строгих научных принципах. Словарь будет включать весь словарный состав древнейших старославянских текстов общеславянского значения. Это — памятники конца X и XI в. — 14 болгаро-македонских и один чехоморавский (Зографский и Мариинский кодексы, Супрасльская рукопись, Саввина книга, Синайский эвхологий, Синайская псалтырь, Киевские листки и др.). В словарь включаются все слова, встречающиеся в отобранных текстах, независимо от этимологии. Самостоятельными словарными статьями будут даны и такие слова, которые рассматриваются как ошибки или описки писца (с отсылкой на основное слово). Словарь строится на строго синхронных основаниях, а потому все слова рассматриваются в нем как одновременно существующие и для определения их значений составитель исходит прежде всего из тех конкретных контекстов, которые

имеют место в памятниках. Только эти контексты и являются непосредственными источниками определения значения слова; одновременно составитель пользуется как вспомогательными всеми дополнительными источниками, которые помогают понять данный контекст или данное слово. К таким источникам относятся прежде всего материалы картотеки ЧСАН, включающие лексику 83 памятников славянской письменности X—XVI вв., анализ греческих соответствий, словари славянских языков, исследования по старославянскому языку. Владение всеми этими источниками необходимо, так как специфической особенностью данного словаря является ограниченное количество употреблений примерно для $\frac{4}{5}$ всего словарного состава старославянского языка. Подсчеты показали, что $\frac{4}{5}$ всех слов, отмеченных в наших памятниках, встречаются в текстах не более 10 раз.

На совещании в ноябре 1960 г. в Праге (коллектив Института славяноведения АН СССР представлял С. Б. Бернштейн) было подписано соглашение, определяющее основные условия нашей совместной работы с чехословацкими коллегами. В этом соглашении указано, что в Праге и Брно (филиале пражского института) составляется первая половина словаря (буквы А—О), в Москве — вторая (от П до конца алфавита), словарь составляется на основе чехословацкой картотеки и печатается в Москве.

В 1961 г. был написан проект проспекта однотомного Словаря, в котором определялись критерии отбора памятников и их состав, устанавливалась структура словаря и словарной статьи, определялись принципы и средства раскрытия значений слова¹. Проект проспекта детально обсуждался на заседании Сектора славянского языковедения Института славяноведения АН СССР совместно с сотрудниками Древнерусского словаря Института русского языка АН СССР во главе с Р. И. Аванесовым, а затем коллективом сотрудников Большого (трехтомного) старославянского словаря в Праге и Брно и был принят как основа дальнейшей совместной работы. В этом году мы приступили к работе над своей частью словаря. Перед нами стояло немало трудностей, так как картотека находится в Праге и Брно, а сроки наших командировок предельно ограничены. Необходимо было найти такие формы работы, которые бы позволили в доступные нам сроки максимально использовать материалы этой уникальной картотеки, насчитывающей около 1 500 000 словарных карточек. Необходимо было исключить копирование картотеки и использовать все время на ее изучение. После разнообразных поисков мы пришли к заключению, что нам необходимо до обращения к чехословацкой картотеке иметь по своим буквам собственные картотеки. Они должны составляться по имеющимся памятникам и индексам к ним. Для экономии времени мы отказались от сплошного расписывания. Наши картотеки включают не все слова, имеющиеся в памятниках, а лишь тот материал, который нам необходим в первую очередь — хорошие примеры для иллюстрации значений и оттенков слов в Словаре, устойчивые и типичные сочетания слов, все неясные случаи употребления слова, редкие морфологические формы. Особое внимание обращается на редкие слова, которые специально отбираются по индексам и обрабатываются по памятникам. В результате такой работы мы получаем материал, который по картотеке ЧСАН нужно проверить и дополнить. Практика первой командировки в мае 1961 г. подтвердила правильность нашего метода. В настоящее время после второй поездки в Прагу таким образом обработана половина всего того материала, который приходится на нашу долю.

¹ См.: Р. М. Цейтлин. О принципах составления словаря старославянского языка. — ВСЯ, вып. 6, 1962, стр. 112 и след.

В феврале 1964 г. в Праге в результате детального обсуждения с сотрудниками Большого (трехтомного) словаря старославянского языка был написан (З. Гауптовой и Р. Цейтлин) окончательный текст Инструкции оформления словарных статей. Эта Инструкция была утверждена и подписана официальными представителями обоих коллективов — проф. К. Горалком и проф. С. Б. Бернштейном.

Сейчас мы приступили к самой ответственной стадии нашей работы — к написанию словарных статей. В качестве пробной в Праге обсуждалась рукопись статей на букву «Р», которая в настоящее время уже подготовлена к печати, пишутся словарные статьи самых объемных букв Словаря — «П» и «С». Вся авторская работа должна быть завершена в 1967 г. Мы надеемся, что наш однотомный Словарь старославянского языка выйдет из печати к следующему, шестому, международному съезду славистов, который состоится в Праге в 1968 г.

Р. М. Цейтлин

РАБОТА НАД «КАРПАТСКИМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИМ АТЛАСОМ»

Первое Всесоюзное координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения (январь 1961 г.) приняло решение о создании «Карпатского диалектологического атласа» (далее — КДА). Головным институтом, который должен объединить усилия советских языковедов, участвующих в подготовке КДА, был утвержден Институт славяноведения АН СССР. Кроме того, активное участие в этой работе решили принимать сектор языкознания Института общественных наук АН УССР во Львове под руководством докт. филол. наук Л. Л. Гумецкой и кафедра украинского языка Ужгородского государственного университета под руководством докт. филол. наук И. А. Дзэндзелевского¹. Вся работу по КДА возглавляет проф. С. Б. Бернштейн. Им же определены основные принципы и задачи составления этого атласа². Создание КДА имеет большое значение для решения не только ряда лингвистических, но и некоторых этногенетических проблем. КДА даст, как подчеркивает С. Б. Бернштейн, «очень важный и ценный материал. . . для изучения взаимоотношений южных и северных групп славянских языков, для выявления ряда важных древних славянских изоглоссных областей. КДА поможет решить много чисто балкановедческих проблем, . . . даст надежный материал для изучения карпатского и балканского языковых субстратов, для изучения славяно-румынских и славяно-венгерских языковых отношений»³.

Сразу же после координационного совещания началась подготовительная работа над КДА. В течение 1961—1962 гг. была составлена, а в июне 1962 г. обсуждена и утверждена «Программа КДА», насчитывающая свыше 550 вопросов⁴. В июле того же года эта программа была проверена в полевой работе. По ней был собран материал в с. Саджевка Коломыйского района Ивано-Франковской области.

Летом 1963 г. с 1 июля по 10 августа, состоялась первая экспедиция по сбору материала для КДА. В ней, кроме научных сотрудников Ин-

¹ См.: «Актуальные проблемы славяноведения». — КСИС, 1961, вып. 33—34, стр. 183—185, 235—236.

² С. Б. Бернштейн. Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков. — КСИС, 1961, вып. 33—34, стр. 183—195. Он же. Карпатский диалектологический атлас. — ВЯ, 1963, № 4, стр. 72—84.

³ С. Б. Бернштейн. Карпатский диалектологический атлас, стр. 84.

⁴ Подробнее об этом см. «Хронику» (ВЯ, 1962, № 6, стр. 148—149).

ститута славяноведения (Е. И. Деминой, М. И. Ермаковой, В. М. Иллича-Свитыча, Л. Э. Калнынь, Г. П. Клепиковой, Т. В. Поповой, В. В. Усачевой), приняли участие сотрудники Института общественных наук АН УССР (Я. В. Закревская, А. Н. Залесский, М. М. Онышкевич), преподаватели и аспиранты кафедры украинского языка Львовского университета им. И. Франко (З. Б. Булык, А. Ф. Захаркив, И. М. Малявская, К. Г. Марущак, Т. И. Панько, руководитель — В. С. Черняк), студенты Дрогобычского пединститута им. И. Франко (М. В. Луканинец, И. П. Сусюк, М. В. Слободян, М. И. Ковтко, Н. С. Герега) под руководством З. П. Гузера и М. П. Кочергана, студенты филологического факультета Московского университета им. М. В. Ломоносова (А. Г. Авксентьева, О. С. Плотникова, Л. П. Рупосова, Л. В. Худякова) под руководством преподавателя Т. С. Тихомировой, преподаватель Ивано-Франковского пединститута А. М. Шляхов, сотрудница Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР (Москва) И. Е. Попова.

В экспедиции 1963 г. было два района полевой работы. Первый — юг Львовской области (Старосамборский, Стрыйский районы) и северо-западная часть Ивано-Франковской области (Калушский район). Это территория распространения так называемых бойковских говоров и граничащих с ними надднестровских⁵. Здесь работало четыре группы под руководством В. М. Иллича-Свитыча, Л. Э. Калнынь, Т. В. Поповой, В. С. Черняк, которыми было обследовано 23 населенных пункта. Второй район — юг Ивано-Франковской области (Верховинский, Косовский р-ны), где распространены гуцульские говоры⁶. Здесь работала группа под руководством Г. П. Клепиковой, собравшая за время экспедиции и позднее (с 30 августа по 12 сентября) материал из 11 сел. В этом же районе была произведена запись на магнитофон образцов народных говоров из 6 населенных пунктов.

Летом 1964 г. (с 30 июня по 9 августа) состоялась вторая экспедиция по КДА. На этот раз районом обследования явилась западная и центральная части Ивано-Франковской области, где работали три группы, в состав которых вошли сотрудники Института славяноведения, преподаватели и студенты Московского и Львовского университетов. Первая группа (М. И. Ермакова, С. Н. Дмитренко, А. С. Новикова, Т. В. Старак, Л. В. Худякова, руководитель — Т. В. Попова) обследовала семь сел в Калушском и Долинском районах Ивано-Франковской области; вторая группа (Б. В. Гражданкин, Л. Н. Андрейченко, руководитель — В. В. Усачева) обследовала три села в Богородчанском районе той же области; третья группа (Е. И. Демина, О. С. Плотникова, руководитель — Г. П. Клепикова) обследовала шесть сел в Вижницком районе Черновицкой и Богородчанском районе Ивано-Франковской областей. Кроме того, в последнем районе было обследовано еще два, а в Тячевском районе Закарпатской области три населенных пункта. Здесь работала группа в составе: Л. Н. Андрейченко, О. С. Плотникова, В. В. Усачева, руководитель — Г. П. Клепикова. В сборе материала приняли участие также студенты и преподаватели Дрогобычского пединститута им. И. Франко. В том же Богородчанском районе группа, возглавляемая преподавателем кафедры украинского языка М. Г. Демским (А. Г. Мартинюк, Г. Ю. Гумен, Г. М. Бегар, О. И. Мельничук), обследовала четыре села.

Таким образом, в результате двух лет интенсивной работы собран материал более чем из 60 населенных пунктов, что составляет примерно две трети всего объема полевой работы.

⁵ См. карту в кн.: Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

⁶ Там же.

Кроме сбора материала в украинских селах, по программе КДА собирается материал и в селах с неславянским населением. Так, силами сотрудников сектора диалектологии Института языка и литературы АН Молдавской ССР (руководитель Р. Я. Удлер) в 1964 г. обследовано 10 сел с романским населением на территории Закарпатской и Черновицкой областей.

В настоящее время в Институте славяноведения АН СССР ведется обработка собранных материалов и составление карт КДА.

Г. П. Клепикова

КАЗИМЕЖ БУДЗЫК

(1911—1964)

Биография скончавшегося 5 марта 1964 г. профессора Варшавского университета Казимежа Будзыка, выдающегося историка и теоретика литературы, библиографа и историка польской культуры, может быть изложена в немногих словах. Выходец из крестьянской семьи, он родился 15 января 1911 г. в Новом Тарге. Там Будзык окончил школу и гимназию, а с 1929 г. связал свою судьбу с Варшавой, обязанной ему многими прекрасными страницами, воскрешающими образы культурной жизни «города Сирены». В столице Польши Будзык поступил в университет и в 1934 г. окончил его со степенью магистра, специализировавшись в области полонистики. Огромное значение для формирования Будзыка как ученого имела его многолетняя работа в отделе старопечатных книг Национальной библиотеки в Варшаве, сопровождавшаяся также изучением рукописных источников. Одним из результатов этой работы было исследование о законодательной деятельности польских сеймов XVII в. За это исследование, снабженное огромным библиографическим аппаратом, сенат действовавшего в варшавском подполье Познаньского университета присудил в 1944 г. молодому ученому степень доктора философии. Осенью того же года многие деятели польской культуры после Варшавского восстания были расстреляны фашистами, брошены в тюрьмы и высланы. Казимеж Будзык очутился в одном из прирейских концентрационных лагерей, где, как он рассказывал впоследствии автору этих строк, его мучили не столько опасения за свою свободу, сколько неотступные мысли о сокровищах польской культуры, погибших в пламени пожаров и под развалинами рухнувших зданий.

В 1945 г. Будзык вернулся в Варшаву и возглавил отдел библиотек Министерства просвещения. Под его руководством началось восстановление многих книжных фондов и организация государственных библиотек Народной Польши. В 1948 г. ученый был назначен профессором Варшавского университета и оставался на этом посту до самой смерти, причем с 1955 г. он заведовал созданной по его инициативе кафедрой теории литературы. Педагогическую деятельность, оставившую заметный след в истории польской науки, Будзык неизменно сочетал с научно-исследовательской и научно-организационной работой. Поддержав инициативу Стефана Жулкевского, он, вместе с Тадеушем Микульским, Марией Ренатой Майеновой, Яном Зыгмунтом Якубовским и другими видными польскими учеными, явился одним из организаторов Института литературоведческих исследований (Instytut Badań Literackich)¹. В 1948—

¹ См. программную статью, отражающую стремления организаторов Института: S. Żółkiewski. Instytut Badań Literackich. «Kuźnica», 1948, № 51.

1950 г. он был заместителем Жулкевского — первого директора Института и, начиная с 1948 г., вместе с Алодией Грычовой подготовил семь томов серии «Книга в старопольской культуре», в третий том которой вошла упомянутая выше докторская диссертация Будзика. Серия эта выпускалась совместно с Национальной библиотекой, связи с которой Будзык никогда не терял, до конца своих дней вспоминая годы, когда он работал там под руководством Казимежа Пекарского, так много давшего и ему, и Микульскому, и Грычовой, посвятившей памяти своего учителя статью, написанную совместно с Будзыком и вошедшую в первый том серии. Будзык входил также в состав редколлегии журнала «Przegląd Humanistyczny» и многих других изданий, в том числе такого историко-ведческого, как «Archiwum literackie».

В список печатных трудов Казимежа Будзика входит свыше двухсот названий, включая книги, сборники исследований, статьи, предисловия к различным изданиям, разраставшиеся иногда до внушительных размеров. Наиболее капитальными трудами Будзика, в которые частично вошли ранее публиковавшиеся работы, являются «Szkice i materiały do dziejów literatury staropolskiej» («Эскизы и материалы к истории старопольской литературы». Варшава, 1955) и двухтомник «Studia z zakresu nauk pomocniczych i historii literatury polskiej» («Исследования в области вспомогательных наук и истории польской литературы». Вроцлав, 1956), причем в приложении ко второму тому этого труда (стр. 371—380) дана библиография работ Будзика за 1931—1956 гг. Краткая библиография трудов ученого содержится в вышедшем за несколько месяцев до его смерти первом томе так называемого «Нового Корбута» («Bibliografia Literatury Polskiej. Słownik współczesnych pisarzy polskich, tom pierwszy». — PWN. Warszawa, 1963), монументального библиографического труда, главным редактором которого был Будзык. Вероятно, именно поэтому статья о нем оказалась такой лаконичной (стр. 316—320).

Однако значение Будзика в истории польских гуманитарных наук определяется не столько количеством его работ, сколько достоверностью и ценностью материалов, введенных им в научный обиход, и методологическим новаторством, проявившимся в стремлении к синтетическому обобщению этих материалов, к комплексному пониманию и изучению культурно-исторического процесса. Такое стремление в полной мере определилось в докладе «Идейно-художественные ценности литературы польского Возрождения» и в других выступлениях Будзика на научной сессии «Возрождение в Польше», организованной Польской Академией Наук в Варшаве 25—30 октября 1953 г. Еще до того, как материалы этой сессии были опубликованы («Odrodzenie w Polsce». Warszawa, 1956), Будзык сделал чрезвычайно важные выводы из основных исследований (в том числе и своих), результаты которых были доложены на заседаниях четырех секций (истории, истории науки, истории искусства и истории языка) данной сессии. Эти выводы он сформулировал в работе «Główne kierunki rozwoju literatury polskiej okresu Odrodzenia na tle niektórych dziedzin kultury» («Главные направления развития польской литературы периода Возрождения на фоне некоторых областей культуры») и включил эту работу в упомянутый уже том «Эскизов и материалов к истории старопольской культуры» (стр. 55—97). Процесс развития польской литературы здесь рассматривается как органическая часть всего историко-культурного процесса, включающего также развитие точных и гуманитарных наук, изобразительного искусства и музыки.

Обосновывая значение Берната из Люблина, Клеменса Яницкого и Миколая Рея как центральных фигур польской литературы первой половины XVI в. а Яна Кохановского — не только как центральной фигуры

XVI в., но и величайшего мастера старопольской литературы в целом, Будзык не раз обращается к этим писателям и в других своих работах², указывая также на блестящую плеяду польских хронистов и историографов — Марцина и Иоахима Бельских, Стрыйковского, Ожеховского, Соликовского, Ожельского и многих других.

Если попробовать представить себе облик Будзыка как ученого, то необходимо остановиться на следующих чертах. Подобно академику Хибиньскому, не раз указывавшему на серьезные пробелы в истории польской музыкальной культуры, Будзык постоянно подчеркивал неполноту картины развития польской литературы. Именно поэтому он, так же как Тадеуш Микульский³, придавал такое значение «вспомогательным наукам», к числу которых он относил прежде всего архивное дело, библиографию и книговедение. Оба они стремились к накоплению максимального количества фактических данных, позволяющих показать непрерывность и закономерности процесса развития отечественной культуры. Работы Будзыка изобилуют ссылками на рукописные материалы архивных фондов, зачастую специально посвящены им, а также библиографической документации того или иного круга проблем. «Зоны влияния» были распределены так, что Микульский занимался преимущественно Просвещением, а Будзык — Возрождением и XVII веком, причем оба исследователя не ограничивались литературоведческими проблемами *sensu stricto*, а стремились к трактовке их в широком культурно-историческом аспекте. Не подлежит никакому сомнению, что в лице Будзыка польская наука потеряла одного из самых компетентных исследователей, настоящего знатока польского Возрождения. Его суждения отличались обоснованностью — и высокая оценка, дававшаяся Будзыком, например, Рею, несокрушимо противостояла невежественным, реакционным попыткам буржуазных литературоведов принизить значение этого великого писателя и деятеля культуры, подготовившего появление Кохановского и прославившего великого Яна из Чернолесья.

Подобно Пекарскому и Микульскому, Будзык сделал серьезный вклад в польское книговедение. Он был не только выдающимся библиографом, но и историком книгопечатания (в частности, варшавского), глубоко понимавшим значение книги как глашатая общественной мысли и, вместе с тем, как произведения искусства. Любовь к книге он прививал своим многочисленным ученикам, о книге он находил проникновенные слова, когда принимал участие в составлении школьных учебников, когда высказывался по вопросам преподавания истории литературы⁴. Значительное место в трудах Будзыка занимают проблемы теории литературы. Но писал ли он о строфике Берната из Люблина, о стихосложении и поэтике Кохановского, о польском силлаботонизме или о произведениях Мицкевича, касался ли он общих проблем литературно-исторического процесса, — всегда его увлекала проблема комплексного обобщения различных областей истории культуры. В одной из своих последних статей, опубликованных в Чехословакии (где, кстати сказать, работы Будзыка печатались

² См., например, статьи в том же сборнике: «Poglądy społeczne Biernata z Lublina», «Sprawa Reja», «Życie i twórczość Mikołaja Reja», «Jana Kochanowskiego droga do Czarnolasu», «Życie i twórczość Jana Kochanowskiego», «Znaczenie Kochanowskiego dla rozwoju poezji polskiego Odrodzenia», а также «Średniowieczne i renesansowe tradycje dawnego bajkopisarstwa polskiego» («Z polskich studiów slawistycznych»). — PWN, 1963) — доклад на Пятом международном съезде славистов в Софии.

³ См. о нем: Л. А. Козырева. Тадеуш Микульский — исследователь польского Просвещения. «Ученые записки Ин-та Славяноведения», т. XXVIII. М., 1964.

⁴ См., например: К. Будзык. Książka i literatura na poziomie szkoły podstawowej. Warszawa, 1949.

начиная с 1937 г.), ученый призывал к «интеграции гуманитарных наук»⁵.

Труды покойного ученого публиковались во многих зарубежных странах. Сравнительно недавно в томе «Избранных произведений» Яна Кохановского, подготовленном в серии «Литературных памятников» (АН СССР, 1960) проф. С. С. Советовым, появилась, например, в русском переводе С. Свяцкого работа К. Будзыка «Ян Кохановский — творец польского стиха» (заметим попутно, что перевод этот не учтен в библиографическом указателе «Нового Корбута»). С полным основанием можно сказать, что ни один советский полонист не прошел мимо трудов Будзыка, давно уже завоевавших признание в нашей стране. О высокой оценке, которую они получили на родине ученого, свидетельствует факт двукратного присуждения ему Государственной премии Польской Народной Республики (1951, 1955).

С глубоким уважением и скорбью писали о Будзыке его друзья и соратники — Мария Рената Майенова, опубликовавшая вскоре после смерти ученого его некролог, Здзислав Либера, особо подчеркнувший разносторонность научно-исследовательской, педагогической и редакционно-издательской деятельности Будзыка и комплексный характер его многочисленных трудов.

Казимеж Будзык навсегда останется в нашей памяти как самоотверженный, талантливый и неутомимый труженик, с чувством национальной гордости изучавший богатства отечественной культуры, утверждавший ее самобытные, славные традиции. Он отдавал все свои силы культурному строительству в Народной Польше и передавал молодым поколениям заветы патриотического служения родине.

Игорь Балза

А. Н. МАЛЬЦЕВ

(1921—1964)

21 апреля 1964 г. неожиданно скончался Александр Николаевич Мальцев, доцент кафедры истории СССР периода феодализма исторического факультета МГУ. Александр Николаевич родился в 1921 г. в г. Калинин. Уже со школьной скамьи он проявлял интерес к отечественной истории. Любовь к прошлому привела его на исторический факультет Московского университета, который он окончил в 1944 г., после чего поступил в аспирантуру, а в 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную истории освободительной борьбы белорусского народа в середине XVII в. Еще будучи студентом, Александр Николаевич работал в спец-семинарах академика М. Н. Тихомирова. Вся его дальнейшая научная работа была тесно связана с многогранной исследовательской деятельностью нашего выдающегося ученого-слависта. У М. Н. Тихомирова Александр Николаевич имел возможность не только приобрести навыки и приемы научной работы. Творческое общение с академиком М. Н. Тихомировым в значительной мере определило круг научных интересов Александра Николаевича. Главной темой его исследования был XVII век, причем Александр Николаевич особенно интересовался историей России, Украины, Белоруссии и Литвы, прежде всего их истори-

⁵ K. Budzyk. O teorii literárnohistorického procesu. «Slovenska literatúra», 1962, № 1, str. 63.

ческими связями, а также историческими связями восточно-славянских народов с Польшей.

Перу Александра Николаевича Мальцева принадлежит около 30 печатных работ, значительная часть из которых посвящена истории освободительной борьбы белорусского и украинского народов, их отношениям и связям с Россией и Речью Посполитой¹. Интересовали его также вопросы внутреннего развития России, Белоруссии и Литвы XVII в.².

Итогом его многолетних изысканий в области русско-белорусских, русско-украинских и русско-польских отношений XVII в. должна была стать большая монография «Россия и Белоруссия во 2-й половине XVII века», над которой А. Н. Мальцев работал до самых последних дней своей жизни.

Широкий диапазон, стремление активно участвовать в научной жизни определили сотрудничество Александра Николаевича со многими научно-исследовательскими учреждениями и издательствами (Институт истории АН СССР, Археографическая комиссия, изд-во «Советская энциклопедия» и др.). Александр Николаевич поддерживал постоянные контакты также и с Институтом славяноведения АН СССР, а последнее время активно сотрудничал с группой славяно-германских отношений этого Института.

Преподаватель и лектор по призванию, Александр Николаевич уже с 1946 г. начал вести педагогическую работу, сначала в Московском библиотечном институте, в Московской юридической школе, в вечерних университетах марксизма-ленинизма, в Государственном историко-архивном институте, а с 1954 г. на историческом факультете МГУ по кафедре источниковедения истории СССР, затем по кафедре истории СССР периода феодализма.

Смерть оборвала интересную и яркую жизнь. Александр Николаевич умер в разгаре творческих сил, исполненный больших научных планов и замыслов. Из жизни ушел внимательный и добросовестный исследователь, чуткий педагог, прекрасный товарищ, человек доброго и чистого сердца и светлого ума.

В. Д. Королюк, А. И. Rogov

¹ «Война за Белоруссию и освобождение Смоленска в 1654 году». — «Исторические записки», кн. 37, М., 1954; «Боевое содружество русского, украинского и белорусского народов в борьбе за освобождение Украины и Белоруссии (1654—1655 гг.)» — Сб. «Воссоединение Украины с Россией». М., 1954; «Военные действия русских войск в Белоруссии и Литве летом 1655 г.» — КСИС АН СССР, вып. 13, М., 1954; «Первый этап русско-польской войны за освобождение Украины и Белоруссии (1654—1655 гг.)» — «Очерки истории СССР. 17 век». М. Изд-во АН СССР, 1955; «Международное положение Русского государства в 50-х годах и русско-шведская война 1656—1658 г.», там же; «Продолжение и завершение русско-польской войны (1658—1667 гг.). Андрусовское перемирие», там же; «Международное положение России в начале 80-х годов. — «Вечный мир» 1686 г. и Крымские походы 1687 и 1689 гг.», там же (совместно с И. Б. Грековым).

² «Право и суд в Русском централизованном государстве в конце 15 и первой половине 16 в.» — «Очерки истории СССР. Конец 15—начало 17 в.» М., Изд-во АН СССР, 1955; «К истории крестьянского движения и политики царского правительства в Белоруссии в середине 17 в.» (Вступительная статья и публикация). «Исторический архив», № 2, 1955; «Новые документы по истории социальных отношений на Украине в середине 17 в.» (Вступительная статья и публикация). «Археографический ежегодник». М., 1960; «Баркулабовская летопись. Вступительная статья и публикация». — «Археографический ежегодник за 1960 г.». М., 1962; «Крестьянские движения в западных районах России, Белоруссии и Литвы 1654—1658 гг.» — «Тезисы докладов и сообщений 6-й сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». Вильнюс, 1963; «Наказы белорусских и литовских шляхетских сеймиков 1657 г.» — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова». М., 1963; «Крестьянское движение в западных русских уездах в середине 17 в.» — «Вестн. МГУ. История», № 3, М., 1963.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С Т А Т Ь И

Г. К. Венедиктов. К вопросу о начале современного болгарского литературного языка	3
Н. И. Толстой. Страничка из истории македонского литературного языка	17
Р. П. Усикова. О некоторых изменениях форм в македонском литературном языке	35
М. И. Ермакова. Из истории употребления простых форм прошедшего времени в серболужицких литературных языках	41
Г. П. Пещименко. Тенденции употребления существительных женского рода со значением лица в литературном чешском языке	51
Р. М. Цейтлин. Об употреблении термина «старославянизм»	64
М. Г. Рожновская. Два типа конструкций «глагол + предикативное определение» в болгарском языке	68

О Б З О Р Ы

Л. И. Смирнов. У истоков словацкого литературного языка (обзор новейшей литературы о языковой деятельности А. Берполака)	85
--	----

Х Р О Н И К А

О работе над однотомным словарем старославянского языка	95
Работа над «Карпатским диалектологическим атласом»	97
Казимеж Будзык (1911—1964)	99
А. И. Мальцев (1921—1964)	102

Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 43. История славянских литературных языков

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор издательства Г. Н. Корозо. Технический редактор Р. М. Денисова

Сдано в набор 21/ХII 1964 г. Подписано к печати 26/II 1965 г. Формат 70×108²/₁₆. Печ. л. 6,5.
Усл. печ. л. 8,90. Уч.-изд. л. 8,6. Тираж 1600 экз. Изд. № 4616/65. Тип. зак. № 1113
Темплан 1965 г. № 253.

Цена 52 коп.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука», Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12.

52 коп.